



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

27231

66



3 2044 014 099 204

27231.66

HARVARD COLLEGE
LIBRARY



FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT
CLASS OF 1828

Г. Александровскій.

КРИТИКО-БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ
ТРУДОВЪ
ПО РУССКОМУ БОГАТЫРСКОМУ
ЭПОСУ

ИЗДАНИЕ Ж. „ГИМНАЗІЯ“

Ревель

Печатано въ тип. „Ревельскихъ Извѣстій“.

1898

Г. Александровскій.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ
ТРУДОВЪ
ПО РУССКОМУ БОГАТЫРСКОМУ
ЭПОСУ

ИЗДАНИЕ Ж. „ГИМНАЗІЯ“

Ревель

Печатано въ тип. „Ревельскихъ Извѣстій“
1898

27231.66

v



Minot H.

L

Оттискъ въ ж. «Гимназія» 1896 и 1897 г.г.

Предисловіе.

Предлагаемый вниманию читателей «Критико-библиографическій обзоръ трудовъ по русскому богатырскому эпосу» является сводомъ теорій и мнѣній, которыя были высказываемы въ наукѣ для разъясненія темнаго вопроса о происхожденіи нашихъ былинъ. Обзоръ ведется въ хронологическомъ порядкѣ, при чемъ дѣлаются и критическія замѣчанія о разбираемыхъ трудахъ, главнымъ образомъ, на основаніи появившихся разборовъ данныхъ сочиненій, а также съ точки зрѣнія современнаго взгляда на былевую эпосъ. Необходимость подобнаго «Обзора» будетъ вполне понятна, если вспомнить, что о богатырскихъ пѣсняхъ составила цѣлая огромная литература, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе возрастающая. Если мой «Обзоръ» можетъ хоть до нѣкоторой степени послужить путеводною нитью для изучающаго былины и поможетъ ему разобратъ въ массѣ относящихся сюда изслѣдованій, я буду считать свою цѣль достигнутой. Обзору предпослано введеніе, гдѣ разсматриваются общіе вопросы нашего былевого эпоса, не затрогиваемые въ главахъ о былевой поэзіи въ исторіяхъ русской словесности, обращающихся къ широкой публикѣ. Въ концѣ будетъ приложенъ «Указатель литературы предмета», расположенный въ хронологическомъ порядкѣ.

В в е д е н і е.

На долю русскаго народа выпала рѣдкая участь сохранить въ живомъ словѣ до нашихъ дней свой народный эпосъ, называемый былевымъ, или богатырскимъ и воспѣвающій подвиги и дѣянія отдѣльныхъ лицъ, издавна усвоившихъ названіе богатырей. «Пѣсня наша», какъ справедливо замѣтилъ еще въ 1852 году А. С. Хомяковъ: «доселѣ еще творится старымъ органическимъ закономъ, хотя, по всей вѣроятности, мы переживаемъ, т. е. не мы, а народъ, послѣднюю эпоху такого непосредственнаго творчества.»*) Слово «былевой», «былина» не есть терминъ, сочиненный учеными, для опредѣленія извѣстнаго вида народной поэзіи. Это слово, можно сказать, чисто народное, засвидѣтельствованное старинными русскими рукописями. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ», слово «былина», было противопоставляется «замышленію Бояню», какъ поэтическому замыслу **). Ставши съ теченіемъ вѣковъ этимъ самымъ «замышленіемъ Боянимъ», наши богатырскія кантилены удержали за собою, по старой памяти, названіе былинъ. Что касается до самого народа, то онъ обыкновенно называетъ былины старицами ***), или просто пѣснями, противопоставляя ихъ сказкѣ въ извѣстномъ изреченіи: сказка складка—пѣсня былъ. «Эта старина кончается, а другая начинается», поютъ обыкновенно сказители, переходя отъ одной былины къ другой. «То старина, то дѣяніе», не рѣдко заканчиваетъ пѣвецъ былину, какъ бы убѣждая слушателя въ реальности рассказаннаго.

*) Моск. Сборникъ 1852 г. «Предисловіе къ русскимъ пѣснямъ».

**) Вотъ это мѣсто: «Не дѣпо-ли ны башеть, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстей о полку Игоревѣ, Игоря Святославича. Начати-же ся той пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню».

***) Вѣдь старое есть былое, по замѣчанію О. Миллера.

Такимъ образомъ, названіе русскихъ эпическихъ пѣсень былинами вполне согласно съ народнымъ пониманіемъ этого вида поэзіи.

Героическое поколѣніе людей, подвиги которыхъ воспѣваютъ былины, называется богатырями:

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго князя Владиміра
Было столованіе, почестной столъ,
Было пированіе, почестной пиръ
На многи князи, бояря
И на русскіе могучи богатыри, —

поется нерѣдко въ былинахъ.

Названіе дѣйствующихъ лицъ былинъ богатырями вызвало у насъ не мало споровъ о происхожденіи этого слова, которые и до сего дня остаются неразрѣшенными. Дѣло въ томъ, что на первыхъ страницахъ русской лѣтописи нѣтъ слова «богатырь»; въ этомъ смыслѣ въ дотатарскую эпоху употреблялись выраженія: *кметь* (слово о полку Иг.), *воины*, *витязи*, *храбры* (чаще *другихъ*), *рѣзвцы*, *удальцы*. Въ первый разъ слово «богатырь» употреблено въ Ипатской лѣтописи подъ 1240 г. о татарскихъ вождяхъ. Лѣтопись говоритъ о приближеніи къ Кіеву грозныхъ татарскихъ полчищъ; въ числѣ непріятельскихъ вождей, «*сильныхъ воеводъ*», называются «*Бѣдяй Богатуръ* и «*Бурунъ Богатырь*, иже взя Болгарьскую землю и Суздальскую, и нѣхъ безъ числа воеводъ, ихъ-же не исписахомъ здѣ». Въ языкѣ монгольскихъ племенъ оказались слова, сходныя съ лѣтописнымъ «богатырь» (*багадуръ*, *батуръ*, *баторъ*, *багадаръ*, *багхатуръ*), — и отсюда явилось предположеніе о татарскомъ происхожденіи этого имени. Такого мнѣнія держится издатель «*Codex Cumanicus*», *) словарь Даля и др.

*) *Cod. Cum.* указываетъ на существованіе этого слова въ половецкомъ языкѣ: «*Bogát* i. e. *bahatur*, — «*probus*, *integer*» (с. 116). Издатель замѣчаетъ: «*Cumanicum* «*bahatur*» ex *mongolico* «*bahator*» depromptum est, in *dialecto cagataica* enim «*bator*», «*batur*» occurrit, quod cum *hungarico* «*bátor*» optime congruit, cf. *manguicum* «*botur*», *nogaicum* «*matur*», «*pulcher*», *kasanicum* «*matir*». (*Cod. Cum. Bibliothecae ad templum divi Marci Venetiarum*, edidit Comes Gézakun. 1880 г.)

Д. Щепкинъ предложилъ русское производство этого названія *). Проф. Буслаевъ также склоненъ считать его чисто русскимъ.. «Богатырь происходитъ отъ слова богъ, черезъ прилагательное богатъ и, собственно, значить существо, одаренное высшими божественными преимуществами, какъ герой, происшедшій отъ бога. Только мифическіе великаны въ родѣ Святотора или Микулы Селяниновича въ собственномъ, настоящемъ смыслѣ могли называться божественными, т. е. богатырями. Младшее поколѣніе наслѣдовало отъ нихъ имя это уже по преданію и называлось имъ въ эпосѣ уже по привычкѣ. Итакъ, богатырь есть не что иное, какъ собственно русское названіе тѣхъ-же существъ, которыя въ сербскомъ языкѣ слывятся подъ общимъ индо-европейскимъ именемъ «дивовъ». Что касается до этимологіи имени «богатырь», то, кажется, скорѣе всего можно согласиться съ нѣмецкимъ ориенталистомъ Шоттомъ, возводившимъ его къ санскритскому bhadra (кор. bhand) — радостный, счастливый, отличный, а въ родственныхъ языкахъ и храбрый, такъ что названіе смѣлыхъ витязей богатырями въ одинаковой степени принадлежитъ и славянскимъ и монгольскимъ племенамъ, потому что и у тѣхъ, и у другихъ оно возникло изъ обще-арійской основы.

Каждый національный эпосъ обнаруживаетъ въ теченіе своего долгаго существованія, стремленіе къ единству, къ концентраціи. Первоначально это стремленіе проявляется въ прикрѣпленіи разновременныхъ событій къ одному историческому пункту, а затѣмъ — въ соединеніи въ одни общія сказанія героевъ отдѣльныхъ сагъ. То-же было и съ русскими былевыми пѣснями. По своимъ существеннымъ чертамъ онѣ легко дѣлятся на нѣсколько частей, или цикловъ, сообразно преобладанію той или другой исторической эпохи. Обыкновенно принято дѣлить русскій богатырскій эпосъ на Владиміровъ и Новгородскій циклы. При такомъ дѣленіи

* «Объ источникахъ и формахъ русскаго баснословія». Т. 2, стр. 86.

остаются въ сторонѣ былины о такъ называемыхъ богатыряхъ старшихъ *).

Дѣленіе на циклы русскаго былевого эпоса совершилось нѣсколько иначе, чѣмъ это было у другихъ народовъ, имѣвшихъ свой героическій эпосъ. Обыкновенно это раздѣленіе происходило при содѣйствіи письменности, являвшейся на помощь устному народному творчеству. Такъ было у индѣйцевъ, грековъ, ирландцевъ и французовъ. Между тѣмъ, цивилизація русскихъ былинь возникла независимо отъ письменной литературы, созданная и поддерживаемая исключительно устной передачей народныхъ речесловъ.

Около полустолѣтія тому назадъ въ одномъ очень распространенномъ «толстомъ» журналѣ ***) высказано было мнѣніе, что богатырскія пѣсни Владимира складывались въ эпоху татаръ, литвы, самозванцевъ, а нѣкоторыя даже не болѣе, какъ сто лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время древность русскаго былевого пѣсни не можетъ подлежать сомнѣнію. Не говоря уже о многихъ чертахъ, сохранившихся въ самихъ былинахъ и относящихся, несомнѣнно, къ самой глубокой древности, мы имѣемъ очень важное свидѣтельство старинныхъ напечатаніевъ западно-европейской литературы, дающее право предполагать о существованіи нѣкоторой части нашего былевого эпоса уже въ XIII вѣкѣ. Въ нѣмецкой поэзіи «Ортнитъ» (начала XIII в.) и въ норвежской Тидрексагѣ (половинѣ XIII в.) упоминается нашъ Илья Муромецъ подъ названіемъ Ilias von Rinszen, Ilias af Greka и Iarl Iron af Greka. Не сохранивъ разсказа о былевыхъ дѣяніяхъ этого Ilias'a, норвежская Тидрексага называетъ его братомъ русскаго князя Вла-

*) Выраженіе «богатыри старшіе» впервые употребилъ К. Аксѣевъ на основаніи большой Шенкурской былины (Кирѣев. в. 1. о. 6. № 1). Тамъ говорится объ Ильѣ Муромцѣ:

Иво конь бѣжитъ, какъ соколъ летитъ,

Рѣки и озера промежъ ногъ беретъ...

Старши богатыри дивуются и т. д.

Старшіе богатыри, въ сравненіи съ младшими, отличаются избыткомъ грубой тѣлесной силы; младшіе надѣлены меньшей, но за то болѣе разумной силой.

**) Вибл. для Чтенія 1846 г. 10, стр. 46—48.

диміра. Имя Ильи могло проникнуть такъ далеко на сѣверъ и западъ только изъ народнаго эпоса *), и это указываетъ на широкую популярность перваго русскаго богатыря даже въ тѣ отдаленныя времена.

Нѣтъ сомнѣнія, что былины въ глубокую старину распѣвались, если не по всей территоріи, занятой русскимъ народомъ, то на значительной части ея. За отсутствіемъ достаточнаго количества данныхъ, невозможно въ настоящее время опредѣлить съ точностью того района, въ которомъ можно было слышать русскую былину. Мы имѣемъ пока очень не много фактовъ, свидѣтельствующихъ о географическомъ распространеніи въ старину былевого эпоса. Путешественникъ Эрихъ Ляссота, бывшій въ Кіевѣ въ концѣ XVI в., рассказываетъ, что онъ видѣлъ въ придѣлѣ Софійскаго собора могилу богатыря Ильи Муромца, и тутъ же добавляетъ, что объ этомъ богатырѣ ходитъ въ Кіевѣ не мало всякихъ разсказовъ (*von dem man viel Fabeln sagt*) **). Такимъ образомъ, свидѣтельство Ляссоты указываетъ на то, что въ XVI в. Кіевъ и, естественно, близъ лежація къ нему мѣстности знали преданія объ Ильѣ Муромцѣ. Быть можетъ, память о богатыряхъ Владимірова цикла сохранилась въ названіи одного лежащаго на Днѣпрѣ острова Муромцемъ и въ имени урочища подъ Кіевомъ (Чуриловщина) ***). Народная память малороссовъ сохранила въ своихъ думахъ имя былиннаго богатыря Алеши Поповича и цѣлое сказаніе «о золотыхъ воротахъ», стоящее, какъ это доказано А. Н. Веселовскимъ, въ несомнѣнной близкой связи съ былинами о Миланѣ Игнатьевичѣ. Въ большей степени, чѣмъ въ думахъ, слѣды былевого эпоса сохранились въ малорусскихъ обрядовыхъ пѣсняхъ и въ сказкахъ †).

*) Какъ предполагаютъ нѣкоторые, благодаря разсказамъ ниже-нѣмецкихъ торговыхъ людей, посѣщавшихъ Русь.

**) О. Миллеръ. Илья Муромецъ. Стр. 800.

***) К. Аксаковъ. Сочиненія. Т. I, стр. 336.

†) По словамъ О. Миллера, студенту Экземплярскому удалось слышать въ 60-хъ годахъ въ Малороссіи подробную сказку объ Ильѣ Муромцѣ, которой онъ, къ сожалѣнію, не записалъ. (Илья Муром. Стр. 809 прим.)

Вѣстовая отписка Оршанскаго старосты Филона Клиты Чернобыхвскаго къ Кастеляну Троицкому (1574 г.), въ которой авторъ сравниваетъ свое бѣдственное положеніе съ положеніемъ богатырей, пренебреженныхъ Владиміромъ, указываетъ на то, что въ XVI в. въ нынѣшней Могилевской губ. были популярны сказанія о богатыряхъ*). Свидѣтельство рукописи № 358 Румянцевскаго сборника также даетъ право предположить, что въ XVI в. въ Бѣлоруссіи знали о богатыряхъ Владиміра**).

Такимъ образомъ, на основаніи этихъ немногихъ данныхъ можно заключить о существованіи былевой поэзіи въ сравнительно недавнее время въ Малороссіи и Бѣлоруссіи, гдѣ въ настоящее время она исчезла. Что касается до великорусскихъ губерній, то главнымъ очагомъ былины была, по всей вѣроятности, сѣверо-западная часть сѣверной Россіи, районъ, на которомъ распространилось вліяніе древняго Новгорода. Въ настоящее время золотымъ дномъ для собирателей былины являются Олонецкая и Архангельская губ. и Сибирь; онѣ попадаютъ также и въ Пермской губ., на Дону, по Волгѣ ниже Нижняго Новгорода. Вообще, былины въ скудномъ количествѣ сохранились на площади ограниченной линіями отъ Смоленска до Урала и отъ Костромы до Терека***). Всѣ имѣющіяся въ наличности былины записаны въ указанномъ районѣ великорусскихъ губерній и главнѣйше на дальнемъ сѣверѣ, въ Олонецкой губ., этой Исландіи нашего эпоса. Исчезновеніе былины въ центральной, западной и южной полосахъ Россіи объясняется вліяніемъ историческихъ перемѣнъ въ судьбѣ жившаго въ этой мѣстности народа, который волей

*) Южно-русскія былины. I т. 66.

**) Эта рукопись, относящаяся къ началу 16 в., носитъ заглавіе: «О началствѣ русскыя земля»; въ ней говорится о богатыряхъ Владиміра, избивавшихъ «силы великія половецкія» и заставлявшихъ бояться «царей ордынскихъ». По мнѣнію Соболевскаго, изслѣдовавшаго этотъ текстъ, свѣдѣніе о богатыряхъ могло попасть туда только изъ бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ того времени (Ж. М. Н. П. 89. 7. Соболевскій. Къ исторіи русскихъ былины).

***). Ж. М. Н. П. 1894. 5.13. Миллеръ. Наблюденія надъ географическимъ распространеніемъ былины.

неволей выносили на своихъ плечахъ всѣ внѣшнія и внутреннія невзгоды Русскаго государства. Стоитъ только вспомнить татарское иго, правленіе Московскихъ князей-собирателей, борьбу съ Литвою, Польшей и Турціей, смутное время и, наконецъ, крѣпостное право, чтобы понять, что при такихъ условіяхъ жизни народъ не въ состояніи сохранить память о своемъ далекомъ, подѣ часѣ доисторическомъ прошломъ. Только тамъ, гдѣ историческая жизнь идетъ черепашинымъ шагомъ, куда въ силу географическихъ, или какихъ-либо другихъ условій не проникаютъ «новшества», гдѣ народъ защищенъ отъ всякихъ нападений и вліяній, тамъ возможно сохраненіе въ теченіе многихъ вѣковъ эпической поэзіи. Такимъ именно представляется сѣверъ Россіи и особенно Олонецкая губ. Непроходимые лѣса и болота, до такой степени непроходимые, что люди лишены возможности употребить для сообщенія телеги и принуждены вѣдуть и везти тяжести на волокахъ*), или верхомъ защитили Олонецкаго крестьянина отъ различныхъ постороннихъ вліяній, губительно дѣйствующихъ на первобытную народную поэзію. Отсутствіе фабрикъ, солдатчины, грамотности, разбросанность поселковъ, постоянная упорная борьба съ суровой природой, которая едва-едва даетъ возможность «обгоревать» подати, отдаленность культурныхъ центровъ и отсутствіе всякихъ путей сообщенія, — все это выработало изъ мѣстнаго жителя человѣка, крѣпко держащагося старины, вѣрнаго отцовскимъ и дѣдовскимъ обычаямъ. При такой преданности старинѣ здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, возможно существованіе древнѣйшей эпической поэзіи. Другой причиной, способствовавшей сохраненію здѣсь былевого эпоса является свобода. «Народъ здѣсь оставался всегда свободнымъ отъ крѣпостного рабства. Ощущая себя свободнымъ человѣкомъ, русскій крестьянинъ Заонежья не терялъ сочувствія къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемымъ въ старинныхъ рапсодіяхъ. Напротивъ, что могло остаться

*) Т. е. на оглобляхъ; лошади запрягаются въ оглобли, къ концу которыхъ прикрѣпляется поперечная доска, волокающаяся по землѣ.

сроднаго въ типѣ эпическаго богатыря человѣку, чувствовавшему себя рабомъ?» *) Наконецъ, однимъ изъ важныхъ условий, благопріятствовавшихъ сохраненію здѣсь былины, является поэтическая воспримчивость населенія, яркимъ свидѣтелемъ которой служитъ масса чудныхъ лирическихъ причитаній, собранныхъ въ большомъ количествѣ Рыбниковымъ и Е. В. Барсовымъ. Отсутствие всякаго рода постороннихъ вліяній до сихъ поръ сохранило въ олончаныхъ наивную вѣру въ повѣствуемое въ былинахъ, — условіе, безъ котораго невозможно непосредственное, живое сохраненіе эпической поэзіи. «Множество признаковъ», пишетъ Гильфердингъ: «убѣдили меня, что сѣверо-русскій крестьянинъ, поющій былины, и огромное большинство тѣхъ, которые его слушаютъ, безусловно вѣрятъ въ истину чудесъ, какія въ былинахъ изображаются». **)

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ былевой эпосъ и теперь ключемъ бьетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Олонецкаго края. Тутъ именно записана значительнѣйшая часть былины нашими незабвенными собирателями народнаго творчества, самоотверженно посвятившими себя изученію дорогаго для нихъ русскаго народа.

Въ наше время далеко не всякій знаетъ и можетъ сказывать былины, хотя несомнѣнно, что въ старину этотъ родъ поэзіи былъ хорошо извѣстенъ многимъ. «Въ Заонежьи и на Пудожскомъ побережьи у всякаго смышленнаго пожилого человѣка отыщется въ памяти одна-двѣ былины и, хотя самъ-то онъ полагаетъ, что ничего не знаетъ, однако, при случаѣ, вдругъ припомнитъ какую-нибудь былевую пѣснь». ***) Главными хранителями этихъ сокровищъ народной поэзіи являются сказители и калики. Трудно рѣшить въ настоящее время, кто пѣлъ былины въ прошлые вѣка. Академикъ Л. Майковъ сближаетъ гусельниковъ и пѣвцовъ второй половины XI в., о которыхъ мы находимъ интересныя данныя въ житіи Св. Оеодосія, съ гудочниками и скоморохами на княжескомъ пиру въ

*) Онежскія былины Гильфердинга, с. XI.

**) Ibid. с. XII.

***) Рыбниковъ. Пѣсни 3. с. LI—LII.

былинахъ Владимірова цикла. «Нельзя не признать», говоритъ Майковъ: «гусельниковъ и пѣвцовъ, пѣвшихъ передъ Святославомъ, а также скомороховъ, гудцовъ и игрецовъ, упоминаемыхъ въ поученіяхъ, за одни и тѣ-же лица съ гудочниками и скоморохами нашихъ былинъ; и, хотя нѣтъ возможности точно опредѣлить содержаніе ихъ пѣсенъ, — нельзя не предположить, что были между этими пѣснями и эпическія, нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ былинъ. Въ такомъ случаѣ можно сблизить древнихъ скомороховъ и гудочниковъ съ нынѣшними Олонецкими сказителями, и при томъ вспомнить, что, какъ скоморохи въ свое время подвергались осужденію духовенства, такъ и нынѣшніе сказители считаютъ свои пѣсни вещами мірскими, запретными». *) Изъ постановленій стоглава мы узнаемъ, что древніе гудцы и скоморохи ходили во времена Грознаго «ватагами многими по шестьдесятъ и по семьдесятъ человекъ». Ничего подобнаго нельзя сказать о современныхъ намъ сказителяхъ, распѣвающихъ старины отдѣльно, въ одиночку. Настоящіе сказители, истинные мастера своего дѣла, большею частью люди осѣдлые, зажиточные, занятые земледѣліемъ, какимъ-либо ремесломъ или промысломъ. Только калики, у которыхъ пѣніе духовныхъ стиховъ и былинъ обратилось въ ремесло, доставляющее насущный кусокъ хлѣба, непрестанно бродятъ съ мѣста на мѣсто, распѣвая изрѣдка былины на ряду съ различными пѣснями духовнаго содержанія. Но такихъ пѣвцовъ-ремесленниковъ очень немного.

«Повидимому былины укладываются только въ такихъ головахъ, которыя соединяютъ природный умъ и память съ порядочностью, необходимою для практическихъ успѣховъ въ жизни... Изъ крестьянъ, отъ которыхъ можно услышать былины, многіе вовсе не пьютъ вина». **) Всѣ извѣстные до сихъ поръ сказители принадлежатъ къ крестьянскому сословію, при чемъ почти всѣ они неграмотны. ***) Только свободная

*) Подобное-же мнѣніе о пѣвцахъ въ старину высказалъ раньше Рыбниковъ. См. Изв. 2-го отдѣл. Акад. Наукъ т. X, с. 260.

**) Гильфердингъ. Онеж. былины, с. XVII.

***) Гильфердингъ изъ 70 нашелъ только 6 грамотныхъ.

память, не обремененная книжнымъ ученіемъ, въ состояніи сохранять огромный запасъ былинь, изъ которыхъ инныя поются два—три часа. Отъ нѣкоторыхъ сказителей (Воиновъ, Никифоровъ, Прохоровъ, Щеголенокъ) Гильфердингу удалось записать отъ 2000 до 3000 стиховъ, но такіе мастера своего дѣла, какъ Тр. Рябининъ и Калининъ удерживали въ своей памяти 5000 и болѣе стиховъ. Эта колоссальная народная память сохранила въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ въ былинахъ Заонежья описаніе южной приднѣпровской природы, память о «сырыхъ дубахъ», о «раздольѣ — чистомъ полѣ», о «ковылъ травѣ», которыя составляютъ обыкновенную декорацию многихъ сценъ въ былинахъ. Замѣчено также, что сказители былинь по большей части занимаются портняжнымъ или сапожнымъ ремесломъ, или плетеніемъ рыболовныхъ снастей, — работа, при которой, по замѣчанію простолюдиновъ, приходитъ охота пѣть старины и является возможность легко ихъ усваивать.

Сказываніе былинь бываетъ по большей части наслѣдственнымъ. Такъ, въ семьѣ пѣвцовъ былинь Тупицыныхъ искусство пѣть старины передавалось отъ прадѣда къ дѣду, отцу и сыну *). Но не рѣдко былины усваивались и совершенно посторонними для пѣвца людьми, въ силу какихъ либо обстоятельствъ жившими съ нимъ долгое время. Извѣстный Т. Г. Рябининъ научился былинамъ частью отъ своего дяди, знаменитаго въ свое время сказителя, частью отъ какого-то Петербургскаго трактирщика Кокотина, большого любителя былевого эпоса, читавшаго ему многія былины изъ рукописной тетради **). Во всякомъ случаѣ, обученіе былинамъ происходило, вѣроятно, незамѣтно, какъ для учащаго, такъ и для обучающагося, это было не обученіе, а скорѣе добровольное усвоеніе интереснаго разсказа, быть можетъ, не рѣдко и безъ вѣдома повѣствующаго. ***)

*) Русскія былины старой и новой записи, с. 269—70.

**) Рыбниковъ. Пѣсни 3. с XX.

***) Не имѣя достаточнаго основанія, мы не можемъ согласиться съ предположеніемъ О. Миллера о существованіи цѣлыхъ школъ былинныхъ пѣвцовъ. См. О. Миллеръ, «Илья Муромецъ», введение, с. V—VI.

Сказители бываютъ обоихъ половъ и разнаго возраста, впрочемъ, по преимуществу мужчины, старики, или вообще люди въ лѣтахъ, хотя попадаются и молодые. Такъ, сынъ Рябинина знаетъ почти всѣ былины, которыя сказывалъ его отецъ. *) Что касается до женщинъ, то Рыбниковъ замѣтилъ, что онѣ имѣютъ свои «бабьи старины», которыя особенно охотно распѣваются ими: таковы былины о Чурилѣ и Катеринѣ Микуличнѣ, о князѣ Михайлѣ, о Хопинѣ и нѣкоторые другія. **) Относительно этого наблюденія Рыбникова позднѣйшій собиратель былевой поэзіи Гильфердингъ говоритъ, что оно справедливо только для побережья Онежскаго озера, гдѣ эпическая поэзія близка къ исчезновенію, но далѣе на сѣверъ и востокъ, гдѣ попадаетъ довольно много сказителей между стариками и молодыми людьми обоего пола, особыя «бабьи старины» совсѣмъ отсутствуютъ. Всѣ былины безъ исключенія поются, какъ мужчинами, такъ и женщинами, какъ старыми, такъ и молодыми.

Лѣтъ 80 тому назадъ былевая пѣсни были въ ходу не только у крестьянъ, но также и среди городского населенія. Нерѣдко случалось, что купцы, мѣщане и даже чиновники собирались по вечерамъ слушать старины. Но уже въ шестидесятыхъ годахъ интересъ къ былинамъ значительно ослабѣлъ. Ими стало интересоваться только сельское населеніе Олонецкаго края, сохранившее большую охоту до разсказовъ о стародавнихъ временахъ. «Если бы ты къ намъ пошелъ, Трофимъ Григорьевичъ», говаривали рыболовы извѣстному рапсоду былинь Рябинину: «мы бы на тебя работали: лишь бы ты намъ сказывалъ, а мы бы тебя все слушали». ***) Не смотря на такую любовь сельскаго простонародья къ слушанію былинь, пѣвцы ихъ не обращаютъ своего знанія въ источникъ

*) См. Изв. 2-го отд. Акад. Наукъ. Т. X. с. 250.

**) Рыбниковъ. Пѣсни 3. с. XXVI.

***) Рыбниковъ. Пѣсни 3. с. XXII.

дохода *). Былины обыкновенно распѣваются тамъ, гдѣ собирается народъ: на ярмаркахъ, постоянныхъ дворахъ, рыбныхъ ловляхъ и т. п. Любопытно отношеніе самихъ пѣвцовъ къ сказываемымъ ими былинамъ, въ которыхъ они видятъ нѣчто грѣховное. «Не гоже нонѣ сказывать мірскія пѣсни», отвѣтилъ однажды Рябининъ на просьбу Рыбникова спѣть о какомъ-нибудь богатырѣ: «нонѣ постъ». Не вдаваясь въ подробное изслѣдованіе такого отношенія къ былевой поэзіи, замѣтимъ, что причиной его въ значительной степени нужно считать давнишнее преслѣдованіе нашимъ духовенствомъ мірскихъ пѣсень, какъ чего-то бѣсовскаго и грѣховнаго.

Былины обыкновенно начинаются припѣвами, въ которыхъ не рѣдко сохранились, вѣроятно, отъ давнихъ временъ, обращеніе къ хозяевамъ и слушателямъ, въ родѣ слѣдующихъ:

Благословляй-ко, хозяинъ,
Благословляй, господинъ,
Старину сказать, стародавнюю **) и т. д.

или:

Нашему хозяину честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведро пива было:
Самъ бы испилъ, да и намъ бы поднесъ.
Мы, малы ребята, станемъ сказывать,
А вы, старики, вы послушайте ***) и т. д.

Иногда, желая настроить слушателей къ серьезному и величественному содержанію повѣствованія, пѣвецъ торжественно поетъ нѣсколько не относящихся къ дѣлу стиховъ, какъ-бы рисующихъ фонъ для грандіозной картины:

Высота-ли, высота поднебесная,
Глубота-глубота, океанъ-море,
Широко раздолье по всей земли †) и т. д.

*) Гильфердингу попался только одинъ пѣвецъ, желавшій получить деньги за свое пѣніе (Онеж. был. с. XVI) Рыбниковъ указываетъ тоже только на одно лицо съ подобнымъ меркательнымъ взглядомъ на пѣніе старинъ. (Рыбниковъ. Пѣсни 3. с. XXXIII).

**) Кирѣвскій. Пѣсни вып. 4. с. 87.

***) Ibid. вып. 3. с. 1.

†) Кирша Даниловъ, с. 1.

Иной разъ, какъ-бы не рѣшаясь приступить къ самому содержанию былины, онъ начинаетъ свою пѣсню съ совершенно посторонняго предмета, мало по малу приближаясь къ сути разсказа:

Ты тулупъ-ли мой тулупчикъ, шуба новая,
Я носилъ тебя, тулупчикъ, ровно 30 лѣтъ.
Обломилъ ты мнѣ, тулупчикъ, могучи плечи . . .
Ахъ ты поле, поле, поле, поле чистое . . .*) и т. д.

или :

Изъ за горъ то было высокиихъ,
Изъ лѣсу то было лѣсу темнаго
Повышла, повышла, повыкатила
Широкая матушка, быстра Волга рѣка **).

Далѣе, не всѣ пѣвцы поютъ одинаково былины. Между ними попадаются истинные знатоки своего дѣла, съ тонкимъ художественнымъ чутьемъ, съ мастерской, артистической дикціей. Но есть и такіе, въ устахъ которыхъ былина теряетъ всю свою прелесть,—такъ они ее коверкаютъ и перивираютъ. Впрочемъ, каждый пѣвецъ былины, какъ бы онъ ни былъ хорошъ, непремѣнно вноситъ извѣстную долю личнаго элемента въ передаваемую былинку. Можно сказать, что въ каждой былинѣ есть двѣ составныя части: мѣста типическія, по большей части описательнаго содержанія, либо заключающія въ себѣ рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ, и мѣста переходныя, которыя соединяютъ между собою типическія мѣста и въ которыхъ разсказывается ходъ дѣйствія. Первые изъ нихъ сказитель знаетъ наизусть и поетъ совершенно одинаково, сколько бы разъ онъ ни повторялъ былинку, переходныя мѣста, должно быть, не заучиваются наизусть, а въ памяти хранятся только общій остовъ, такъ что всякій разъ, какъ сказитель поетъ былинку, онъ ее тутъ-же сочиняетъ, то прибавляя, то сокращая, то мѣняя порядокъ стиховъ и самыя выраженія . . . Типическія мѣста у каждаго сказителя имѣютъ свои особен-

*) Кирѣевскій. Пѣсни вып. 2, с. 1.

**) Рыбниковъ. Пѣсни вып. 3, с. 69.

сти, и каждый сказитель употребляет одно и то-же типическое мѣсто всякій разъ, когда представляется къ тому подходящій смыслъ, а иногда даже не встаетъ, прицѣпляясь къ тому или другому слову. Оттого всѣ былины, какія поетъ одинъ и тотъ-же сказитель, представляютъ много сходныхъ и тождественныхъ мѣстъ, хотя-бы не имѣли ничего общаго по содержанию. *) Вслѣдствіе существованія указанныхъ Гильфердингомъ «типическихъ» и «переходныхъ» мѣстъ, возникли различные пересказы или варианты былинь, имѣющихъ содержаниемъ одинъ и тотъ-же эпизодъ. Не рѣдко опытные сказители вставляли въ распѣваемые ими былины эпизоды книжнаго характера, или же почерпнутые изъ духовныхъ стиховъ и другихъ произведеній народнаго творчества.

Былины обыкновенно говорятъ на распѣвъ, такъ что названіе «пѣвецъ» скорѣе должно быть замѣнено словомъ «сказитель» былинь. Рыбниковъ замѣтилъ, что «напѣвы былинь довольно однообразны: напр., у Рябинина ихъ собственно два, но перехваты и колѣна голоса даютъ каждой былинь особый характеръ. Одинъ и тотъ-же быстрый голосъ очень веселъ въ Ставрѣ, въ Потыкѣ какъ-то заунывнѣе, а въ Вольгѣ и Микулушкѣ выходитъ торжественнымъ. Протяжный напѣвъ звучитъ мужественно въ «двухъ королевичахъ изъ Крякова» и «Ильѣ Муромцѣ» и дѣлается грознымъ въ «Ильѣ и Поленицѣ» **). Въ сборникѣ Кириши Данилова мы имѣемъ приложенными къ каждой былинь соответствующія мелодіи. Пересматривая ихъ, не трудно замѣтить, что одинъ и тотъ-же напѣвъ съ нѣкоторыми измѣненіями повторяется два и болѣе раза, такъ что отдѣльныхъ мотивовъ, пожалуй, вдвое менѣе, чѣмъ приведенныхъ пѣсень. Другая, рѣзко бросающаяся въ глаза черта этихъ мелодій — обиліе мажорныхъ, часто плясовыхъ мотивовъ, не рѣдко отнесенныхъ къ былинь, содержаніе которой носитъ совершенно противоположный характеръ. Если принять во вниманіе чисто музыкальныя погрѣшности въ указанныхъ мелодіяхъ, то будетъ

*) Гильфердингъ. Онеж. был. с. XXVII.

**) Рыбниковъ. Пѣсни 3. с. XXXVII.

ясно, что киршевскіе мотивы сильно искажены и не представляют подлинных напѣвовъ былинь. Рыбниковъ неоднократно пытался записать напѣвы былинь, но ему этого никакъ не удавалось сдѣлать; не могли совладать съ ними и его знакомые, хорошо знавшіе музыку. Приложенные къ сборнику Гильфердинга ноты мелодій двухъ былинь не даютъ права, по своей малочисленности, дѣлать какіе-либо выводы объ эпическихкихъ русскихъ мотивахъ. По мнѣнію лицъ, слыжавшихъ пѣніе былинь, мелодіи ихъ вообще унылы, однообразны и тоскливы; веселые и плясовые напѣвы употребляются только въ былинахъ шутливаго содержанія. Стаховичъ*) говоритъ, что древняя русская былина по своей музыкѣ ближе всего стоитъ къ нынѣшнимъ величальнымъ пѣснямъ.

Не смотря на многочисленные капитальные труды, посвященные изученію богатырскаго эпоса, наукѣ до сихъ поръ не удалось рѣшить вопроса о происхожденіи былевыхъ пѣсень. Ихъ источникъ усматривали то въ исторической жизни русскаго славянства, то въ древнихъ мифическихкихъ преданіяхъ со-вмѣстной жизни индо-европейскихъ народовъ, то въ сказаніяхъ другихъ племенъ, болѣе или менѣе удачно приуроченныхъ къ русской обстановкѣ и дѣйствительности. Главная трудность опредѣленія источника былинь, а также времени и мѣста ихъ возникновенія заключается въ поздней ихъ записи.**)

*) Въ «Сборникѣ русскихъ народныхъ пѣсень».

**) О. Миллеръ не придавалъ большого значенія раннимъ записямъ былинь. По его мнѣнію, переписчикъ, или записывающій могъ сплошь и рядомъ искажать былины. «Помощью переписыванія усваивая чужую мысль, съ нею обращаются, такъ сказать, на основаніи общности умственного имущества. Тутъ кое-что убавить, тамъ, напротивъ того, прибавить кое-что, сократить и распространить — одинаково обычно». (Ил. Мур. введ. с. II). Разобравъ повѣсть о семи богатыряхъ, онъ замѣчаетъ: «Трудно, кажется, и желать болѣе убѣдительнаго доказательства какъ мало можно придавать цѣны, безъ какихъ-либо дальнѣйшихъ соображеній, собственно равнему закрѣпленію, какъ выражаются, того или другого сказанія письменностью» (ib. с. 760). Но съ мнѣніемъ О. Миллера трудно согласиться. Не смотря на значительную порчу народныхъ сказаній писцами и переписчиками прошлыхъ вѣковъ, записи ихъ тѣмъ не менѣе имѣютъ огромное значеніе, сохраняя закрѣпленными многія такія черты эпоса, которыя въ устной передачѣ могли совершенно исчезнуть, или затускаться до неузнаваемости позднѣйшими нагноеніями. (О значеніи раннихъ записей см. у Безсонова въ 7-мъ вып. пѣсень Кирѣвскаго, а также въ статьѣ Л. Майкова въ Ж. М. Н. П. 1880 г. № 11, с. 199—200.

няясь въ устномъ народномъ преданіи въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, нашъ богатырскій эпосъ подвергался цѣлому ряду измѣненій, какъ подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ и бытовыхъ условій, такъ и по произволу, порою совершенно безсознательному, его рапсодовъ. То, что раньше, въ сѣдую старину, имѣло глубокій смыслъ и было понятно всякому, съ теченіемъ времени теряло свое значеніе и потому переиначивалось, приурочивалось къ новой обстановкѣ быта и исторіи, а порою и совсѣмъ забывалось; древнія черты до неузнаваемости заслонялись позднѣйшими наслоеніями.

Древнѣйшія по времени упоминанія о богатыряхъ находятся въ лѣтописи. Образовалась цѣлая литература, выясняющая вопросъ о томъ, что въ лѣтописи, на ряду съ описаніемъ дѣйствительныхъ событій, вошелъ цѣлый рядъ народныхъ преданій *). Составители «Повѣсти временныхъ лѣтъ», отстоявшіе отъ описываемой эпохи нерѣдко на нѣсколько десятилѣтій, не обладали даже зачатками исторической критики и въ одинаковой степени пользовались, какъ сухими монастырскими и церковными записями, такъ и поэтическими сказаніями. Извѣстны въ лѣтописи мѣста, въ которыхъ сохранился даже древній эпическій размѣръ народныхъ повѣствованій. Относительно богатырей слѣдуетъ замѣтить, что лѣтопись сохранила ихъ имена по большей части совершенно въ другой обстановкѣ, чѣмъ въ какой мы находимъ ихъ въ былинахъ. Только при помощи остроумныхъ критическихъ приемовъ, указавъ древнѣйшій основной скелетъ былинъ, удастся иногда доказать несомнѣнное сходство лѣтописнаго и былиннаго разсказовъ. Пока еще трудно рѣшить, чему мы обязаны сохраненіемъ въ лѣтописи именъ богатырей: исторической ли дѣйствительности, или вліянію былевого эпоса. **) По видимому, изслѣдователи скорѣе склонны къ первому мнѣнію. Въ под-

*) Въ предисловіи къ «Полному собранію русскихъ лѣтописей» прямо говорится, что матеріаломъ для нихъ прежде всего послужили народныя сказанія и повѣсти.

**) По замѣчанію Вестужева-Рюмина, вопросъ о томъ, когда внесены въ лѣтопись имена богатырей, остается совершенно неразрѣшеннымъ (Лѣтопис. запят. Арх. Ком. вып. IV. «О составѣ рус. лѣтописей до конца XV в., с. 69).

твержденіе его, кромѣ многаго другого, можно указать на то, что главный богатырь русскихъ былинъ Илья Муромецъ вовсе неизвѣстенъ лѣтописи. Если допустить, что былины передали лѣтописямъ имена богатырей, то будетъ совершенно непонятно, почему имя популярнѣйшаго русскаго витязя не перешло въ лѣтопись, которая сохранила извѣстія о другихъ лицахъ былевого эпоса, гораздо менѣе значительныхъ. Мы находимъ въ ней упоминанія о Добрынѣ, Алешѣ Поповичѣ, Савурѣ, Садкѣ, Дунаѣ. Всѣ эти извѣстія, впрочемъ, не заходятъ далѣе XIII в. Чаше другихъ упоминается Алеша Поповичъ *) и Добрыня. Въ магистерской диссертациі Л. Майкова, въ «замѣткахъ» Безсонова, помѣщенныхъ въ приложеніи къ собраніямъ былинъ Кирѣевскаго и Рыбникова, въ «Русскихъ народныхъ картинкахъ» Ровинскаго (т. IV), въ статьяхъ Квашнина-Самарина**) указаны съ достаточною полнотою и объясненіями мѣста, гдѣ можно найти упоминанія о богатыряхъ, а потому мы не находимъ нужнымъ приводить ихъ и ограничиваемся сдѣланными выше немногими замѣчаніями.

Первыя записи народной литературы въ Россіи, по имѣющимся теперь свѣдѣніямъ, относятся къ первой четверти XVII столѣтія. ***) Весьма возможно, что въ предыдущіе вѣка записи былинъ и вообще произведеній свѣтской поэзіи почти что отсутствовали. Извѣстно отношеніе церкви и духовенства къ народнымъ пѣснямъ, въ которыхъ видѣли нѣчто бѣсовское и запретное. Это мнѣніе, при небольшомъ количествѣ грамотниковъ, легко могло быть господствующимъ и удерживало старинныхъ писцовъ отъ записыванія на бумагѣ былевыхъ пѣсень, о которыхъ еще Рыбникову говорили, какъ о вещи грѣховной. Въ XVII вѣкѣ у насъ вообще замѣчается стремленіе закрѣплять на бумагѣ различные рассказы, передаваемые изъ устъ въ уста. Говоря въ частности о былинахъ, трудно

*) По лѣтописи Александръ. Эти имена, какъ еще указалъ Л. Майковъ, часто смѣшиваются черезъ уменьшительное «Олекса».

**) Вѣсѣда 1871 г. 4 и 5. Рус. былины въ историч. и геогр. отнош.

***) Священникъ Ригардъ Джемсъ, прибывшій въ Россію въ 1619 г. съ англійскимъ посольствомъ, захотѣлъ имѣть у себя образчики русскаго народнаго языка и записалъ со словъ 5 историческихъ пѣсень и одну «веселую службу».

рѣшить, что именно вызвало ихъ запись. Быть можетъ, въ нихъ видѣли разсказъ о дѣйствительно совершившихся фактахъ, и писецъ, полный вѣры въ реальность ихъ содержанія, думалъ, что онъ записываетъ исторію; но возможно, что былины записывали просто, какъ сами по себѣ занимательныя повѣствованія, или какъ имѣвшія какое-нибудь отношеніе къ текущимъ событіямъ. Начиная съ XVII в., въ Москвѣ на Спасскомъ мосту велась торговля рукописями, фабрикуемыми малограмотными писцами, нерѣдко изъ отставныхъ приказныхъ. Быть можетъ, многія изъ рукописей былинь XVII и XVIII в.в. ведутъ свое происхожденіе отсюда. Всѣ древнія записи былинь воспроизводятъ ихъ безъ стихотворнаго размѣра, съ различными пропусками, измѣненіями и вставками не рѣдко книжнаго характера.

Первая былина, насколько извѣстно, оказывается записанной въ рукописи XVII в., принадлежащей Е. В. Барсову, подъ такимъ заглавіемъ: «Сказаніе о Кіевскихъ богатыряхъ, какъ ходили въ Царь-градъ и какъ побили цареградскихъ богатырей, учинили себѣ честь». Былина, такимъ образомъ, представляется сказаніемъ, т. е. повѣстью, и помѣщена въ рукописи въ ряду «словъ» и «сказаній». Текстъ «сказанія» написанъ въ рядъ, безъ раздѣленія на стихи, съ нѣкоторыми пропусками. Нося на себѣ слѣды списыванія съ болѣе древняго рукописнаго оригинала, эта былинная повѣсть въ высшей степени любопытна уже по одному тому, что оказывается единственной былиной, записанной около 300 лѣтъ тому назадъ. Запись ея сдѣлана въ Каргопольскомъ уѣздѣ Олонецкой губ. Такимъ образомъ, «исторія русской литературы и первую древнѣйшую записанную былинку получаетъ изъ того-же сѣвернаго края, гдѣ собраны богатства живого былевого творчества». *) Изъ другихъ былинь, запись которыхъ относится къ XVII ст., можно указать еще только на «Повѣсть о Михаилѣ Потокѣ», отысканную Ѳ. М. Истоминымъ во время его поѣздки въ Архангельскую и Олонецкую губ. Подлинная ру-

*) Е. В. Барсовъ. Богатырское слово. Зап. Ак. Наукъ, т. 40.

копись этой былины принадлежит въ настоящее время Императорской Публичной Библіотекѣ. Хотя рукопись сохранилась не вполне, тѣмъ не менѣе она очень интересна: относясь, если судить по воднымъ знакамъ на бумагѣ, къ послѣдней четверти XVII ст., она оказывается второй по древности записью былины, — древнѣе ея только «сказаніе о Кіевскихъ богатыряхъ». Запись, вѣроятно, сдѣлана по памяти или со словъ сказителя, при чемъ рукопись не носитъ слѣдовъ поправокъ и вставокъ книжнаго характера*).

Между рукописями 18-го вѣка, сохранившими въ записи текстъ былины, на первомъ мѣстѣ нужно поставить объемистый сборникъ старинныхъ произведеній русской литературы, принадлежащій Ө. И. Буслаеву и относящійся къ первой четверти прошлаго столѣтія. Среди другихъ литературныхъ памятниковъ, служившихъ матеріаломъ для чтенія народу, здѣсь помѣщены слѣдующія былины: 1) Сказаніе о семи русскихъ богатыряхъ, 2) Сказаніе о Ставрѣ (безъ начала) и 3) Повѣсть объ Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ. Каждая изъ этихъ былинъ, какъ и остальные статьи сборника, записана на отдѣльныхъ тетрадкахъ, въпослѣдствіи соединенныхъ вмѣстѣ. Былина о семи русскихъ богатыряхъ представляетъ собою вариантъ къ Барсовскому сказанію; былина о Ставрѣ сохранила лучше двухъ другихъ эпическій стиль и стихъ; повѣсть объ Ильѣ Муромцѣ носитъ на себѣ слѣды неумѣлой переписки: писецъ, не всегда могшій удачно разобрать находившійся передъ глазами оригиналъ, допустилъ нѣсколько грубыхъ неправильностей.

Къ этому-же вѣку относится еще цѣлый рядъ былинныхъ записей. По мнѣнію акад. Л. Майкова**), изслѣдовавшаго ихъ, всѣ онѣ скопированы съ болѣе ранняго оригинала, относящагося, быть можетъ, еще къ 17-му вѣку.

Въ 1770-мъ году Чулковъ началъ изданіе «Собранія раз-

*) Къ 17-му вѣку относятъ и отрывокъ изъ незнакомой былины. См. Русскія былины старой и новой записи, с. 59—60.

**) Л. Майковъ. О старинныхъ сборникахъ народныхъ пѣсень и былинъ. Ж. М. Н. П. 1880 г. 11.

ныхъ пѣсень», оконченное въ 1774-мъ году. Въ этомъ «Собраніи», главное содержаніе котораго составляютъ обрядовыя и бытовыя пѣсни, встрѣчается очень немного былинъ. Въ предисловіи къ этому пѣсеннику Чулковъ упоминаетъ, что онъ пользовался старинными рукописями пѣсень неизвѣстныхъ авторовъ. Въ 1780—83 г.г. въ Москвѣ, въ университетской типографіи у Новикова тотъ-же самый Чулковъ издалъ «Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ» въ 10-ти частяхъ. (Первыя четыре части этихъ сказокъ изданы вторично въ 1807-мъ году, а въ 1820-мъ году переизданы первыя пять частей*). Въ высшей степени любопытно одно замѣчаніе Чулкова въ предисловіи къ первой части его сказокъ. Онъ говоритъ, что пожаръ похитилъ у него «собраніе древнихъ богатырскихъ пѣсень». О существованіи подобныхъ рукописныхъ, конечно, сборниковъ былинъ мы знаемъ и со словъ Рябинина, научившагося нѣкоторымъ былинамъ у трактирщика Кокотина, имѣвшаго ихъ записанными въ тетради**).

Къ сожалѣнію, до насъ дошелъ только одинъ такой сборникъ былинъ, относящійся къ XVIII вѣку и приписываемый обыкновенно Киришѣ Данилову. «Древнія русскія стихотворенія» Кириши Данилова стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ перечисленныхъ выше былинныхъ записей, какъ по количеству содержащихся въ немъ эпическихъ пѣсень, такъ и по достоинству письменной ихъ передачи. Первый по древности изъ

*) Относительно «Русскихъ сказокъ» Чулкова въ нашей библиографіи замѣчается нѣкоторая путаница: ихъ приписываютъ то Чулкову, то Новикову, то Левшину. Чулкову принадлежитъ первая попытка обработки сказокъ для печати, при чемъ онъ передѣлывалъ имѣвшіеся у него старинные тексты, вставляя въ новыя подлинныя слова. Его работу продолжалъ Новиковъ, печатавшій въ Московской университетской типографіи эти сказки. Но онъ вскорѣ были прѣзаны арх. Платономъ въ числѣ книгъ «сумнительныхъ, могущихъ служить къ разнымъ ложнымъ мудрствованіямъ» и изъяты изъ обращенія. Дальнѣйшія изданія 1807 и 1820 г.г. принадлежатъ Левшину.

**) Такія записи былинъ встрѣчались и въ Вологодской губ. 4-10 марта 1861 г. Рыбниковъ писалъ Невскому: «имѣю въ виду приобрести сборникъ былинъ, записанный еще въ прошломъ столѣтіи въ Вологод. губ., но пока идетъ переписка, я потому не хочу говорить ничего неопредѣленнаго. (Рыбниковъ. Пѣсни 2. с. IX, извлеченіе изъ писемъ Рыбникова).

извѣстныхъ намъ сборниковъ былины былъ составленъ въ шестидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія для извѣстнаго любителя русской старины Прокофія Акинфіевича Демидова. Рукопись была написана на 202 страницахъ листового формата, безъ раздѣленія на стихи, съ ореографическими ошибками. Въ началѣ каждой пѣсни была помѣщена въ нотахъ мелодія. Сохранилось письмо Демидова къ Г. Ф. Миллеру, проливающее нѣкоторый свѣтъ на исторію «Древнихъ російскихъ стихотвореній». 22-го сентября 1768-го года онъ писалъ: «Въ присутствіе ваше у меня благоволилъ приказать прислать о семь Романовскомъ, а нынѣ называютъ его Преображенскимъ. Я досталъ отъ сибирскихъ людей, которые прошедшую исторію поютъ на голосу, которую при семъ къ Вашему Высочродію посылаю.»*) Изъ приведеннаго письма очевидно, что былины были записаны со словъ сказителей. Честъ перваго собранія былины принадлежитъ нѣкому Кириллу (Киришъ—по малорусскому выговору) Данилову. Кто былъ Кириша Даниловъ — неизвѣстно. К. Калайдовичъ, руководившій вторымъ изданіемъ «Древ. рос. стихотвореній», на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, имѣвшихся въ пѣсняхъ, относитъ его къ первымъ десятилѣтіямъ XVIII в. Письмо Демидова къ Миллеру опровергаетъ мнѣніе Калайдовича и заставляетъ предполагать, что названный записыватель пѣсенъ жилъ около шестидесятихъ годовъ прошлаго вѣка.

Послѣ смерти Демидова рукопись былины досталась Н. М. Хозикову, подарившему ее Московскому почтъ-директору Ѳ. П. Ключареву. Послѣдній поручилъ ея изданіе студенту Московскаго университета А. Ѳ. Якубовичу, который въ 1804 г. напечаталъ въ Москвѣ, въ типографіи Селиванскаго лучшія изъ этихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Древнія русскія стихотворенія». Первый издатель рукописи, въ виду того, что она была написана «безъ наблюденія ореографіи и безъ раздѣленія стиховъ», допустилъ нѣкоторыя поправки, до-

*) «Москвитинъ» 1854 г. № 1, 2. Этимъ письмомъ опровергается мнѣніе Калайдовича, будто «Древнія російскія стихотворенія» были списаны для Демидова.

полненія и сокращенія въ тѣхъ стихахъ, которые, по его мнѣнію, были искажены, и, весьма возможно, самъ уничтожилъ многія цѣнныя черты оригинала. Въ 1816 г. графъ Румянцевъ приобрѣлъ за тысячу руб. эту рукопись и передалъ ее для изданія К. Ф. Калайдовичу. Второе изданіе съ предисловіемъ издателя вышло въ 1818-мъ году подъ заглавіемъ: «Древнія русскія стихотворенія, собранныя Киршей Даниловымъ и вторично изданныя съ прибавленіемъ пѣсенъ и сказокъ, доселѣ неизвѣстныхъ, и нотъ для напѣва. Москва. 1818-го года». Впослѣдствіи рукопись гр. Румянцева затерялась. Но какъ первое, такъ и второе изданіе вскорѣ разошлись и черезъ нѣсколько десятилѣтій обратились въ библиографическую рѣдкость. Въ 1878 г. комиссія печатанія государственныхъ грамотъ и документовъ повторила безъ измѣненій второе изданіе. Наконецъ, въ 1892 г. Суворинъ издалъ для своей дешевой библіотеки «Древнія русскія стихотворенія». Изданіе Суворина, по счету четвертое, въ точности воспроизводитъ изданіе 1878 года.

Такова исторія перваго нашего сборника былинъ. На главномъ листѣ его, а также въ 36-й пѣснѣ было написано, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Якубовичъ, имя Кирши Данилова, что и подало поводъ приписывать ему собраніе этихъ пѣсенъ. Но былъ ли дѣйствительно Кирша Даниловъ тѣмъ лицомъ, которое записало эти былины, въ настоящее время рѣшить невозможно, вслѣдствіе чего болѣе осторожные изслѣдователи обыкновенно выражаются — сборникъ, приписываемый Киршѣ Данилову.

Былины занимаютъ большую часть «Древнихъ русскіихъ стихотвореній»; между остальными попадаются пѣсни историческія, бытовыя и др. Въ научномъ отношеніи сборникъ Данилова оставляетъ желать очень многого. Будучи составленъ собирателемъ-любителемъ, безо всякихъ научныхъ цѣлей, онъ во многихъ отношеніяхъ является несовершеннымъ. Въ немъ не указаны имена пѣвцовъ, ихъ полъ, возрастъ, отсутствуетъ точное обозначеніе мѣстности и времени записей, ничего не сказано о личности собирателя и его отношеніи къ записы-

ваемымъ образцамъ народнаго творчества. Мы уже говорили о несовершенствѣ мелодій, приложенныхъ къ сборнику Данилова.

I.

Первыя попытки литературнаго знакомства съ народнымъ творчествомъ, въ томъ числѣ и съ былинами, начались у насъ около ста лѣтъ тому назадъ, въ эпоху императрицы Екатерины II. Научно-просвѣтительное движеніе этого царствованія вызвало интересъ и къ литературной старинѣ. Въ это время въ первый разъ появились въ печати «Духовная» Владиміра Мономаха, «Русская правда», а также вышли первыя изданія простонародныхъ пѣсенъ и сказокъ (Чулкова). Извѣстно, какъ отнеслась къ этому изданію высшая духовная власть въ лицѣ митрополита Платона. Но и привилегированные классы свѣтскаго общества видѣли въ нихъ не предметъ научнаго изслѣдованія, могущій многое уяснить въ жизни народа, а только матеріалъ для развлеченій и препровожденія времени. Какъ относились тогда ко всему народному, лучше всего видно изъ того, что знаменитый В. К. Тредьяковскій долженъ былъ извиняться, что ему пришлось привести нѣсколько «отрывченокъ нашихъ подлыхъ, хотя и коренныхъ» пѣсенъ. Но и тогда уже люди съ наиболѣе тонкимъ художественнымъ чутьемъ понимали достоинства безыскусственной народной поэзіи и пользовались ею для своихъ литературныхъ цѣлей. Императрица, написавшая нѣсколько сказокъ въ простонародномъ духѣ, не рѣдко вставляла въ свои драматическія пьесы народныя пѣсни, заимствуя ихъ, вѣроятно, изъ рукописныхъ и печатныхъ сборниковъ, распространенныхъ въ достаточномъ количествѣ среди высшаго сословія. Богатырскій эпосъ также останавливалъ на себѣ вниманіе просвѣщенной императрицы. Намъ извѣстна написанная ею комическая опера: «Новгородскій богатырь Боеславаевичъ», сюжетъ которой заимствованъ изъ новгородскаго цикла былинъ о Буслаевѣ. Въ заглавіи

оперы сказано, что она составлена изъ сказки, пѣсней русскихъ и многихъ сочиненій. Въ 5-ой части сборника «Русскихъ сказокъ» Чулкова мы находимъ сказку о Буслаевѣ, которая, не смотря на передѣлки издателя, сохранила народный былинный колоритъ и содержаніе. Послѣ сличенія ея съ оперой, не трудно убѣдиться, что послѣдняя имѣетъ своимъ источникомъ именно эту сказку: ходъ дѣйствія оперы, отдѣльныя выраженія, собственные имена взяты изъ сборника Чулкова. Труднѣе рѣшить о какихъ «пѣсняхъ русскихъ» идетъ рѣчь въ заглавіи, такъ какъ въ самой оперѣ нѣтъ ни одной пѣсни, заимствованной изъ тогдашнихъ сборниковъ. Весьма возможно, что Екатерина II разумѣла пѣсни богатырскія, былины, рукописный сборникъ которыхъ могъ быть у нея подъ рукою. Но что это былъ за сборникъ, мы не знаемъ.

Но не только Императрица пользовалась былинами для своихъ литературныхъ цѣлей. Въ литературномъ сборникѣ Карамзина «Аглая» (1794 г.) мы находимъ его богатырскую сказку въ стихахъ «Илья Муромецъ». Тутъ разсказывается о встрѣчѣ Ильи съ сонной красавицей, которую онъ разбудилъ прикосновеніемъ волшебнаго перстня: сказка не окончена. Любопытно, откуда взялъ Карамзинъ матеріалъ для своей сказки: насколько намъ извѣстно, въ существующихъ сборникахъ былинъ и сказокъ нѣтъ ни одной такой «старины», или сказки, которая повѣствовала-бы о подобномъ приключеніи нашего богатыря. Быть можетъ, Карамзинъ зналъ неизвѣстную намъ былинку объ Ильѣ; но возможно также, что онъ съ именемъ перваго русскаго богатыря связалъ разсказъ, не имѣющій къ нему никакого отношенія.

1768-мъ году историкъ Татищевъ упомянулъ въ своей «Исторіи російской съ самыхъ древнѣйшихъ временъ» о былевыхъ пѣсняхъ. Въ примѣчаніяхъ къ четвертой главѣ своей исторіи онъ говоритъ по поводу тысяцкаго Владиміра Путаты: «О Путятѣ нигдѣ Несторъ не упомянулъ, но есть Путать, токмо иной, въ пѣсняхъ старинныхъ и увеселеніяхъ Владиміра тако поютъ: противъ двора Путятина, противъ терема Зыба-

тина, стараго Путяты темный лѣсъ; изъ чего можно видѣть, что знатный мужъ былъ *)».

Но если Татищевъ находилъ возможнымъ извлечь изъ былины матеріалъ для исторіи и тѣмъ самымъ какъ-бы признавалъ ихъ историческую важность, то его мнѣніе во всякомъ случаѣ нельзя признать господствовавшимъ или очень распространеннымъ. Въ 1809 году неизвѣстный авторъ «Разсужденія о древней русской словесности» писалъ о «Древнихъ російскихъ стихотвореніяхъ Кириши Данилова»: «Большая часть сихъ пѣсенъ или повѣстей, писанныхъ стихами, особливо тѣ, въ которыхъ прославляется Владиміръ, суть не что иное, какъ простонародныя русскія сказки, и наполнены самыми нелѣпыми вымыслами. Думаю, что древность сихъ стихотвореній никто защищать не станетъ»**).

Въ 1818 г. вышло второе изданіе былины, запись которыхъ приписывается Киришѣ Данилову; къ этому изданію было приложено предисловіе ея издателя Калайдовича. Большая часть изданныхъ пѣсенъ, по словамъ издателя, посвящена Владиміру и его богатырямъ. Нѣкоторые изъ этихъ богатырей жили въ дѣйствительности, другіе же принадлежатъ вымыслу народной фантазіи. Такъ, Добрыня, Алеша Поповичъ, Садко, Ставръ извѣстны изъ лѣтописи и были несомнѣнно историческими лицами. Но еще въ большей степени, чѣмъ изъ исторіи, былевые пѣсни черпали свой матеріалъ изъ сказокъ; въ «Русскихъ сказкахъ» Левшина есть довольно много «повѣстей», которыя «представляютъ согласныя происшествія, одинакимъ языкомъ написанныя».

Описанія въ былинахъ «просты, обильны повтореніями и, большею частью, наполнены анахронизмами;***) языкъ «народный, сказочный, съ частыми повтореніями однихъ и тѣхъ-же выраженій, съ многосоюзіями. Въ немъ встрѣчаются коегдѣ слова, вышедшія изъ употребленія†).

*) Исторія російская Татищева изд. 1768 г. с. 50.

**) Сахаровъ. Сказанія русскаго народа. Русск. народ. лит. Стр. 89.

***) Др. рос. стихот. К. Данилова; изд. Суворина, ст. XX.

†) Ibid. с. XX.

Относительно происхожденія былинь Калайдовичъ глухо заявляетъ, что онѣ возникли навѣрно во времена очень отдаленныя. «Можетъ быть, онѣ (Кириша Даниловъ) имѣлъ древнѣйшіе остатки народныхъ пѣсенъ, но, къ сожалѣнію, ихъ передѣлывалъ» *).

Таково это незамысловатое предисловіе, первая попытка одного изъ русскихъ ученыхъ начала нынѣшняго вѣка дать хоть какое-нибудь объясненіе былевымъ пѣснямъ. При всей его незначительности въ научномъ отношеніи съ современной точки зрѣнія, оно имѣетъ важное значеніе въ исторіи изученія былевого эпоса: Калайдовичъ первый оцѣнилъ значеніе богатырскихъ пѣсенъ, подвергъ критикѣ ихъ содержаніе и указалъ на важность хорошаго изданія ихъ текста.

Въ этомъ же году вышла извѣстная «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина. Первый русскій исторіографъ очень мало говоритъ о богатыряхъ Владиміра **). «Кромѣ преданій церкви и нашего перваго лѣтописца о дѣлахъ Владиміровыхъ», пишетъ онъ: «память сего великаго князя хранилась въ сказкахъ народныхъ о великолѣпнѣ пировъ его, о могучихъ богатыряхъ его времени: о Добрынѣ Новгородскомъ, Александрѣ съ золотою гривною, Ильѣ Муромцѣ, сильномъ Рохдаѣ (который будто-бы, одинъ ходилъ на 300 воиновъ). Янѣ Усмошвецѣ, грозѣ Печенѣговъ и прочихъ, о коихъ упоминается въ новѣйшихъ, отчасти баснословныхъ лѣтописяхъ ***)». Такимъ образомъ, Карамзинъ видѣлъ въ богатыряхъ дѣйствительно историческихъ личностей (Добрыня Никитичъ отождествленъ съ лѣтописнымъ Добрыней, дядей Владиміра, Алеша Поповичъ — съ Александромъ Поповичемъ), рассказъ о дѣятельности которыхъ однако настолько разукрашенъ народной фантазіей, что онъ не рѣшился внести ихъ подвиговъ въ исторію.

Мы указали все важнѣйшее, что было написано о былинахъ въ прошломъ столѣтіи и первыхъ десятилѣтіяхъ настоящаго. Немногихъ замѣчаній Татищева, Калайдовича,

*) Ibid. стр. X.

**) Карамзинъ не пользовался сборникомъ Данилова.

***) Исторія Государства Россійск. кн. 1. с. 141—2.

Карамзина было слишкомъ мало, чтобы дать хоть сколько нибудь удовлетворительное объясненіе богатырскимъ пѣснямъ и вызвать у русскаго общества научный и литературный къ нимъ интересъ. И дѣйствительно, трудно было нашей интеллигенціи первыхъ десятилѣтій XIX вѣка интересоваться народной былевой поэзіей, когда она совсѣмъ не знала этого народа и была отдѣлена отъ него цѣлою пропастью предубѣжденій и предрасудковъ.

Поворотъ въ отношеніи русской публики къ произведеніямъ народнаго творчества наступилъ только во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ, съ появленіемъ въ печати образцовъ народной поэзіи, собранныхъ И. П. Сахаровымъ. Медикъ по образованію, Сахаровъ всецѣло посвятилъ себя дѣлу изученія родной народности, занявшись преимущественно трудной работой собиранія пѣсень, сказокъ, пословицъ, заговоровъ, суевѣрій и т. п. Въ 1837 году вышли три части его «Сказаній русскаго народа». Эта книга, съ полными любви къ народу вступительными статьями Сахарова, оказали большую услугу изученію русскаго простонародія, въ значительной степени развивъ только что народившійся у читающей публики интересъ и уваженіе къ «подлой» поэзіи. Первое изданіе вскорѣ было раскуплено, такъ что въ 1838-мъ году понадобилось второе изданіе «Пѣсней русскаго народа», помѣщенныхъ во второй часту «Сказаній». Въ 1841-мъ году вышло третье изданіе всей книги. Между «Пѣснями русскаго народа» помѣщены были и былины. Въ основаніе своего изданія былинь Сахаровъ положилъ рукописный сборникъ купца Бѣльскаго, но находящійся тамъ матеріалъ онъ измѣнялъ и дополнял былинами изъ сборника Кирши Данилова и немногими отдѣльнымъ записями В. И. Даля въ Казанской и Оренбургской губ. и по Уралу.

Изданіе былинь Сахарова нисколько не было лучше изданія «древнихъ російскихъ стихотвореній»: отсутствіе указаній на время, мѣсто и лицо, отъ котораго были записаны былины, поправка текста изъ желанія придать ему виѣшнюю гладкость — не рѣдко совершенно нелѣпая и всегда неумѣстная, лишали вновь изданныя богатырскія пѣсни научной цѣнности.

Новаго сравнительно со сборникомъ Кирши Данилова онѣ не даютъ ничего, кромѣ иной группировки былиннаго матеріала,

Въ это время далеко еще не установилось надлежащее отношеніе къ народной поэзіи. Какъ мало понимали въ сороковыхъ годахъ наши былины, лучше всего видно изъ отзыва о нихъ знаменитаго критика В. Г. Бѣлинскаго, вождя русскаго общества въ теченіе долгихъ лѣтъ въ литературныхъ и эстетическихъ вопросахъ. Въ 1841 году въ «Отечеств. Запискахъ» появились его талантливо написанныя статьи о «Древнихъ російскихъ стихотвореніяхъ» Кирши Данилова, «Сказаніяхъ русскаго народа» Сахарова и нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ народнаго творчества. Въ этихъ статьяхъ вполнѣ выразился его взглядъ на народную поэзію и въ частности на былины. Представитель такъ называемой эстетической критики, Бѣлинскій былъ совершенно чуждъ исторической точки зрѣнія на народную поэзію и не понималъ ея истиннаго значенія. По его мнѣнію, искусственная художественная поэзія несравненно выше естественной и особенно народной.

«Послѣдняя, говоритъ онъ, только младенческій лепетъ народа, міръ темныхъ предощущеній, слѣпыхъ предчувствій; часто она же находитъ слова для выраженія мысли и прибѣгаетъ къ условнымъ формамъ, къ аллегоріямъ и символамъ... Одно небольшое стихотвореніе истиннаго художника-поэта неизмѣримо выше всѣхъ произведеній народной словесности вмѣстѣ взятыхъ! И если художникъ — поэтъ настраиваетъ свою разнообразную гармоническую лиру на монотонный ладъ народной мелодіи, онъ дѣлаетъ этимъ честь народной поэзіи и обнаруживаетъ могущество Протея, способнаго явиться во всѣхъ формахъ. Его народная пѣснь выше всѣхъ собственно народныхъ пѣсней, вмѣстѣ взятыхъ*). Но здоровый эстетическій вкусъ не позволилъ Бѣлинскому не признать вовсе значенія за народной поэзіей, которая «имѣетъ для насъ свою цѣнность такъ, какъ она есть, въ ея чистомъ непримѣсномъ видѣ, въ ея простой,

*) Бѣлинскій. Сочиненія, т. V. с. 86, 37.

безискусственной и часто грубой формѣ*). Переходя къ былинамъ или, какъ онъ ихъ называетъ, къ богатырскимъ сказкамъ и поэмамъ, Бѣлинскій признаетъ ихъ несомнѣнную древность: «начались онѣ, вѣроятно, во времена татарщины, если не раньше**»). «Содержаніе всѣхъ ихъ одинаково обильно словами, скудно дѣломъ, чуждо мысли. Поэзія въ прозѣ содержится въ нихъ, какъ ложка меду въ бочкѣ дѣгтя***»). Изложивъ содержаніе былинъ Владимірова цикла объ Алешѣ, Добрынѣ, Ильѣ и др. и отмѣтивъ кажущіяся въ нихъ съ перваго взгляда несообразности и нелѣпости, онъ заключаетъ, что «вообще идеаль русскаго богатыря — физическая сила, торжествующая надъ всѣми препятствіями, даже надъ здравымъ смысломъ†)». Несравненно выше Владиміровыхъ былевыхъ пѣсенъ стоятъ былины Новгородскія, какъ по художественности и силѣ выраженія, такъ и потому, что въ нихъ есть «не только мысль, но и что-то похожее на идею†)». Эти былины представляютъ собою апофеозъ вольнаго Новгорода съ его торговлею, размахистой удаляю, своеволіемъ и могуществомъ.

Въ этой-же статьѣ Бѣлинскій дѣлаетъ указаніе на возможность примѣненія къ былинамъ миеологическаго толкованія, что до него отмѣчалъ (въ 20-хъ годахъ) мимоходомъ только Макаровъ. Взглядъ Бѣлинскаго на народную и въ частности на былевую поэзію вытекалъ изъ сущности его эстетическихъ взглядовъ на художественное творчество. Знаменитый критикъ не задумался о томъ, какое огромное значеніе могутъ имѣть былины, какъ памятники духовной жизни народа, сохранивъ его наивныя вѣрованія и идеалы чуть не съ того времени, когда онъ впервые началъ сознавать себя. Онъ не захотѣлъ, или, вѣрнѣе, не могъ найти въ нихъ цѣнныхъ данныхъ для освѣщенія различныхъ моментовъ въ исторической и духовной жизни своего племени и увидѣлъ только грубость чувства и

*) Ibidem с. 39.

**) Бѣлинскій. Сочиненія т. V. с. 98.

***) Ibidem с. 102.

†) Ibid. с. 163. †) Ibid. с. 172.

формы и отсутствіе идеи. Еще менѣе интересовала Бѣлинскаго судьба самой пѣсни. Онъ не задавался вопросомъ, какимъ образомъ и гдѣ уцѣлѣли до сихъ поръ былины, не пытался объяснить бросавшіяся въ глаза бытовые и историческіе наслоенія. Не умѣя понять склада, смысла фантастическихъ представленій и формы нашихъ былинъ, Бѣлинскій весь отдавался чисто, такъ сказать, литературному впечатлѣнію и на основаніи его судилъ о русскомъ богатырскомъ эпосѣ. Но взглядъ Бѣлинскаго не могъ быть инымъ. Воспитанный на лучшихъ образцахъ искусственной поэзіи, онъ привыкъ презрительно относиться къ «грубой» первобытной народной поэзіи и не хотѣлъ знать ея. Слѣдующія слова Буслаева, какъ нельзя болѣе примѣнимы къ Бѣлинскому: «что за дѣло было такому выпренному критику до нашихъ народныхъ пѣсень, оскорблявшимъ его утонченный вкусъ, воспитанный въ аристократической обстановкѣ такъ называемыхъ образцовъ академическихъ произведеній. Что за дѣло было ему до нашихъ старинныхъ сборниковъ XV, XVI, XVII вв., наполненныхъ поученіями и повѣствованіями на ломанномъ и болгарско-русскомъ, и польско-русскомъ языкѣ, наполненныхъ сочиненіями, которыя, можетъ быть, вполне удовлетворяли нашихъ грубыхъ предковъ, но къ которымъ нельзя было приложить формулы объ отношеніи художественной идеи къ формѣ, опредѣляемой законами этой эстетики*)».

Мысли Бѣлинскаго о народной поэзіи не замедлили отразиться у другихъ авторовъ и нѣкоторое время, впрочемъ, не долго, были господствующими. Обыкновенно указываютъ**) на Очеркъ исторіи русской поэзіи Милюкова***), какъ наиболѣе характерную книгу, въ которой взгляды Бѣлинскаго на народное поэтическое творчество нашли себя наиболѣе полное выраженіе. Къ былинамъ, какъ и вообще къ народной поэзіи, тутъ примѣняется художественная точка зрѣнія, ставъ на ко-

*) Буслаевъ. Историческіе очерки, т. 1, (с. 402).

**) Срав. напр. Пытинъ. Ист. рус. этнографіи, т. II, с. 156.

***) Первое изданіе въ 1847 году, второе въ 1858 г.

торую авторъ свысока трактуеть эти «грубыя сказки». «Въ нихъ нѣтъ уже и тѣхъ чувствъ, которыми проникнуты наши пѣсни, а видна только необузданная фантазія, исполненная преувеличеній и грубости. Въмѣсто героевъ мы видимъ въ нихъ чудовищныхъ исполиновъ, олицетворяющихъ одну матеріальную силу.... Чудесное въ нихъ лишено всякой граціи *)». Признавая древность былинъ, Милюковъ отказываетъ имъ, въ большинствѣ случаевъ, во всякой художественности и поэтическомъ колоритѣ и сравниваетъ, какъ и вообще всю древнюю русскую поэзію, съ произведеніями суздальскихъ «живописцевъ», «гдѣ подъ грубо намалеванными красками нельзя отыскать первоначальнаго очерка предметовъ, и гдѣ не существуетъ ни переливовъ свѣта и тѣни, ни фizioноміи лицъ, но одни только фигуры безобразныя и грубыя **).

Подобные приговоры, раздаваемые съ высоты величія нашими былинамъ, повторяемые въ популярныхъ книгахъ по исторіи словесности, вселяли у большинства полное равнодушіе къ богатырскимъ пѣснямъ и отнимали всякую охоту приниматься за изъ изученіе.

Взглядъ на былины послѣ Бѣлинскаго измѣнился подъ вліяніемъ Хомякова и К. Аксакова, видныхъ представителей славянофильской школы. Въ «Московскомъ Сборникѣ» 1852-го года вмѣстѣ съ нѣсколькими пѣснями Кирѣевскаго было напечатано «Предисловіе къ русскимъ пѣснямъ» Хомякова. Въ статьѣ замѣчается уже попытка разобратъ въ текстѣ былинъ и указать, которыя изъ нихъ древнѣе. Въ характеристикѣ богатырей обращается главнымъ образомъ вниманіе на ихъ мягкость и человѣколюбіе (Илья и Добрыня). У Хомякова-же впервые мы находимъ стремленіе символически объяснить былинный матеріалъ: бой Ильи съ Жидовиномъ, по его мнѣнію, есть безсознательное со стороны пѣвцовъ олицетвореніе земли русской: «у нея на груди, какъ богатырь у Ильи, сидѣлъ татаринъ и литвинъ и новый завоева-

*) Очеркъ исторіи русской поэзіи. Изд. 3-е 64 г. с. 44—45.

**) Ibid. С. 58—59.

тель всей Европы: но «не такъ у Св. Отцовъ написано, не такъ у Апостоловъ удумано», чтобы ей погибнуть съ бою*)»: какъ Илья побѣдилъ Жидовина, такъ и Русь освободилась отъ своихъ недруговъ.

Въ 1856-мъ году въ «Русской Бесѣдѣ» появилась статья Константина Аксакова: «Богатыри временъ В. князя Владимира по русскимъ пѣснямъ», написанная имъ еще въ 1852-мъ году. Глубокій патріотъ и христіанинъ, Аксаковъ примѣнилъ свои излюбленные взгляды и къ объясненію былинъ. Задачею своей статьи онъ поставилъ, изложивъ содержаніе былинъ или, какъ онъ выражается, пѣсенъ о богатыряхъ, указать художественныя достоинства этого вида народной поэзіи и дать характеристику дѣйствующихъ въ нихъ витязей. Аксаковъ, какъ удачно замѣтилъ еще О. Миллеръ, изучалъ эпосъ изъ него самого. Въ его статьѣ нѣтъ сближеній былинъ съ другими образцами русской, или обще-славянско й поэзіи, отсутствуютъ также параллели поэтического творчества другихъ племенъ. Признавая глубокою древность былинъ, которыя, по его мнѣнію, возникли во времена Владимира, Аксаковъ обращаетъ главнымъ образомъ вниманіе на характеристику богатырей и старается подчеркнуть наиболѣе симпатичныя ихъ черты. Особенно подробно останавливается онъ на Ильѣ Муромцѣ, этомъ «представителѣ, живомъ образѣ русскаго народа». Да и весь былевой эпосъ, какъ зеркало, отражаетъ въ себѣ русскій народъ и его исторію: «Передъ нами эпопея особаго рода, согласная съ самимъ существомъ русской земли. Мы не видимъ въ ней могущественно движущагося впередъ событія, не видимъ увлекающаго хода времени; нѣтъ — передъ нами другой образъ, образъ жизни, волнующейся въ самой себѣ и не стремящейся въ какую нибудь одну сторону; это хороводъ движущійся согласно и стройно, — праздничный, полный веселья образъ русской общины**)». Основой богатырскаго эпоса должно быть при-

*) Собр. сочиненій Хомякова, т. 1, с. 489.

**) Сочиненія т. 1, с. 319.

звано христіанство. «На этой то христіанской основѣ является богатырская сила и удалъ молодого могучаго народа. Эти пиры, эта жизнь имѣють и всерусское значеніе; видимъ здѣсь всю русскую землю, собранную во единое цѣлое христіанскою вѣрою около великаго князя Владиміра, просвѣтителя земли русской*)». Замѣчательною чертою былинь слѣдуетъ считать также, по Аксакову, ихъ поразительную историческую вѣрность, которую онѣ сохранили, не смотря на множество анахронизмовъ.

Точка зрѣнія на былины Аксакова можетъ быть названа патріотическо-исторической**). Стремясь указать на связь русской жизни съ христіанскими идеалами, Аксаковъ и въ былинахъ отыскиваетъ черты христіанства, стараясь оправдать жестокіе поступки богатырей не ихъ личной грубостью, а обычаями времени. Онъ, такимъ образомъ, самъ не замѣчая того, впадалъ въ рѣзкое противорѣчіе, считая не рѣдко грубыхъ и жестокихъ богатырей руководящимися идеалами новаго ученія.

Предвзятая точка зрѣнія помѣшала также Аксакову обратить вниманіе на обильный языческій элементъ въ былинахъ. Особенностью изслѣдованія Аксакова является примѣненіе къ нашему былевому эпосу символическихъ и аллегорическихъ толкованій. Былины — это образъ русскаго народа и его исторіи, это своего рода пророчество, въ которомъ нужно отыскать его смыслъ. Богатыри оказываются представителями тѣхъ или иныхъ общественныхъ и нравственныхъ направленій, весь эпосъ — олицетвореніе русской народной общины.

Символизмъ, съ легкой руки Хомякова и К. Аксакова, продолжали примѣнять къ былинамъ и другіе изслѣдователи славянофильской школы и особенно Безсоновъ, у котораго

*) Сочин. т. 1, с. 321.

**) Котляревскій въ статьѣ «Сказаніе о русскихъ богатыряхъ», замѣчаетъ, что Аксаковъ въ историческомъ объясненіи происхожденія богатырей слѣдовалъ нѣмцу Вольфу (Ueber das Altrussische heldenlied 1854 г.), забывая, что статья Аксакова написана въ 1852-мъ году.

онъ принялъ самыя невозможныя чудовищныя формы. Въ 1859 году профессоръ Московскаго университета С. Шевыревъ выпустилъ въ свѣтъ второе изданіе своихъ лекцій по исторіи русской словесности *).

Въ этомъ своемъ трудѣ Шевыревъ касается, между прочимъ, и былинь: вторая половина червертой и большая часть пятой лекцій посвящены русскому богатырскому эпосу. Близкій по своимъ взглядамъ къ славянофильской школѣ, Шевыревъ въ своемъ изслѣдованіи былинь стоялъ на такой-же точкѣ зрѣнія, какъ въ послѣдствіи упомянутые выше Хомяковъ и К. Аксаковъ. Но онъ первый попытался сопоставить былины съ «Словомъ о Полку Игоревѣ», а также привлечь къ сравненію съ Ильею Муромцемъ героя испанскаго народнаго эпоса — Сиды **). Шевыревъ пользовался изданіемъ «древнихъ російскихъ стихотвореній» К. Данилова, да нѣсколькими отдѣльными былинами, напечатанными въ «Запискахъ Ак. Наукъ» и въ «Москвитинѣ». Все вниманіе автора обращено, главнымъ образомъ, на нравственныя качества русскихъ «вѣтязей», и только попутно затрагиваются въ слабой степени другіе вопросы о былевомъ эпосѣ. Отличительною чертою нашихъ богатырей, по Шевыреву, является отсутствіе личнаго чувства, самоотверженіе. Правда, въ нихъ встрѣчаются черты грубости, но эти черты должны быть отнесены къ вліянію азіатскихъ кочевниковъ, съ которыми русскому народу приходилось непрестанно бороться. Изложивъ содержаніе извѣстныхъ въ то время былинь объ Ильѣ Муромцѣ, Шевыревъ дѣлаетъ его характеристику: «онъ милосердъ къ нищимъ, его сила — награда за его милостыню; онъ добрый сынъ; онъ бережется напрасной обиды; онъ не проливаетъ крови христіанской; онъ щадитъ даже разбойниковъ; онъ безъ по-

*) Эти лекціи читались въ 1844—45 году. Въ 1846-мъ году вышло первое изданіе. Къ несчастью, намъ не удалось видѣть его и потому мы не можемъ судить, насколько оно отличалось отъ второго, исправленнаго и «умноженнаго», по словамъ автора, согласно требованіямъ современной науки.

**) Это смѣлое для того времени обличеніе даже вызвало нѣкоторое неодобольство слушателей.

хвальбы служить русской землѣ*)» и т. д. Для большаго отбвненія симпатичныхъ качествъ нашего богатыря — крестьянина, онъ дѣлаетъ смѣлую для того времени попытку сближенія его съ испанскимъ Цадомъ (Сидомъ). Русский богатырь оказывается надѣленнымъ мягкимъ любящимъ сердцемъ; главная черта его — не чувство личной мести, какъ у испанскаго рыцаря, а служеніе міру — народу. Подобно Аксакову, Шевыревъ также прибѣгалъ къ раскрытію символики, которую онъ видѣлъ въ нашихъ былевыхъ пѣсняхъ. Былина «Отчего перевелись богатыри на Руси», по его мнѣнію, имѣетъ индсказательное значеніе: она «выражаетъ великую мысль, какимъ образомъ сила вещественная въ Россіи мало по малу уступаетъ мѣсто силѣ духовной**»).

Стремленіе возвеличить русское народное міровозрѣніе, выразителямъ котораго являлись богатыри, мѣшало изслѣдователямъ славянофильской школы обратить вниманіе на многія древнія черты въ былинахъ, которыя они предусмотрительно замалчивали, объясняя ихъ вообще посторонними вліяніями. Слишкомъ ретивое увлеченіе своими историко-патріотическими взглядами натолкнуло ихъ на мысль попытаться поискать въ богатырскихъ пѣсняхъ подтвержденія своимъ теоріямъ. Прямыхъ фактовъ нашлось не много, но за то оказалось возможнымъ во многихъ случаяхъ примѣнить аллегорическое объясненіе, какъ нельзя болѣе противорѣчащее самому духу народнаго эпоса. Не смотря на указанную односторонность и недостатки, статьи Хомякова, Шевырева и Аксакова о богатырскомъ эпосѣ имѣли свое значеніе въ исторіи изученія былинъ, такъ какъ въ нихъ находятся чуть-ли не первые зародыши изслѣдованія этого вида народной поэзіи. Славянофилы первые послѣ Калайдовича обратили серьезное вниманіе на былины и, переставъ относиться къ нимъ, какъ къ грубымъ и нелѣпымъ сказкамъ, своимъ геніальнымъ чутьемъ народно-

*) Шевыревъ. Лекціи по исторіи русской словесности изд. 2-е, ст. 243.

**) Ibid. с. 245.

сти отмѣтили, порою очень удачно, чисто русскія особенности нашего эпоса.

Взгляды позднѣйшихъ изслѣдователей на труды славянофиловъ о былевомъ эпосѣ расходились: одни изъ нихъ придавали имъ важное значеніе, другіе совершенно ихъ игнорировали. О. Миллеръ, напр., въ своей докторской диссертациі «Илья Муромецъ и богатырство Кіевское» писалъ о нихъ: «Мнѣ удалось убѣдиться въ томъ, что основныя заключенія о нашемъ эпосѣ нашихъ писателей народнаго направленія вполне справедливы. Я радостно признаю себя ихъ ученикомъ и желалъ бы остаться ихъ вѣрнымъ послѣдователемъ и, по мѣрѣ силъ моихъ, однимъ изъ подражателей ихъ великаго дѣла». Наоборотъ, Буслаевъ не придавалъ ихъ изслѣдованіямъ о былинахъ почти никакого значенія. Во всякомъ случаѣ, славянофилы сдѣлали не много: въ ихъ трудахъ находятся только первыя попытки изученія былеваго эпоса. Но съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что кружокъ славянофиловъ выдвинулъ замѣчательнѣйшаго работника на нивѣ собиранія произведеній народнаго творчества, незабвеннаго П. В. Кирѣевскаго, который первый отважился «пойти въ народъ» и далъ русскому читающему обществу первый хорошій сборникъ былинь.

II.

Въ сороковыхъ годахъ, одновременно съ воцареніемъ въ литературѣ со временъ Гоголя такъ называемаго реалистическаго направленія, замѣчается перемѣна въ научномъ изученіи народности. Русская дворянская молодежь, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, считала своимъ долгомъ побывать за границей и познакомиться съ мыслями передовыхъ людей Западной Европы. Какъ-бы въ отвѣтъ на потребность общества, русскіе университеты стали посылать къ германскимъ ученымъ своихъ молодыхъ питомцевъ, оставленныхъ для приготовленія къ профессорскому званію. Въ германской филологіи въ это

время господствовало направлѣніе вызванное трудами безсмертнаго Якова Гримма, посвященными изученію языка и міеологии. Лингвистическія и міеологическія изслѣдованія Гримма, возстановившія при помощи данныхъ сравнительнаго языкознанія и изученія народно-эпическихъ произведеній цѣлую стройную систему нѣмецкаго Олимпа, указывали, въ то-же время, путь для научныхъ изслѣдованій подобнаго рода у другихъ народностей. Возникши въ самый разгаръ нѣмецкаго національнаго движенія, труды Гримма были исполнены глубокой любви къ родному народу и его старинѣ и искренняго неподдѣльнаго удивленія передъ величіемъ его поэтическихъ созданій. Правда, національный патріотизмъ слишкомъ сильно отразился на изслѣдованіяхъ Гримма и во многихъ случаяхъ заставилъ его чрезмѣрно идеализировать древнія черты германскаго быта и міеологии, но значеніе его дѣятельности отъ этого мало что теряетъ.

Главнымъ положеніемъ знаменитаго міеолога была мысль, что въ языкѣ и памятникахъ народнаго творчества сохранились, испорченныя, правда, фантазіей, міеическія представленія первобытнаго человѣка. «Яковъ Гриммъ», замѣчаетъ В. Маннгардтъ, «сдѣлалъ великій шагъ впередъ, когда взглянулъ на міеологию не какъ на произведеніе сознательнаго умозрѣнія, но какъ на созданіе безсознательно поэтически творящаго народнаго духа, аналогичное съ языкомъ. Этимъ онъ положилъ основаніе научному разумѣнію не только германской, но также греческой и всякой другой міеологии*)». Великая заслуга пересадки въ русскую науку взглядовъ и метода Гримма принадлежитъ профессору С. И. Буслаеву. Въ 1844 году Буслаевъ, тогда еще учитель 3-й Московской гимназіи, выпустилъ въ свѣтъ книгу, подъ заглавіемъ: «О преподаваніи отечественнаго языка». Въ предисловіи къ ней онъ прямо писалъ, что считаетъ своимъ руководителемъ знаменитаго Гримма, потому что признаетъ его взгляды въ высшей степени полезными, какъ

*) Пыпинъ. Исторія русской этнографіи, т. II, с. 101.

для науки, такъ и для жизни. Общія положенія его диссертация, вышедшей въ 1848-мъ году*), заключаютъ въ себѣ, въ общемъ, главнѣйшіе взгляды Гримма. Таковы мнѣнія о связи языка съ первоначальными вѣрованіями народа, о вліяніи его на эпическую поэзію, о родствѣ древнѣйшихъ преданій индо-арійскихъ племенъ, о необходимости сравнительнаго изученія славянской миеологіи. Какъ въ двухъ названныхъ трудахъ почтеннаго профессора, такъ и въ послѣдующихъ, изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ: «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства», 2 тома, ясно бросается въ глаза глубокая любовь ихъ автора къ родной старинѣ и страстное желаніе поднять значеніе этой старины и заставить современниковъ уважать ее. Въ прежнее время Буслаева не рѣдко причисляли къ славянофиламъ, и это будетъ вполне понятно, если вспомнить, какъ горячо и ревниво отстаивалъ онъ народную старину.

Русскій былевой эпосъ разсматривался Буслаевымъ, какъ одинъ изъ такихъ памятниковъ народнаго творчества; въ которомъ въ значительной степени сохранились подъ позднѣйшими слоями древнѣйшія миеическія представленія индоевропейцевъ и въ частности славянъ.

Ученіемъ нѣмцевъ, онъ первый у насъ началъ дѣлать сравненія русской народной поэзіи съ данными творчества другихъ народовъ, первоначально германской группы. Впослѣдствіе кругъ сравненія былъ расширенъ, и въ него Буслаевъ ввелъ поэзію славянскихъ, романскихъ и даже восточныхъ племенъ. Въ основѣ его взгляда на былины лежитъ указанная выше Гриммовская теорія о сущности древней поэзіи. Мы изложимъ здѣсь въ сжатомъ видѣ, по нѣсколькимъ статьямъ, суть взгляда Буслаева на народный эпосъ въ широкомъ смыслѣ слова, а также его сужденія о былинахъ.

«Въ самую раннюю эпоху своего бытія», говоритъ Буслаевъ: «народъ имѣетъ уже всѣ главнѣйшія нравственныя основы своей національности въ языкѣ и миеологіи, которыя

*) О вліяніи христіанства на славянскій языкъ.

стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ поэзіей, правомъ, съ обычаями и нравами *)». Народная память не помнитъ времени возникновенія этихъ основъ, существованіе которыхъ относится къ глубокой доисторической древности, ко времени первыхъ проблесковъ сознанія будущаго царя природы. Единственнымъ орудіемъ, сохранившимъ древнѣйшія преданія человѣчества, является слово, къ которому «сходятся всѣ тончайшія нити родной старины, все великое и святое, все, чѣмъ крѣпится нравственная жизнь народа **»). Лучшимъ выразителемъ этихъ первоначальныхъ преданій служитъ эпическая поэзія, обнимающая собою всѣ самородныя произведенія народнаго творчества. Сюда относятся, кромѣ былевыхъ пѣсенъ и сказокъ, также отдѣльныя изрѣченія, заговоры, пословицы, клятвы, загадки, примѣты, суевѣрія ***). Всѣ разнообразныя части одного эпическаго цѣлаго находятся въ живой органической связи между собою †).

Творцомъ эпоса является весь народъ, полный могучаго поэтическаго воодушевленія; эпическая поэзія «есть по преимуществу слово цѣлаго народа, гласъ народа ††)». «Отдѣльныя лица были не поэты, а только пѣвцы и рассказчики, они умѣли только вѣрнѣе и ловчѣе пѣть, или рассказывать то, что было извѣстно всякому †††)». Происхожденіе эпической поэзіи теряется въ глубинѣ вѣковъ; оно восходитъ къ тому времени, когда народъ создавалъ свой языкъ и мифологію. Являясь результатомъ вѣковаго творчества народа, сохраняемая въ памяти изъ рода въ родъ, какъ лучшее достояніе, эпическая самородная пѣсня не допускаетъ отклоненія отъ добра и правды.

«Поэзія народная, разумѣется чисто народная, а не испорченная фабричными и лакейскими передѣлками, во всѣхъ от-

*) Буслаевъ. Историческія очерки, т. 1, с. 1.

**) Ibidem. с. 1.

***) Справ. ibid. С. 32—33.

†) Ibid. справ. с. 43.

††) Ibid. с. 405.

†††) Ист. очер. 1, с. 52.

ношеніяхъ хороша, потому что она естественна*), потому что, будучи выраженіемъ творческаго духа всего народа, свободно выливалась она изъ устъ цѣлыхъ поколѣній**). Постепенно, съ развитіемъ сознанія, индо-европейцы, уже обособившіеся въ отдѣльные народы, начинаютъ отмѣчать у себя въ памяти важнѣйшія событія собственной жизни. «Тогда къ чистому миеу присовокупляются сказанія о дѣлахъ людей; но, такъ какъ въ поэтическихъ разсказахъ дѣйствующими лицами установились уже боги, то всего легче было для язычниковъ приписывать богамъ дѣла людей, а судьбы народа выразить въ похожденіяхъ боговъ***)»).

Являются, такимъ образомъ, богатыри и герои, нѣчто среднее между богомъ и человѣкомъ. Воспоминанія о столкновеніяхъ съ враждебными народами отобразили этихъ послѣднихъ въ эпическомъ представленіи въ видѣ великановъ. Вообще-же, «древнее сказаніе обыкновенно принимаетъ въ себя намеки на позднѣйшія историческія событія, и, такимъ образомъ, составляетъ одно преданіе, обнимающее нѣсколько вѣковъ. А такъ какъ эпосъ никогда не былъ спокойно установленнымъ, въ опредѣленную форму связаннымъ цѣлымъ, и такъ какъ въ немъ болѣе господствуетъ стремленіе къ движенію и переработкѣ, чѣмъ и поддерживается его существованіе въ продолженіи вѣковъ при различныхъ условіяхъ жизни народной, то мы и находимъ въ немъ различныя слои эпоса, другъ на друга налагавшіеся. Такъ, у насъ въ одной и той-же пѣснѣ являются Владиміръ съ богатырями и татары†)». Отличительною чертою народнаго эпоса служить также его эпизодическій характеръ. Восхваленное эпическое единство выступаетъ на сцену не ранѣе, какъ въ моментъ утраты первоначальнаго характера эпическихъ пѣсней и служить первымъ симптомомъ разработки поэтическаго матеріала отдѣльными

*) Любопытная антитеза мнѣнію Бѣлинскаго.

***) Ист. очер. 1, с. 408.

***) Ibid. с. 21.

†) Ibid. с. 53. Первое упоминаніе о слоевомъ составѣ русскаго былевого эпоса.

лицами *). Въ развитіи эпоса можно прослѣдить три періода: еогоническій, героическій и историческій. Общія вѣсть индоевропейскимъ народамъ еогоническія и комическія представленія въ каждомъ отдѣльномъ племени получили свое самостоятельное развитіе въ зависимости отъ степени культуры и отъ различныхъ историческихъ условій. Героическій періодъ, выступившій на смѣну мифологическому, первоначально живетъ вмѣстѣ съ нимъ совмѣстною общеою жизнью и не скоро совершенно обособляется. Русскія богатырскія пѣсни сохранили въ себѣ слѣды именно совмѣстнаго существованія еогонического и героического періодовъ въ развитіи эпосовъ. «Такимъ образомъ Владиміръ—Красное Солнышко окруженъ въ нашемъ народномъ эпосѣ таинственной сѣтью мифическихъ чарованій. И племянница его, и сестра, и племянникъ, и даже супруга — въ связи съ міромъ сверхъестественнымъ и существами мифическими. Онъ веселится на свадебныхъ пирахъ съ вѣщами женами, оборотнями — бѣлыми — лебедушками, съ мифическими богатырями; онъ дѣлитъ хлѣбъ соль съ оборотнями — змѣями, съ породою змѣиною **»). Но вообще русскій эпосъ очень рано былъ оторванъ отъ мифической основы и приуроченъ къ исторической обстановкѣ ***). Такъ, могучій образъ Ильи Муромца, имѣющій въ основѣ своей какое-нибудь мифологическое существо, быть можетъ, доброе божество, защищающее человѣчество отъ всякихъ напастей, уже въ эпоху Владиміра сталъ «могущественнымъ представителемъ силъ простого народа и защитникомъ его интересовъ передъ исключительнымъ господствомъ дружины» †). Поэтому съ исторической точки зрѣнія былевая поэзія въ высшей степени интересна, какъ показатель живого участія народа въ историческихъ судьбахъ Руси, дававшего свою справедливую оцѣнку различнымъ событіямъ въ государственной жизни. Буелавъ для выясненія былинъ сопоставлялъ ихъ также съ

*) Срав. 1, с. 406—7.

**) Ист. очер. т. 2, с. 7.

***) Срав. Сравнит. изученіе русск. быта и поэзіи. Р. В. 72 г. 10 с. 697.

†) Истор. очер. 1, с. 418.

общеарійскими преданіями и особенно съ преданіями славянскихъ народовъ, прибѣгалъ къ лѣтописямъ и другимъ письменнымъ свидѣтельствамъ, дѣлалъ различныя филологическія сближенія и объясненія, отмѣчалъ мимоходомъ наросты и наслоенія *).

Былины о старшихъ богатыряхъ, по мнѣнію Буслаева, сохранили въ себѣ слѣды древнѣйшихъ преданій славянской мифологіи. На первомъ мѣстѣ здѣсь должны быть поставлены сказанія о происхожденіи рѣкъ, сохранившіяся въ замѣчательной свѣжести.

Такому развитію мифовъ о рѣкахъ способствовала, съ одной стороны, однообразная природа славянской равнины, гдѣ воображеніе человѣка скорѣе всего могло остановиться на водѣ **), съ другой — размѣщеніе первыхъ славянскихъ племенъ по берегамъ рѣкъ, служившихъ для нихъ границами и путями сообщенія ***). Рѣки, такимъ образомъ, болѣе всего другого изъ окружающей природы обращали на себя вниманіе первобытнаго славянина, и онъ олицетворилъ ихъ въ лицѣ нѣкоторыхъ богатырей старшей эпохи. Такъ возникли былины, повѣствующія о Дунаѣ, Донѣ, Днѣпрѣ, изъ крови которыхъ потекли одноименныя имъ рѣки. Воспоминаніе объ исполинахъ горной породы былины сохранили въ огромномъ образѣ Святогора, уже одно имя котораго указываетъ на его связь съ горою †). Превращеніе этихъ великановъ въ рѣки и горы относится къ той эпохѣ въ жизни человѣка, когда онъ настолько освоился съ природою, что пересталъ видѣть въ ней сверхъестественное существо. «Отъ страшныхъ сверхъестественныхъ силъ ничего больше не осталось, какъ грубая масса, въ которой они навсегда улеглись» ††). Но еще долго послѣ этого умъ человѣческій тревожился, что птицы, звѣри

*) См. «Русскій Вѣстникъ» за 1862 г. 3, 9, 10. Эта статья Буслаева была вызвана появленіемъ въ печати былевыхъ пѣсень въ сборникахъ Кирѣевскаго и Рыбникова.

**) «Рус. Вѣст.» ст. 1862 г. 8, с. 42.

***) «Рус. Вѣст.» ст. 1862 г. 3, с. 31.

†) «Рус. Вѣст.» ст. 1862 г. 3, с. 48.

††) «Рус. Вѣст.» 1862 г. 8, с. 54.

и особенно змѣи одарены необычайной силой, могущей причинить ему вредъ и гибель. Эту свою вѣру въ необычайную силу указанныхъ существъ народъ выразилъ въ сказаніяхъ о Тугаринѣ-змѣевычѣ, соединяющемъ въ себѣ свойства змѣя и великана, и о Сбловѣ-разбойникѣ. Этотъ послѣдній является то разбойникомъ, то чудовищемъ со змѣинымъ шипѣніемъ и звѣринымъ рывканіемъ. Съ незапамятныхъ временъ жизни въ далекой арійской родинѣ русскія племена сохранили общій всѣмъ индо-европейскимъ народамъ терминъ «орать» *) и воплотили образъ миѣического пахаря въ лицѣ Микулы Селяниновича, котораго любить мать—сыра земля, вѣчемъ замѣтенъ слѣдъ древняго мифа о союзѣ богини земли съ богомъ земледѣлія **). Самъ Владиміръ Красно-олнышко, не смотря на кажущіяся историческія черты, носитъ въ себѣ миѣическую основу солнечнаго божества, древняго Дажь—бога или Сварога. Въ нѣкоторыхъ женскихъ типахъ былинь русской эпосъ сохранилъ также память о миѣическихъ богиняхъ и полубогиняхъ.

Таковы миѣическія черты русскаго богатырскаго эпоса.

Но только народности, обреченныя на жизнь безъ историческаго прогресса, останавливаются въ своемъ эпосѣ на миѣическихъ представленіяхъ великановъ и не создаютъ болѣе гуманныхъ, симпатичныхъ типовъ ***). Русское племя выставило цѣлый рядъ очеловѣченныхъ героевъ, младшихъ богатырей, въ которыхъ, хотя по временамъ и сквозятъ глубоко древнія черты, но онѣ въ значительной степени заслонены позднѣйшей бытовой и исторической обстановкой. Это младшее поколѣніе богатырей во многихъ случаяхъ является выразителемъ народныхъ взглядовъ и убѣжденій, симпатій и ненависти. Такъ, первый богатырь русской Ильѣ Муромецъ есть представитель національнаго идеала русскаго народа †),

*) Срав. «Рус. Вѣст.» 1863 г. 9, с. 6.

**) Ср. «Рус. Вѣст.» 1862 г. 9, с. 17.

***) Ср. Р. В. 62 г., № 9, с. 83—84.

†) Рус. Вѣст. 1862 г., 9, 63.

Василій Буслаевъ олицетворяетъ борьбу новгородскихъ партій*) и т. п.

Коренная ошибка профессора Буслаева, по замѣчанію критиковъ, состояла въ томъ, что онъ, если можно такъ выразиться, слишкомъ преждевременно выступилъ со своею теоріею. Народный былевой эпосъ во всей своей огромной величинѣ только что предсталъ передъ глазами изумленного русскаго общества. Нечего говорить о томъ, что, хранимый до сихъ поръ по большей части въ устахъ сказителей, онъ испытывалъ множество всевозможныхъ измѣненій; глубокая старина въ немъ находилась рядомъ съ изображеніемъ позднѣйшихъ событій. Прежде чѣмъ дѣлать какіе-бы то ни было выводы изъ находящагося въ немъ обильнаго матеріала, нужно было подвергнуть критикѣ этотъ матеріалъ и рѣшить, что именно въ немъ несомнѣнно древнее и что принадлежитъ послѣдующимъ вѣкамъ. Всякій древній литературный памятникъ, а тѣмъ болѣе сохраняемый долгое время въ устной передачѣ, требуетъ прежде всего критики текста (въ широкомъ смыслѣ этого выраженія) и только, выдержавъ этотъ искусъ, можетъ быть употребленъ для другихъ цѣлей. Буслаевъ не сдѣлалъ этого и пользовался источниками въ сыромъ видѣ безъ надлежащей обработки. Изъ другихъ недостатковъ взгляда Буслаева на былины можно указать на односторонность теоріи, примѣняемой имъ къ богатырскимъ пѣснямъ. Впрочемъ, въ позднѣйшихъ своихъ сужденіяхъ о богатыряхъ Буслаевъ нѣсколько перемѣнилъ свои взгляды, принявъ въ расчетъ новые факты, указанные современниками другихъ направленій въ изученіи былины.

Толчекъ, данный русской наукѣ работами Буслаева, не замедлилъ оказать свое дѣйствіе. Его горячее, близкое къ романтизму, увлеченіе отечественной стариной, поддержанное необычайными открытіями въ области народнаго творчества, вызвало среди русскихъ ученыхъ глубокий интересъ къ народной словесности. Молодые русскіе филологи стремятся усвоить себѣ взгляды Гримма и другихъ западно-европейскихъ автори-

*) Р. В. 62 г. 10, с. 545.

тетовъ въ области сравнительнаго языкознанія и миѳологіи и примѣняютъ ихъ теоріи къ русской народной литературѣ и въ томъ числѣ къ былинамъ. Вслѣдъ за Буслаевымъ здѣсь на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ А. Н. Афанасьевъ, издавшій въ 1865—69 гг. два объемистыхъ тома «Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу». Трудъ Афанасьева обрабатывался болѣе 15-ти лѣтъ и до сихъ поръ еще является настольной книгой всякаго, занимающагося изученіемъ славянской и особенно русской древности. По обилію собраннаго матеріала эти двѣ книги долго еще будутъ незамѣнимыми, заключая въ себѣ все то, что только возможно было найти въ то время относящагося къ интересующему автора предмету. Не забылъ онъ также и былины, въ которыхъ, по его мнѣнію, сохранились поэтическія или, вѣрнѣе, миѳологическія воззрѣнія русскаго человѣка на природу. Любопытна и основная точка зрѣнія Афанасьева на миѳологию и народный эпосъ.

Основой миѳологіи, по Афанасьеву, является языкъ. «Зерно изъ котораго вырастаетъ миѳическое сказаніе, коренится въ первозданномъ словѣ*)». Поражаемый массою явленій и предметовъ окружающей природы, первобытный человѣкъ обозначалъ свои впечатленія членораздѣльными звуками, выражавшими особенно рѣзко бросавшіяся въ глаза признаки и качества. «Такъ какъ различные предметы и явленія легко могутъ быть сходны нѣкоторыми своими признаками и въ этомъ отношеніи производятъ на чувства одинаковое впечатленіе, то естественно, что человѣкъ сталъ сближать ихъ въ своихъ представленіяхъ и придавать имъ въ своихъ представленіяхъ одно и то-же названіе, или по крайней мѣрѣ, названія, производимыя отъ одного корня». Съ постепеннымъ забвеніемъ первоначальнаго значенія словъ наступаетъ полное смѣшеніе понятій и неизбежный процессъ «миѳологическихъ обобщеній».

Первоначальное метафорическое уподобленіе мало по малу получаетъ значеніе дѣйствительнаго факта: небесныя свѣтила

*) Поэт. воз. 1, с. 15.

становятся настоящими очами неба, вѣтеръ оказывается надѣленнымъ крыльями и т. п. Возникають, такимъ образомъ, первые начатки мифологіи. Такъ какъ раньше различные предметы получали одинаковое обозначеніе и, наоборотъ, у одного явленія или предмета существовало нѣсколько эпитетовъ, отмѣчавшихъ его различныя черты, то и мифическіе образы стали до нѣкоторой степени сходными. Что касается до времени возникновенія мифовъ, то большая часть ихъ «восходитъ къ отдаленному времени аріевъ; выдѣляясь изъ общей массы родоначальнаго племени и расселяясь по дальнимъ землямъ, народы, вмѣстѣ съ богато выработаннымъ словомъ, уносили съ собою и самыя воззрѣнія и вѣрованія**»). Въ постепенномъ развитіи мифа замѣчается три періода: 1) раздробленіе мифическихъ сказаній 2) низведеніе мифовъ на землю и прикрѣпленіе ихъ къ извѣстной мѣстности и историческимъ событіямъ, 3) нравственное мотивированіе мифическихъ сказаній. Такъ какъ мифъ возникъ изъ слова, то для изслѣдованія его надо прежде всего прибѣгнуть къ языку. «Особенною-же силою и свѣжестью дышетъ языкъ эпическихъ сказаній и другихъ памятниковъ устной словесности; памятники эти крѣпкими узами связаны съ умственными интересами народа, въ нихъ запечатлѣны результаты его духовнаго развитія и заблужденій, а потому, вмѣстѣ съ живущими въ народѣ преданіями, повѣрьями и обрядами они составляютъ самый обильный матеріалъ для мифологическихъ изслѣдованій***»). Такимъ образомъ, славянская эпическая поэзія и въ частности русскія былины, по мнѣнію Афанасьева, сохранили въ себѣ слѣды древняго мифическаго сказанія, служившаго ихъ первоначальной основой. Христіанство и позднѣйшая историческая жизнь измѣнили только обстановку и имена, но не коснулись содержанія. «Самый ходъ разсказа, его завязка и развязка, его чудесное остались неприкосновенными†»).

*) Поэт. воззрѣнія слав. на прир. 1, с. 7.

**) Ibid. с. 17.

***) Поэтическія воззрѣнія славянъ на прир. т. 1, с. 22.

†) Ibidem, с. 46.

«Народные эпическіе герои, прежде чѣмъ низошли до человѣка, его страстей, горя и радостей, прежде чѣмъ явились въ исторической обстановкѣ, были олицетвореніемъ стихійныхъ силъ природы; отсюда объясняются и тѣ громадныя размѣры, и та сверхъестественная сила, которые придаются имъ и въ былинахъ, и въ сказкахъ; и въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, антихудожественнаго: поэтический образъ создавался фантазіей согласно съ могуществомъ естественныхъ явленій и надолго удерживалъ за собою ихъ существенныя признаки*)».

Согласно изложеннымъ взглядамъ, Афанасьевъ въ различныхъ богатыряхъ видитъ олицетвореніе мифологіи природы. Илья Муромецъ это богъ — громовникъ. «Окованный зимнею стужей, — богатырь громовникъ сиднемъ сидитъ безъ движенія (не заявляя себя въ грозѣ), пока не напьется живой воды, т. е. пока весенняя теплота не разобьетъ ледяныхъ оковъ и не претворитъ снѣжныя тучи въ дождевыя; только тогда зарождается въ немъ сила поднять молніеносный мечъ и направить его противъ темныхъ демоновъ**»). Всесокрушающія стрѣлы его есть небесныя молніи. Соловей разбойникъ есть олицетвореніе демона бурной грозовой тучи; его могучій свистъ изображаетъ завываніе вѣтра; эпитетъ разбойника объясняется разружительнымъ дѣйствіемъ бури. Микула Селяниновичъ, какъ и Илья Муромецъ, олицетворяетъ собою бога-громовника, щедрого подателя дождей, пашущаго небесную ниву своимъ золотымъ плугомъ***). Садко замѣнилъ древнѣйшаго бога грозы и вѣтровъ; грозовая буря своимъ воемъ и свистомъ вызывала представление о чудныхъ гусяхъ-самогудахъ; его женитьба на дѣвѣ рѣкѣ была первоначально брачнымъ союзомъ бога громовника съ облачною нимфою†) и т. п.

Руководителями Афанасьева въ его трудахъ по славянской мифологіи были основатель науки о мифѣ на западѣ Гриммъ и

*) Ibid. т. 1, с. 48. Лучшимъ методомъ для изученія.

**) Ibid. т. 1, с. 305.

***) Справ. ib. т. II, с. 679—682.

†) Ib. справ. т. II, с. 214.

его продолжатели — Шварцъ, Кунъ, Максъ Мюллеръ и Маннгардтъ, по сколько онъ является ученикомъ Гримма. Собирая и изслѣдуя живые памятники народнаго творчества, Шварцъ пришелъ къ заключенію о существованіи такъ называемой «низшей миеологіи», сохранившейся въ устахъ народа со времени сѣдой древности до нашихъ дней. Эта низшая миеологія заключаетъ въ себѣ древнѣйшіе мотивы народной религіи и космогоніи. Исходнымъ пунктомъ всей миеологіи, по Шварцу, нужно считать явленія бури и особенно грозы съ дождемъ и радугой, представлявшіяся первобытному человеку необыкновенно чудесными. Миеъ о небесномъ явленіи постепенно приурочивается къ извѣстной мѣстности, локализуется.

Взглядъ Куна, сравнивавшего остатки миеологическихъ представленій у разныхъ народовъ, въ общемъ совпадаетъ съ основной точкой зрѣнія Шварца.

Максъ Мюллеръ первое мѣсто въ образованіи миеологіи отводитъ языку. Первоначально языкъ отличался конкретнымъ, чувственнымъ характеромъ, выражая только предметы и дѣйствія, доступныя пяти внѣшнимъ чувствамъ. Но такъ какъ многія вещи имѣютъ общіе признаки, то постепенно одно и тоже названіе стало примѣняться къ нѣсколькимъ предметамъ. Съ теченіемъ времени забывалось коренное значеніе словъ, произошла путаница языка, и возникла миеологія. Такимъ образомъ, миеологія есть результатъ ненормальнаго состоянія языка, она есть болѣзнь его. Поэтому для анализа любого миеа надо прежде всего прибѣгать къ лингвистическому методу и при помощи его отыскивать древнѣйшую основу сказаній. Но если субъективной основой миеовъ должно считать порчу языка, то объектомъ ихъ служить солнце: «я не раздѣляю», говоритъ онъ: «взглядовъ на миеологію доктора Куна и особенно его взгляда на элементарный характеръ боговъ: онъ слишкомъ исключительно привязываетъ ихъ къ мимолетнымъ явленіямъ облаковъ, бурь и грома; я думаю, что въ своей первоначальной концепціи они были почти всегда

солнечными героями*) Въ подтвержденіе этого взгляда Мюллеръ разбираетъ до 20-и миеовъ, основа которыхъ, по его мнѣнію, имѣетъ въ себѣ рассказъ о солнцѣ.

Такимъ образомъ, миеологическія теоріи Шварца и Макса Мюллера въ общемъ сводятся къ одному — къ исторіи неба и явленій, на немъ происходящихъ. Аванасьевъ значительно раньше Макса Мюллера пришелъ къ выводу, что миеологія есть слѣдствіе болѣзни языка. Поддержанный первокласснымъ западноевропейскимъ ученымъ, онъ смѣло примѣнилъ свою теорію къ объясненію сущности славянской миеологіи. Но теорія о лингвистическомъ происхожденіи миеовъ можетъ быть принята съ большими ограниченіями. Дѣло въ томъ, что въ сознаніи миеологическихъ представленій играютъ важную роль кромѣ языка еще и психическіе факторы. Соприкасаясь съ природою, человѣкъ, пораженный ея явленіями, вслѣдствіе врожденной любознательности, пытается дать на занимающіе его вопросы отвѣты, въ которыхъ и надо искать перваго основанія для миеовъ. Если даже и принять теорію Аванасьева и Мюллера, то съ ихъ точки зрѣнія будетъ совершенно непонятно, какимъ образомъ въ человѣкѣ явилась потребность обращать въ миеы поэтическія метафоры, придавать имъ реальное значеніе. Человѣчество, по размѣрѣ развитія, какъ будто теряло свой прежній разумный взглядъ на природу, превращая въ своемъ воображеніи облака, похожія на коровъ, въ дѣйствительныхъ коровъ, звѣзды, напоминающія глаза — въ реальныя очи неба и т. п. Непонятно, далѣе, какъ миеологія, будучи въ основѣ жила простою метафорою, очень рано оказывается въ тѣсной связи съ религіозными воззрѣніями первыхъ людей, видѣвшихъ въ миеологическихъ представленіяхъ грозныя божества. При всемъ этомъ, миеологія неба, проводимая Аванасьевымъ, очень односторонняя. Весьма естественно, что первобытный человѣкъ поражался прежде всего небесными явленіями, но въ то-же время онъ обращалъ вниманіе на воды и лѣсъ и населялъ ихъ страшными существами. Вообще несомнѣнно, что миео-

*) Замѣтки о срав. миеологіи М. Мюллера Ф. зап. 1879 г. в. 2, 6. с. 59.

логическія представленія развились одновременно изъ нѣсколькихъ центровъ. Объясняя русскихъ богатырей и ихъ подвиги съ миеологической точки зрѣнія, Аѳанасьевъ слишкомъ уже расширилъ миеологическую экзегизу и оставилъ совершенно въ сторонѣ энтографо-историческія толкованія. Каждая мельчайшая подробность изслѣдуемаго героическаго образа, могущая имѣть чисто бытовое или какое-нибудь другое значеніе, Аѳанасьевымъ возводится къ миеологической основѣ въ связи съ общимъ пониманіемъ богатыря въ духѣ теорій Шварца, или Макса Мюллера. Такъ, страшныя стрѣлы Ильи Муромца объясняются грозными небесными молніями, игра Садка на гусяхъ — свистомъ бури и т. п. Историческій и бытовой элементъ, столь обильный въ былинахъ, изслѣдователь оставилъ совершенно въ сторонѣ, не придавая ему, очевидно, никакого существеннаго значенія. Вообще, Аѳанасьевъ совершенно упустилъ изъ виду постепенный прогрессъ въ народномъ міровоззрѣніи, который отражался и на былинахъ. Къ древней основѣ богатырей постепенно прибавлялись все новыя черты, вызванныя переменами взглядовъ и исторіи, которые нерѣдко въ значительной степени сглаживали старину и придавали ей новую окраску и смыслъ. Все это Аѳанасьевъ обошелъ молчаніемъ и видѣлъ въ богатыряхъ только символическое олицетвореніе солнца, тучи и бури въ различныя времена года.

Въ 1867 году появились первые труды извѣстнаго ученаго, ученика Буслаева, покойнаго профессора Кіевскаго университета А. А. Котляревскаго; второй его печатной работой была статья о русскихъ богатыряхъ, помѣщенная въ литературномъ отдѣлѣ «Московскихъ Вѣдомостей». Въ послѣдующихъ статьяхъ и критическихъ замѣткахъ пр. Котляревскій не разъ касался вопроса о русскихъ былинахъ, тщательно слѣдя за всякимъ новымъ изслѣдованіемъ, проливающимъ свѣтъ на темный вопросъ о русскомъ богатырскомъ эпосѣ. Одаренный свѣтлымъ природнымъ умомъ, съ громадной эрудиціей, онъ всегда относился въ высшей степени трезво къ предметамъ изслѣдованія. Единственно вѣрнымъ методомъ, могущимъ быть примѣненнымъ къ эпическимъ произведеніямъ народной словесности,

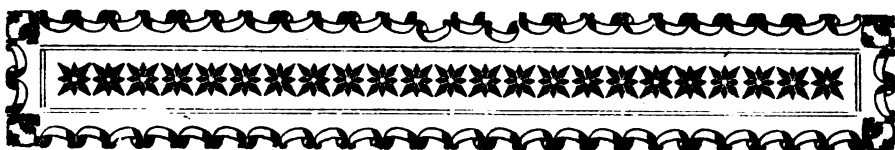
онъ признавалъ сравнительно-историческій, казавшійся ему едва-ли не самымъ значительнымъ приобрѣтеніемъ, благодаря которому историко-филологическія изслѣдованія получили твердую реальную почву и изъ празднаго знанія стали на степень положительной науки *). Относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ трудамъ Гримма, Котляревскій не увлекался такъ называемой миеологіей природы и не соглашался съ чрезмѣрнымъ расширеніемъ арійской эпохи въ жизни народовъ. Его мысли о происхожденіи былевого эпоса сводятся къ слѣдующему. На зарѣ исторіи народовъ, когда отдѣльный индивидуумъ почти что не сознавалъ себя, какъ самостоятельную единицу и жилъ общимъ сознаніемъ племени, и первымъ проблескомъ такого общаго сознанія была мысль о зависимости отъ божества. Эта мысль вытекала изъ естественнаго стремленія человѣка объяснить себѣ поражающія явленія природы. Изукрашенная поэтической фантазіей первобытнаго человѣка, она обращается въ мифъ, «первую поэтическую форму народнаго міросозерцанія» **). Первоначально мифъ занятъ лишь божествомъ. Съ теченіемъ времени народъ, какъ-бы освоившись со сверхъ-естественными силами, мало по малу вытѣшиваетъ ихъ въ свои земныя дѣла, «переноситъ небожителей на землю, заставляя ихъ расплагаться судьбами человѣка» ***). Мало по малу, съ развитіемъ антропоморфизма, прежніе грозные боги обращаются въ героевъ, защищающихъ человѣка отъ всевозможныхъ враговъ. Такъ возникаетъ сказаніе, былина, «которая почти всегда коренится на мифѣ, на старинныхъ мифическихъ представленіяхъ» †). Приуроченный къ земной обстановкѣ, мифъ отражаетъ въ себѣ историческія событія и измѣненія въ бытовой, нравственной и эстетической жизни народа. Поэты и жрецы развиваютъ древнюю миеологическую основу и мало по малу создаютъ такъ называемую высшую миеологію, находящую себѣ выраженіе въ формѣ эпоса, или

*) Котляревскій. Сочиненія т. I. с. 528.

**) Котляревскій. Сочиненія. т. II с. 249.

***) Котляревскій. Сочиненія. т. II. 250.

†) Котляревскій. Сочиненія т. I. с. 251.



Критико-библиографическій обзоръ трудовъ по русскому богатырскому эпосу.

(Продолженіе, см. «Гимн.» кн. CI—CIII).

Г. Александровскій, Кіевъ.

III.

Начало шестидесятихъ годовъ ознаменовалось въ исторіи изученія русскаго богатырскаго эпоса появленіемъ обильнѣйшаго матеріала былевыхъ пѣсенъ, существованіе котораго въ такомъ количествѣ трудно было даже подозрѣвать.

Въ 1860-мъ году вышли изъ печати первые выпуски пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ, подъ редакціей Безсонова; изданіе прекратилось только въ 1874-мъ году, заключая въ себѣ 10 выпусковъ, въ первыхъ четырехъ изъ которыхъ помѣщены богатырскія пѣсни. Собраніе пѣсенъ было закончено еще къ сороковымъ годамъ, но въ силу цензурныхъ условій ¹⁾ онѣ долго не могли появиться въ печати цѣликомъ и только въ небольшомъ количествѣ помѣщались въ «Русской Бесѣдѣ»

¹⁾ Въ собраніи сочиненій Ив. Вас. Кирѣевскаго сохранилось любопытное письмо его къ брату, относящееся къ 1844 году и проливающее нѣкоторый свѣтъ на изданіе и интересующихъ насъ пѣсенъ. «Если министръ будетъ въ Москвѣ» говорится между прочимъ тутъ: «то тебѣ непременно надобно просить его о пѣсняхъ, хотя бы къ тому времени тебѣ и не возвратили экземпляровъ изъ цензуры. Можетъ быть, даже и не возвратятъ, но просить о пропускѣ не жѣлаетъ. Главное, на чемъ основываться, — это то, что пѣсни народныя, а что весь народъ поетъ, то не можетъ сдѣлаться тайною, и цензура въ этомъ случаѣ столько же сальна, сколько Перевощиковъ надъ погодою. Уваровъ, вѣрно, это пойметъ также какъ и то, какую репутацію сдѣлаетъ себѣ въ Европѣ наша цензура, запретивъ народныя пѣсни и еще старинныя. Это будетъ смѣхъ во всей Германіи» (соч. 1. біогр. с. 93). Ненавѣстно, просилъ ли Кирѣевскій Уварова, но сборникъ собранныхъ имъ пѣсенъ не появлялся въ публикѣ до 1860 года.

и въ «Московскомъ Сборникѣ» 1852 года. Знаменитый собиратель образцовъ народного творчества Петръ Васильевичъ Кирѣевскій принялся за свой тяжелый трудъ еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Облекшись въ простой народный костюмъ съ котомкою за плечами, онъ исходилъ почти всю Россію, собирая драгоцѣнные матеріалы. Къ стыду и сожалѣнію, мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, ни о его дѣятельности, какъ собирателя народныхъ пѣсенъ. Издатель его трудовъ Безсоновъ не позаботился даже дать краткой біографіи этого незабвеннаго труженика и, какъ бы умышленно, замалчивалъ его дѣятельность ¹⁾. Грѣхъ Безсонова передъ русскимъ обществомъ тѣмъ непростительнѣе, что онъ, стоя близко къ славянофильскому кружку и покойному П. В. Кирѣевскому, навѣрно имѣлъ много матеріала для біографіи этого человѣка, труды котораго оказали огромную услугу дѣлу изученія русской народности. — Въ 1859 году сосланный административно въ Петрозаводскъ П. И. Рыбниковъ, разговаривая съ мѣстными жителями, узналъ отъ нихъ, что среди населенія Олонецкой губерніи сохраняется въ устной передачѣ богатый кладъ народной поэзіи. Въ этомъ же году зимою онъ рѣшилъ начать собираніе пѣсенъ, и ему удалось записать нѣсколько духовныхъ стиховъ и такъ называемыхъ заплачекъ. Но записываніе Рыбниковымъ образцовъ народной поэзіи шло туго до лѣта 1860 года, когда онъ получилъ оффиціальныя приказъ отправиться по губерніи для статистическихъ работъ. Опытный въ сношеніяхъ съ простымъ народомъ, полный не поддѣльной любви и уваженія къ нему, глубоко заинтересованный собираніемъ образцовъ народного творчества, П. И. Рыбниковъ въ короткое время успѣлъ записать множество неизвѣстныхъ до того времени былинъ, заплачекъ, бытовыхъ пѣсенъ и т. п.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, проѣхавъ по проселкамъ и

¹⁾ Такое не внимательное, чтобы не сказать больше, отношеніе Безсонова къ Петру Васильевичу Кирѣевскому вызвало тогда же негодованіе у нѣкоторыхъ лицъ. Укажемъ, напримѣръ, на статью Якушкина въ «Библіотекѣ для чтенія» за 1868 годъ № 10 С. 108—129.

на лодкѣ по рѣкамъ и озерамъ болѣе 2000 верстъ, онъ имѣлъ уже въ своемъ дорожномъ чемоданѣ весь матеріалъ для перваго тома изданныхъ имъ въ послѣдствіи пѣсенъ. Горя страстнымъ желаніемъ увидать одного сказителя (Бутылку, по ремеслу портного) онъ преслѣдовалъ его изъ деревни въ деревню, въ лютую зиму переѣзжалъ по льду Онежское озеро, подвергался риску утонуть, переправляясь все за нимъ въ дрянной лодкѣ изъ Кижей въ Пудожгорскій погостъ. Слыхавъ еще въ дѣтствѣ многія былины отъ своей няни, Рыбниковъ сохранилъ ихъ въ памяти и, спрашивая сказителей объ интересовавшемъ его предметѣ, не рѣдко самъ декламировалъ былины и, такимъ образомъ, заявляя себя знающимъ старины, внушалъ къ себѣ довѣріе и расположеніе. Записывая былины до полной потери силъ, онъ, въ тоже время, уѣзжая изъ какой нибудь мѣстности, поручалъ кому-нибудь изъ жителей записывать и присылать ему народныя пѣсни. «Нужна была», писалъ онъ о себѣ, «вся моя тяжелая школа, горячая любовь къ народу и отвѣтное расположеніе съ его стороны, чтобы въ короткій срокъ, узнавая чутьемъ мѣстность и людей, собрать такія рѣдкости» ¹⁾. Каждая былина только тогда признавалась имъ годной къ печати, если была повторена однимъ и тѣмъ же сказителемъ нѣсколько разъ ²⁾.

Такъ составилось 4 объемистыхъ тома «Пѣсенъ собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ», которые начали издаваться въ Москвѣ въ 1861 году; послѣдній томъ вышелъ въ 1867 году.

Изданный непосредственно за былинами, собранными П. В. Кирѣевскимъ, сборникъ Рыбникова явился важнымъ дополненіемъ къ нему, давая много интересныхъ вариантовъ къ опубликованному матеріалу и не рѣдко совершенно новыя былины. Поразительное обиліе образцовъ народнаго творчества, собранныхъ въ короткое время въ сравнительно не большомъ районѣ, отсутствіе объясненій способовъ записи, вызвали послѣ выхода въ свѣтъ перваго тома сборника Рыбникова у нѣкоторыхъ даже сомнѣніе въ подлинности этихъ

¹⁾ Письмо къ Бессонову отъ 11-го апр. 61 г. Пѣсни т. 2.

²⁾ Зап. Ак. Н. т. X с. 250. Письмо Полянова о Рыбниковѣ.

пѣсенъ. Письма и замѣтки Рыбникова, приложенныя ко второму и третьему, потомъ устранили эти недоразумѣнія: стало несомнѣннымъ, что весь этотъ огромный запасъ поэтическихъ народныхъ произведеній дѣйствительно существовалъ до сихъ поръ въ устной передачѣ.

Самъ Рыбниковъ стоялъ, по видимому, на мифологической точкѣ зрѣнія на былины, — по крайней мѣрѣ такъ можно судить на основаніи его письма къ К. Аксакову лѣтомъ 1860-го года. «Нечего смущаться» писалъ онъ тутъ между прочимъ, «тѣмъ, что каждый рассказъ приуроченъ ко времени князя Владиміра и къ Кіеву, и что слышны историческія имена татаръ и литвы. Это хотя и не внѣшность, а только форма... Змѣй Горынычъ, Тугаринъ, Змѣевичъ, Идолище поганое стали олицетвореніемъ кочевниковъ: но они прежде соотвѣтствовали Вритрѣ и Агни, а постоянные соперники ихъ — Добрыня и Илья — богамъ освободителямъ облаковъ»¹⁾. Очень жаль, что Рыбникову не удалось написать статьи о былинахъ, о которой онъ помышлялъ еще осенью 1860 года²⁾: глубокій знатокъ народной поэзіи, онъ могъ-бы указать многое такое, что, пожалуй, не скоро удалось замѣтить другимъ изслѣдователямъ. — Редакторомъ почти одновременно печатавшихся сборниковъ былинь, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ и П. Н. Рыбниковымъ, былъ извѣстный издатель произведеній народной словесности П. А. Безсоновъ, впоследствии профессоръ Харьковскаго университета, близко стоявшій къ первымъ славянофиламъ и раздѣлявшій ихъ взгляды и теоріи. По смерти Кирѣевскаго Общество любителей Россійской словесности поручило завѣдываніе изданіемъ оставленныхъ имъ пѣсенъ и другихъ образцовъ народнаго творчества комиссіи, въ которую входили В. И. Даль, К. С. Аксаковъ и П. А. Безсоновъ; но уже послѣ выхода въ свѣтъ перваго выпуска Безсоновъ работалъ одинъ. Первою его задачею съ самаго начала изданія было привести въ порядокъ собранный матеріалъ. Кирѣевскій приготовилъ къ изданію только свадебныя пѣсни да духовныя

¹⁾ Рыбниковъ пѣсни т. 2.

²⁾ Рыбниковъ пѣсни т. 2. письмо къ Д. А. Хомякову.

стихи, остальное-же представляло «кучу съ тысячею листочковъ и сотнею тетрадей большею частью разнородныхъ рукъ» ¹⁾. Вѣрный завѣту Кирѣевскаго о томъ, что бы изданіе былинтъ было пополнено изъ другихъ источниковъ кромѣ его рукописей, для возстановленія полной картины былевой поэзіи русскихъ, Безсоновъ приложилъ къ изданію лѣтописныя свѣдѣнія о богатыряхъ и нѣкоторыя сказки и преданія; въ концѣ помѣщенъ указатель къ изданному былевому матеріалу. Всѣ пѣсни распределены по разрядамъ, въ каждомъ изъ которыхъ систематически размѣщены варианты. Подобнымъ же образомъ, за исключеніемъ указателя, изданъ и сборникъ Рыбникова.

Къ пѣснямъ, собраннымъ Кирѣевскимъ и Рыбниковымъ, приложены занимающія не мало мѣста «Замѣтки» ихъ издателя, въ которыхъ онъ толкуетъ собранный матеріалъ. Въ этихъ замѣткахъ онъ является послѣдователемъ философіи миеолога нѣмца Шеллинга и пытается примѣнить ее къ русскимъ былинамъ, не обращая вниманія на то, что самъ же Шеллингъ призналъ невозможнымъ примѣненіе своей теоріи въ частности къ славянскимъ сказаніямъ, какъ однимъ изъ такихъ, которыя утратили свой первоначальный характеръ и требуютъ возсозданія цѣлыхъ частей по немногимъ скуднымъ остаткамъ.

Коллективная память русскаго народа, сохранившая множество произведеній безыскусственной поэзіи, допустила, по мнѣнію Безсонова, тѣмъ не менѣе огромный пробѣлъ между первыми проблесками народной жизни въ древнѣйшую эпоху и историческимъ періодомъ. Отъ древней еогоніи остались лишь немногіе имена «и то съ признаками старости и ветхости, десятокъ размельчавшихъ божествъ безъ энергической силы, куча существъ демоническихъ и потомъ длинный рядъ героевъ, богатырей-юнаковъ въ образахъ творческихъ, поэтическихъ, но уже принадлежащихъ исторіи положительной» ²⁾. Богатыри — это не болѣе, какъ «туманныя пятна отъ былой жизни миеологической» ³⁾, могущія сами по себѣ очень не

¹⁾ Кирѣевскій Пѣсни, вып. VIII с. 111.

²⁾ Кирѣевскій Пѣсни въ III с. XVI. ³⁾ Кирѣевскій пѣсни въ VIII с. V.

много дать для возстановленія древнѣйшихъ основъ народной жизни. У родственныхъ славянъ интересующихъ насъ данныхъ еще меньше, чѣмъ у русскихъ. Вездѣ въ жизни славянства мы находимъ «огромное разстояніе, почти ничѣмъ для насъ не заполненное, разстояніе отъ Неба и Солнца до Земли, цѣлую разсѣлину, пропасть» ¹⁾. Этотъ пробѣлъ, несомненно отсутствовавшій въ дѣйствительности, по мнѣнію Безсонова, можетъ быть пополненъ только данными языка, къ счастью у насъ достаточно обильными. Чего не дастъ языкъ, то должно быть найдено у другихъ народовъ, которымъ было суждено съ большей полнотой сохранить въ своемъ творчествѣ черты давно прошедшей жизни.

Здѣсь на первомъ планѣ должна быть поставлена греческая миеологія, прошедшая всѣ пути языческаго міросозерцанія и поэтому могущая многое выяснить въ доисторическихъ воззрѣніяхъ русскаго племени.

Такова исходная точка зрѣнія Безсонова на былины, насколько онѣ являются выраженіемъ древнихъ миеическихъ взглядовъ народа. Признавая богатырей только очень слабымъ отраженіемъ древняго миеологическаго міропредставленія и находя въ нихъ, какъ это мы увидимъ ниже, народное осмысленіе реальной исторіи, Безсоновъ, естественно, не долженъ былъ раздѣлять взглядовъ на былины миеологической школы. И дѣйствительно, къ современнымъ миеологамъ Безсоновъ относится въ высшей степени строго и презрительно. Говоря объ ихъ изслѣдованіяхъ, онъ высказываетъ пожеланіе, чтобы «миеологія не превращалась въ пресловутое чаромутіе, зори были бы дѣйствительно для взора ясныя, калиновые мосты подъ изслѣдователями не подламывались; чтобы кромѣ огня, свѣта, тепла, холода, лѣта, зимы и тому подобныхъ весьма важныхъ и любопытныхъ явленій не забывали въ древнихъ воззрѣніяхъ и еще неменѣе любопытной стороны — истины» ²⁾. «Стоить только чихнуть отъ насморка, или промолвиться любой старушкѣ, чтобы этимъ изслѣдователямъ создать уже новое рус-

¹⁾ Кирѣевскій Пѣсни въ 4 с. LXVII. ²⁾ Рыбниковъ Пѣсни т. I. зам. с. VI.

ское божество отдаленной мифической эпохи, со всѣми атрибутами грознаго явленія, ввести его въ антагонизмъ съ христианствомъ и съ любопытствомъ слѣдить за перипетіями отчаянной борьбы»¹⁾. Самъ Безсоновъ не особенно часто обращается къ мифологіи, такъ какъ, по его мнѣнію, даже старшіе богатыри не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что можно было бы назвать мифологіей въ строгомъ смыслѣ²⁾. За то аллегорическія толкованія у Безсонова на каждомъ шагу, не смотря на то, что иносказаніе совершенно непрѣмѣнно къ безыскусственному народному эпосу. Такъ, Микула Селяниновичъ есть «живой представитель земли, земщины, селянинъ и сынъ селянина, оратай пахарь, крестьянинъ»³⁾, а Ванька вдовкинъ сынъ, прячущійся отъ грознаго царя Волшана за «единный вязъ», обозначаетъ въ конечной цѣли обращеніе къ средоточію человѣческаго духа, и пройти сюда предстоитъ много трудными путями и переходами, въ началѣ же приходится прятаться даже въ камень, куда уходитъ сила духа отъ древняго стихійскаго божества, какъ въ кремень искра»⁴⁾. Широкое примѣненіе въ «замѣткахъ» аллегоріи вытекаетъ изъ сущности взгляда Безсонова на русскій богатырскій эпосъ. Былины, по его мнѣнію, отражаютъ въ себѣ всю русскую исторію, но не фактическую ея сторону, а, такъ сказать, внутреннюю, духовную. «Исторія, повѣствуемая въ народномъ творествѣ, есть исторія—внутри народнаго сознанія; былъ его событіе жизни внутренней; былина—повѣсть о семъ событіи, выносимая на свѣтъ Божій и облегченная словомъ творческимъ»⁵⁾. Впослѣдствіи только былины проникаютъ ходомъ дѣйствительной исторіи и мало по малу обращаются въ историческія пѣсни. Если былины въ своей первоначальной основѣ передаютъ только смыслъ исторіи русскаго народа, то, для отысканія этого смысла, философіи исторіи необходимо прибѣгнуть къ символическимъ объясненіямъ.

¹⁾ Кирѣевскій Пѣсни въ 4 с. ХСVII. ²⁾ Ср. Рыбниковъ Пѣсни т. I с. ХХIII.

³⁾ Рыбниковъ Пѣсни I с. XV. ⁴⁾ Кирѣевскій, Пѣсни в. 3 с. ХVII.

⁵⁾ Кирѣевскій Пѣсни в. 8 с. V.

Таковъ, въ общемъ, взглядъ Безсонова на русскую былевую поэзію.

Но упрекая современныхъ миеологовъ въ голословности выводовъ, самъ Безсоновъ очень часто грѣшилъ тѣмъ-же самымъ. Объясненіе пробѣловъ русской миеологіи съ помощью греческаго Олимпа трудно признать справедливымъ, такъ какъ греческій религіозный культъ росъ и развивался наряду съ успѣхами цивилизации, между тѣмъ какъ славянскій создавался въ эпоху дѣтства народовъ: такимъ образомъ къ сравненію привлекаются сами по себѣ не соизмѣримыя вещи. Не говоря объ иносказательныхъ толкованіяхъ богатырскихъ личностей и подвиговъ, лингвистическіе выводы Безсонова поражаютъ своею искусственностью и произвольностью. Въ его филологическихъ разысканіяхъ не рѣдкость встрѣтить такія «истины» какъ сближеніе словъ «быкъ» и «быть», «сестра» и «страна» и т. п. Былевой Чурила оказывается роднымъ братомъ Гермесу, что наиболѣе всего слѣдуетъ изъ родства ихъ именъ: Чурила, чуръ -- то-же самое, что куръ, щур, шур, сур, отсюда уже не далеко до корня 'Ер, такъ какъ *г* есть придыханіе, какъ дигамма, равносильное *С'*¹⁾. Мы уже сказали, что Безсоновъ очень не охотно прибѣгаетъ къ миеологическимъ объясненіямъ. Употребивъ довольно много мѣста на выясненіе тождества Чурилы и Гермеса, онъ спѣшитъ оговориться, что Чурила ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть принимаемъ за миеическій образъ. Это самое живое существо, богатырь самый образный, весь плоть, безъ рефлексіи, лишь въ очертоніяхъ народнаго творчества... Самый образъ не есть миеъ, а образъ творческій, поэтическій, съ жизнью тогдашней поры, въ обстановкѣ всего тогдашняго порядка вещей²⁾. Какъ и Буслаевъ въ первое время, Безсоновъ бралъ былинный матеріалъ безъ предварительной критики и въ слѣдствіе этого признавалъ не рѣдко самобытнымъ и русскимъ то, что при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывалось или заимствованнымъ, или обще-арій-ашмъ. Таково напр., его толкованіе Бовы и

¹⁾ Сравни. Кирѣевскій. Пѣсни в. 4 с. LX, LXXV.

²⁾ Кирѣевскій. Пѣсни в. 4. с. XCV.

Полкана, какъ лицъ чисто русскихъ. Вообще всѣ объясненія Безсонова посятъ въ сильной степени отпечатокъ искусственности и не рѣдко поражаютъ читателя грубыми натяжками (напр.: классическое отождествленіе Таракана съ Геракломъ) и отсутствіемъ достаточныхъ основаній. Наконецъ, въ «замѣткахъ» Безсонова замѣчается рѣзкое противорѣчіе и въ самомъ объясненіи былинь: признавая не рѣдко въ нѣкоторыхъ былинахъ реально историческое изображеніе, онъ въ то-же время очень часто примѣняетъ къ нимъ символическое толкованіе. Отсутствие одной строго опредѣленной точки зрѣнія, тяжелый языкъ со странными оборотами фразъ¹⁾, длинные періоды, обиліе славянизмовъ и рѣдко употребительныхъ словъ, отсутствіе во многихъ случаяхъ системы и связи въ изложеніи, наконецъ, неясность символовъ и аллегорій — все это дѣлаетъ «замѣтки» Безсонова тяжелыми для чтенія и неудобопонятными. Одинъ изъ современныхъ ученыхъ, послѣ выхода въ свѣтъ первыхъ выпусковъ пѣсенъ Кирѣвскаго съ объясненіями Безсонова, прямо заявилъ, что отъ этихъ послѣднихъ нѣтъ ни какого проку для науки²⁾, а Буслаевъ только удивлялся, «какъ цѣлое общество любителей Россійской Словесности столько увлеклось оригинальными комментаріями на философію міеологіи, добытыми г. Безсоновымъ, что разрѣшило господину издателю присовокупить эти комментаріи къ драгоцѣннымъ матеріаламъ народнаго эпоса»³⁾.

¹⁾ Укажемъ кромѣ приведенныхъ, хотя бы слѣдующее мѣсто по поводу отношенія сказки къ былинѣ: «Съ окончаніемъ для вѣросозданія путей стихійныхъ, черезъ посредство разныхъ видовъ бытія отъ природы неорганической до органической и высшей, начинается развитіе внутренняго человѣческаго духа, обрѣтающаго свое средоточіе, мѣру, цѣль и цѣлостъ: близо запечатлѣніе духа христіанствомъ. Въ положеніи внѣшнемъ, за пройденнымъ путемъ племенного броженія и кочевья, выдѣляется народъ съ началами и основами своей народности: для русскаго человѣка созданъ миръ — народовъ, форма его бытія политическаго со значеніемъ земли и земщины, дружины, мирасходки и т. д. (Кирѣвскій Пѣсни выпускъ III, «замѣтки» Безсонова С. XXI).

²⁾ Котляревскій. Старина и народность за 1861 годъ.

³⁾ Русскій вѣстникъ 62 г. 10. Пр. Сумцовъ выражается о Безсоновѣ въ томъ смыслѣ, что онъ своими фантастическими доводами навсегда отбилъ у ученыхъ охоту искать чего-нибудь дѣльнаго въ его примѣчаніяхъ къ былинамъ. Справ. К. Стар. 85 г. июль: «Опытъ объясненія малорусск. пѣсни о Журигѣ».

Въ 1869 году, въ видѣ докторской диссертациі, появился капитальнѣйшій трудъ о русскомъ былевомъ эпосѣ, подъ заглавіемъ: «Илья Муромецъ и богатырство кіевское. Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ русскаго эпоса», принадлежавшій перу пр. О. Θ. Миллера.¹⁾ Книга Миллера, представляющая собою объемистый томъ въ 800 слишкомъ страницъ, явилась сводомъ всего, сдѣланнаго до тѣхъ поръ по изученію нашихъ былинъ. Громадная начитанность автора въ произведеніяхъ народной словесности, какъ русской, такъ и иностранной, солидное знакомство со всѣми относящимся къ ней научными трудами, умѣніе разобраться во множествѣ неясностей и противорѣчій, тонкое художественное чутье и глубокая любовь къ изучаемому предмету ставятъ высоко изслѣдованіе О. Миллера въ сравненіи съ предшествовавшими трудами по былевому эпосу.

Явившись плодомъ усердной работы талантливаго ученаго, поддерживаемаго горячей любовью къ русскому народу, «Илья Муромецъ» далеко оставляетъ за собою все, написанное объ этомъ предметѣ въ предшествовавшіе годы и до сего времени является одной изъ лучшихъ книгъ о кіевскихъ богатыряхъ. Русский по характеру и воспитанію, покойный Орестъ Теоодоровичъ Миллеръ первые годы своей научной дѣятельности посвятилъ изученію западно-европейской литературы. «Занятія народной словесностью представлялись мнѣ тогда», пишетъ онъ²⁾, «до того отрѣшенными отъ всякихъ живыхъ вопросовъ, что не было никакой охоты отказываться отъ Данта или Мольера для какихъ—то «ископаемыхъ» пѣсенъ простонародья». Но познакомившись по сборнику Кирѣевскаго съ русскими былевыми пѣснями, Миллеръ со всѣмъ жаромъ неофита набросился на изученіе этихъ драгоценныхъ памятниковъ народного творчества. «Я почувствовалъ, что предо мною открывается

¹⁾ Въ 1865 году въ «Опытѣ историческаго обозрѣнія русской словесности» О. Миллеръ примѣнилъ мнѣологическую теорію къ объясненію русскаго былеваго эпоса. Эти же взгляды впоследствии были развиты со значительными дополненіями въ славянофильскомъ духѣ въ «Ильѣ Муромцѣ».

²⁾ Илья Муромецъ. Предисловіе, с. II.

совершенно для меня новый и мною нечаянный міръ»¹⁾. И понять этотъ міръ стало теперь первою задачею О. Миллера. Занявшись, главнымъ образомъ, любимымъ народнымъ богатыремъ, О. Миллеръ въ скоромъ времени началъ писать о немъ изслѣдованіе, вошедшее въ послѣдствіи въ первую часть его докторской диссертациі. По вскорѣ авторъ рѣшилъ расширить свой трудъ и ввести въ него весь русскій былевой эпосъ, подвергнувъ тщательному изученію всѣ извѣстные пересказы былинь. Такимъ образомъ, возникло это изслѣдованіе, центромъ котораго является Илья Муромецъ, главнѣйшій богатырь русскихъ эпическихъ сказаній. О. Миллеру первому принадлежитъ заслуга подвергнуть критическому пересмотру различные варианты однѣхъ и тѣхъ-же былевыхъ пѣсенъ. «Внимательно сличить между собою различные пересказы былинь и провѣрить ихъ связью съ другими отраслями народной словесности» говоритъ онъ: «было первою моею задачею, тѣмъ болѣе для меня важною, что до сихъ поръ еще въ полномъ смыслѣ никто за нее не брался»²⁾. Эта цѣль неуклонно преслѣдуется авторомъ на протяженіи всего его огромнаго труда. Каждый былинный мотивъ разсматривается по всѣмъ извѣстнымъ вариантамъ, отмѣчаются лучшіе изъ нихъ, указываются испорченныя позднѣйшими вставками и измѣненіями. О. Миллеръ, по его собственнымъ словамъ, «выставилъ каждую былинку передъ читателемъ во всемъ сложномъ ея составѣ съ тѣмъ, чтобы давать ему усматривать въ этомъ составѣ тѣ разновременныя части, которыя одна послѣ другой и даже одна передъ другой въ немъ скрываются»³⁾. Благодаря такому приему, О. Миллеру удалось, въ большинствѣ случаевъ, открыть изъ подъ массы наслоеній древнѣйшую основу нашего былеваго эпоса. Не менѣе важно въ диссертациі Миллера широкое примѣненіе сравнительнаго метода, такъ блестяще разработаннаго западно-европейскими учеными. Къ сопоставленію съ русскими былинами привлекаются сказанія

¹⁾ Илья Муромецъ. Посвященіе с. I.

²⁾ Введеніе ст. VП.

³⁾ Илья Муромецъ с. 804.

разныхъ индо-европейскихъ народностей. Стараясь какъ можно рельефнѣе отмѣтить «все историческое своеобразие нашего эпоса»¹⁾, авторъ особенно подробно останавливается на сравненіи былины съ эпосомъ германскихъ народовъ, подробные экскурсы въ который не разъ въ трудѣ занимаютъ по нѣскольку десятковъ страницъ. Но сравненіе этимъ не ограничивается: О. Миллеръ сближаетъ былины съ поэзіей романскихъ народовъ и родственныхъ славянскихъ племенъ, указываетъ параллели къ нимъ въ восточныхъ сказаніяхъ, въ русскихъ сказкахъ, загадкахъ и различныхъ мѣстныхъ преданіяхъ. Однако онъ не удовлетворяется вполне этимъ огромнымъ полемъ для сравненій. По его мнѣнію, «рѣшеніе многихъ запутанныхъ и сложныхъ вопросовъ по народному эпосу возможно лишь для ученаго или, вѣрнѣе сказать, для совмѣстныхъ и дружныхъ усилій многихъ ученыхъ, владѣющихъ въ равной мѣрѣ языкомъ старой Эдды, Авесты и Ведъ — съ одной стороны, а съ другой—даже различными языками не арійскаго корня, такъ какъ эпосъ народный заставляетъ расширять кругъ сравненій по лицу всей земли»²⁾. Не смотря на такую широкую постановку вопроса, авторъ почти вездѣ при своихъ сравненіяхъ прибѣгаетъ къ первоисточникамъ. Исключеніе представляетъ эпосъ восточныхъ народовъ, которымъ авторъ пользовался при помощи переводовъ, и лингвистическій матеріалъ, заимствованный имъ изъ вторыхъ рукъ.

Исходной точкой для О. Миллера послужилъ Илья Муромецъ, раскрыть народное значеніе котораго составило главную задачу его труда³⁾. Одновременно съ этимъ онъ старается доказать, что русскій былевой эпосъ, не смотря на все кажущееся разнообразіе, на множество наслоеній и искаженій, все-же сохранилъ на протяженіи многихъ вѣковъ свой своеобразный колоритъ и извѣстнаго рода цѣлостность. Рассмотрѣвъ эпизодъ о боѣ Ильи съ сыномъ въ связи съ аналогичными сказаніями у другихъ народовъ и указавъ особенность

¹⁾ Вступительная рѣчь О. Миллера передъ дисп. Заря 70 г. № 2

²⁾ Илья Муромецъ. Предисловіе с. 3.

³⁾ Илья Муромецъ. с. 361 прим.

русского извода этой саги, О. Миллеръ переходитъ ко встрѣчѣ Ильи со Святогоромъ, что даетъ ему поводъ изслѣдовать былины объ этомъ послѣднемъ по другихъ старшихъ богатыряхъ. Приѣздъ Ильи въ Кіевъ вызываетъ изслѣдованіе эпического Владиміра съ его богатырской дружиной и разборъ былинь о младшихъ богатыряхъ и ихъ отношеній къ Ильѣ Муромцу. Все изслѣдованіе, такимъ образомъ, сосредоточено на богатыряхъ Кіевского цикла. Новгородскія былины, въ которыхъ авторъ видитъ германское вліяніе, привлекаются только для сравненія или, скорѣе, противоположенія. Диссертация заканчивается заключеніемъ, рассматривающимъ Кіевскій эпосъ, какъ своеобразное цѣлое. Въ концѣ книги приложенъ указатель именъ, значительно облегчающій пользованіе ею.

Чтобы выяснитъ древнія воззрѣнія, лежащія въ основѣ нашей былевой поэзіи, О. Миллеръ прилагаетъ къ ней миеологическую точку зрѣнія, такъ называемую миеологию природы¹⁾.

«Если вникнуть въ основу большей части сказаній эпическихъ, то въ ней непремѣнно должны оказаться три существа, почти столь-же тутъ необходимыя, какъ для предложенія необходимы три его составныя части. Какъ въ предложеніи можетъ ихъ быть и болѣе, могутъ быть и части второстепенныя, — такъ возможны онѣ и въ сказаніи, но существенными являются всегда три: а) свѣтлое существо, ополчающееся противъ темнаго, б) темное существо, которое, какія-бы тутъ ни представлялись колебанія счастья, въ концѣ концовъ непремѣнно должно быть побѣждено, с) существо, изъ за котораго и дѣлается нападеніе на злую силу, существо ею плѣненное, свѣтлое и освобождаемое отъ нея первою свѣтлою силою... Основа нашихъ былинь можетъ быть приведена къ одному знаменателю съ цѣлымъ множествомъ общегарійскихъ миеовъ»²⁾. Но онъ не ограничивается одной миеологіей въ опредѣленіи основы и сущности богатырей. Наряду съ миеами, послужившими фундаментомъ богатырскихъ

¹⁾ Въ своихъ миеологическихъ изысканіяхъ О. Миллеръ руководствовался взглядами Куна, Шварца, Маингардта (перваго направленія) и Макса Мюллера.

²⁾ с. 274—275.

образовъ, не малое вліяніе на развитіе этихъ послѣднихъ имѣли также различныя историческія событія, народный бытъ и культура, которые не рѣдко такъ сильно срослись съ первоначальнымъ зерномъ былинъ, что ихъ сразу бываетъ трудно выдѣлить¹⁾. Поэтому-то, въ «Ильѣ Муромцѣ» на ряду съ миеологической основой русскаго эпоса отмѣчены черты историческія и бытовые, различныя наслоенія, легшія въ теченіе многихъ вѣковъ на первоначальную миеическую основу. Такимъ образомъ, трудъ О. Миллера изслѣдуетъ подробно и слоевой составъ русскаго богатырскаго эпоса, — вопросъ, который предшествовавшія работы по былевой поэзіи трактуютъ въ самыхъ общихъ чертахъ²⁾. При всемъ этомъ разнообразіи въ составѣ русскихъ былинъ, О. Миллеръ, какъ мы уже указали, видитъ въ нихъ «основную совокупность и цѣльность»³⁾.

Приведемъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ мѣстъ изъ книги О. Миллера, иллюстрирующихъ его указанные выше взгляды на былины. Разсмотрѣвъ былины о Святогорѣ и объ исцѣленіи Ильи Муромца, О. Миллеръ дѣлаетъ слѣдующій выводъ о значеніи старшихъ и младшихъ богатырей:

«Временемъ богатырей старшихъ... въ нашей народной миеологіи обозначалась та пора года, когда господствуютъ сплошныя, охватившія цѣлое небо, холодныя зимнія тучи, неподвижно лежащія, какъ гора; или-же когда разрушительныя силы хранимаго ими холода обращаетъ всю землю какъ бы въ подобіе того хрустальнаго ларца, изъ котораго выходитъ жена Святогора». Только впоследствии, когда явилась увѣренность, что начало свѣта всегда одержитъ верхъ и опять появится на небосклонѣ, «наступила въ миеологіи пора перевѣшивающаго значенія божествъ свѣтлыхъ, пора позднѣйшая, младшая, вслѣдствіе него младшими-же становились и отно-

¹⁾ срав. ст. 279.

²⁾ Напр. Вуслаевъ въ «Русскомъ богатырскомъ эпосѣ» (Р. В. 63 ч.—3, 9, 10). Въ заключеніи онъ говоритъ, что ему «надобно было р спутать противорѣчія вариантовъ и одинъ вариантъ дополнять другимъ, отмѣчая первоначальное отъ позднѣйшей примѣси».

³⁾ с. 168. «Илья Муромецъ».

сящіяся къ этой порѣ божества. Вотъ они-то... и скрываются въ позднѣйшемъ образѣ богатырей младшихъ» ¹⁾).

Въ эпизодѣ боя отца съ сыномъ, извѣстномъ эпической поэзіи многихъ народовъ, нужно видѣть не что иное, какъ миеологическую основу неба съ тучами и молніей. Отецъ, въ русскомъ изводѣ сказанія — Илья Муромецъ, «долженъ тутъ приниматься еще въ древнѣйшемъ широкомъ значеніи неба. Молніеносецъ - громовникъ, порожденный имъ отъ союза съ тучей, посягаетъ на своего отца, застилая его цѣлымъ множествомъ сопряженныхъ съ грозой тучъ. Но небо-отецъ оказывается могучѣе: противъ молній своего сына высылаетъ онъ свои молніи; душные тучи, нагроможденные сыномъ, онъ или разсѣкаетъ, разбиваетъ на -полы или въ корни и снова является во всемъ блескѣ яркимъ безоблачнымъ небомъ» ²⁾. Вообще-же должно замѣнить, что «изъ одной и тойже (миеологической) основы вырабатывались съ теченіемъ времени различныя лица; каждое шло своимъ особымъ путемъ развитія, подвергаясь одно менѣе, другое болѣе бытовымъ и историческимъ наслоеніямъ разнаго рода, вслѣдствіе которыхъ различіе, разумѣется, все усиливалось» ³⁾.

Такъ одна и таже основа бога-громовника можетъ быть усмотрѣна въ Ильѣ Муромцѣ, Потокѣ и, до нѣкоторой степени, въ Дунаѣ, не смотря на все кажущееся различіе этихъ богатырей и ихъ приключеній ⁴⁾. Подобнымъ же образомъ, Добрыня и Князь Владиміръ выходятъ оба къ божеству солнечному, въ чемъ заключается и миеическое основаніе для ихъ родства» ⁵⁾. Не только богатыри, но и враги ихъ, которые тогда, вслѣдствіе позднѣйшихъ наслоеній, превратились въ олицетвореніе извѣстныхъ историческихъ непріятелей русскаго народа, должны быть возведены къ миеу. Такъ, Идолище, это, по видимому, олицетвореніе язычества, имѣетъ свою миеологическую основу «черную тучу, застилавшую ясное солнце Князя Владиміра» ⁶⁾. Борьба его съ Ильей хранить

¹⁾ Илья Муромецъ с. 186.

²⁾ ib. ст. 544. ³⁾ ib. с. 392. ⁴⁾ срав. ibid. ⁵⁾ срав. б. с. 433.

⁶⁾ Илья Муромецъ. с. 761.

въ себѣ тотъ-же смыслъ, что и столкновеніе этого послѣдняго съ Соловьемъ-разбойникомъ, служащимъ олицетвореніемъ «договорременно гнѣздящихся на небѣ темныхъ тучъ» ¹⁾).

Но миеическая основа былинъ нигдѣ не сохранилась въ своей первобытной чистотѣ и повсюду получила различнаго рода наслоенія. Въ былинахъ объ Ильѣ и Соловьѣ — разбойникѣ, не смотря на то, что онѣ болѣе другихъ сохранили миеологическій характеръ, замѣтны многія позднѣйшія черты бытовые и нравственные, успѣвшія уже слиться въ одно цѣлое съ миеологіей. Таково «молодецкое исканіе прямого пути, хотя онъ и самый опасный, твердая рѣшимость при этомъ не обнажать оружія, не кровавить рукъ по пути, глубокое человѣческое отвращеніе къ звѣриному образу жизни и хищнической природѣ Соловья-разбойника, отсутствіе сребролюбія, выражающееся отказомъ отъ выкупа», и т. п. ²⁾). Въ былинахъ о боѣ Ильи съ сыномъ, при всей ихъ древней основѣ, видна «печать различныхъ временъ». Въ вариантахъ со счастливымъ исходомъ «видѣнъ уже рѣшительно бытовой характеръ, а быть, о которомъ мы можемъ судить по этимъ былинамъ, отличается значительною смягченностью» ³⁾). «Местъ, которою проникается въ нашихъ былинахъ Сокольникъ, глубоко чувствующій позоръ своего рожденія за угломъ, составляетъ у насъ наслоеніе, уже несравненно позднѣйшее и исключительно бытовое. Имъ указывается прямо и исключительно на разившееся въ жизни понятіе о женской независимости и чести» ⁴⁾). Наконецъ, и историческія событія и эпохи оставили свою окраску на былевомъ творествѣ. Понятіе о единой Руси, о святорусскихъ богатыряхъ «едвали могло сказаться въ эпосѣ ранѣе суздальскаго періода, внѣшними слѣдами котораго въ немъ остались и нѣкоторыя названія мѣстностей и прозваніе Владиміра, впрочемъ, въ крайне немногихъ случаяхъ, не только Кіевскимъ, но и славно-владимірскимъ княземъ» ⁵⁾). Проявленіе жестокости въ любимомъ народномъ богатырѣ и ссора его съ Владиміромъ также должны быть объяснены

¹⁾ Ы. с. 277. ²⁾ Іб. с. 279. ³⁾ Ильи Муромецъ с. 53. ⁴⁾ Іб. с. 514.

⁵⁾ Іб. с. 809.

«позднѣйшею, исторически вынужденною ожесточенностью народа» ¹⁾), временемъ «общаго осуровленія власти въ періодъ московскій» ²⁾).

Но какъ ни разнообразенъ составъ русскаго былевого эпоса, въ немъ замѣчается единство «внѣшнее — мѣста и времени... и внутреннее — содержанія, мысли, главнымъ образомъ выразившееся въ слагавшемся въ теченіе вѣковъ, но все-же въ одномъ направленіи, идеальномъ образѣ Ильи Миромца» ³⁾). Этотъ богатырь въ высокой степени проникнутъ духомъ общины ⁴⁾). «Имя стоятъ за себя передъ Владиміромъ, онъ собственно только стоитъ за народную честь и народное право. Когда-же Владиміръ въ бѣдѣ, онъ все забываетъ, потому что бѣда эта есть и бѣда для сиротъ и вдовъ. Ради ихъ, только ихъ, онъ безгласно вступаетъ опять въ свою богатырскую службу, такъ плохо цѣнимую княземъ, даже не ради церквей и монастырей, а они вѣдь сулили награду на небѣ... Только сознаніе народной бѣды управляетъ Ильей, не имущимъ никакой подачи. Весь онъ — служебная сила въ свободномъ безкорыстномъ значеніи этого слова» ⁵⁾).

Сличеніе нашихъ былинъ съ эпосомъ другихъ народовъ приводитъ къ убѣжденію, что, не смотря на общность многихъ эпическихъ чертъ и приемовъ, наши богатырскія пѣсни сохранили свой совершенно особенный своеобразный колоритъ, заключающійся въ необыкновенной сравнительно съ другими народностями гуманности и любви къ свободѣ нашего эпоса, а также въ полномъ отсутствіи въ немъ рокового начала. Такой характеръ нашихъ былинъ объясняется благопріятными историческими условіями древнѣйшаго періода нашей исторіи, отсутствіемъ завоевательнаго начала. Отсутствіе при началѣ исторической жизни насилуемаго и насильствующаго классовъ дало возможность развиться въ русскомъ народѣ человечности и общинному духу, которые, при всей исконной грубости богатырства, рѣзко бросаются въ глаза въ нашихъ былинахъ. Что касается до мѣста и времени возникновенія русскихъ

¹⁾ ib. с. 804. ²⁾ ib. с. 811. ³⁾ Илья Мур. с. 815. ⁴⁾ ib. с. 805.

⁵⁾ ib. с. 684—85.

былевыхъ сказаній Кіевского цикла, то О. Миллеръ склоненъ видѣть его въ Кіевской Руси въ эпоху первенства этого края. «Сложившись около Кіева, эпосъ вмѣстѣ съ движеніемъ исторической жизни былъ, надо думать, перенесенъ въ Русь Суздальскую .. Но въ Суздальскій періодъ нашей исторіи могло совершиться слѣніе и объединеніе двухъ и даже болѣе, чѣмъ двухъ мѣстныхъ былевыхъ круговъ, и вотъ тутъ-то долженъ былъ получить дальнѣйшее свое историческое развитіе и самый образъ Ильи, какъ богатыря Святोरускаго¹⁾»).

Основная точка зрѣнія О. Миллера на русскій богатырскій эпосъ, какъ было сказано выше, мифологическая со значительною примѣсью славянофильскихъ тенденцій. Вездѣ для выясненія первичной основы сказаній авторъ прибѣгаетъ къ мифологіи природы, сводящейся, въ общемъ, къ борьбѣ двухъ существъ, темнаго и свѣтлаго за третье. Эта теорія очень проста, и при помощи ея можно объяснить весьма многія эпическія несообразности и даже безсмыслицы. Насколько она растяжима и неопредѣленна, можно видѣть изъ того, что такіе различные богатырскіе образы, какъ Илья Муромецъ, Потокъ и Дунай оказываются по своей сущности тождественными.

Но именно, благодаря этой простотѣ и общности²⁾, она съ большою осторожностью должна быть примѣнима къ такимъ произведеніямъ народнаго творчества, какъ былины, въ которыхъ мифическая основа, если она въ тѣхъ случаяхъ и дѣй-

¹⁾ Илья Муромецъ с. 806—810.

²⁾ Одинъ шутникъ, англичанинъ, полемизируя съ М. Мюллеромъ, блистательно доказалъ при помощи этой теоріи, что его противникъ не есть профессоръ въ оксфордскомъ университетѣ, а божество солнца (Пѣснь о Нибелунгахъ. Перев. Кудряшева с. 129)

Тейлоръ (Первоб. Культ. т. I. с. 292—4) то же предостерегаетъ отъ увлеченія мифологіей природы, къ которой при желаніи можно свести рѣшительно все, хотя-бы даже и Юлія Цезаря отождествить съ солнцемъ. «Въ какую-бы онъ страну ни являлся, онъ приходитъ, видитъ и побѣждаетъ; онъ покидаетъ Клеопатру, устанавливаетъ солнечный годъ и умираетъ отъ руки Брута, подобно Зигфриду въ пѣснѣ о Нибелунгахъ, умирающему отъ руки Гагена, и, падая подъ множествомъ ударовъ, обогранный кровью, онъ завертывается въ тогу, чтобы умереть во тьмѣ».

ствительно существовала, бываетъ не только заслонена, но не рѣдко и совершенно сглажена позднѣйшими историческими бытовыми наслоеніями. Увлечшись черезчуръ общей и эластичной теоріей борьбы двухъ элементовъ изъ за третьяго, О. Миллеръ видѣлъ въ былинахъ миѳическія черты тамъ, гдѣ онѣ, весьма возможно, вовсе не существовали. Такъ, нѣкоторыя черты Соловья-разбойника весьма легко объясняются образомъ жизни и привычками бортниковъ¹⁾, населявшихъ лѣса, чрезъ которые пришлось ѣхать Муромцу. Мосты, дѣлаемые Ильею, скорѣе всего могутъ обозначать не радугу (по объясненію О. Миллера), а дѣйствительныя мостовыя изъ бревенъ, устраиваемыя для прямоѣзжей дороги и являвшіяся существенной необходимостью древняго быта русскаго народа. Подобнымъ-же образомъ, былинные эпизоды о перевозчицахъ могли имѣть въ основаніи дѣйствительные факты о переправахъ черезъ рѣки, существованіе которыхъ засвидѣтельствовано памятниками письменности. Былины о рѣкахъ, возможно всего, имѣютъ миѳологическое основаніе. Тѣмъ не менѣе, миѳы о нихъ очень рано, вѣроятно, еще въ общеславянскую эпоху, были прикрѣплены къ извѣстнымъ мѣстностямъ, между тѣмъ, О. Миллеръ объясняетъ эти былины небесными рѣками, дождемъ. Относительно «цѣльности» русскаго былевого эпоса критика возразила Миллеру, что богатырскія пѣсни являются только частью болѣе обширнаго цѣлаго, куда должны войти лѣтописныя преданія, сказки, житія святыхъ, мѣстныя преданія, и т. д., съ которыми былевая поэзія находится въ тѣсной связи. Но разъ существуетъ такая связь, то и самое названіе былевого эпоса «простонароднымъ» окажется несправедливымъ: былины, какъ и весь эпосъ въ широкомъ смыслѣ слова, не простонародны, а народны²⁾. Наиболѣе значительнымъ

¹⁾ Бортники занимались добычаньемъ воска и меду и торговлей ими.

²⁾ Въ послѣдствіи О. Миллеръ не принялъ этого возраженія Буслаева. Называя въ своемъ рефератѣ на III-емъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ «о былинахъ и малорусскихъ думахъ» русскій былевой эпосъ простонароднымъ, онъ говоритъ: «Этотъ мой взглядъ не правъ, между прочимъ, Буслаеву, но пока онъ, какъ и другіе мои бытовые выводы, отрицаются голословно безъ внимательнаго разбора тѣхъ данныхъ, на которыхъ они у меня опираются, я буду въ правѣ считать мой взглядъ неопровергнутымъ». (Труды III арх. съѣзда т. II с. 300.).

пробѣломъ въ трудѣ О. Миллера, даже съ миеологической точки зрѣнія, должно быть признано отсутствіе во многихъ случаяхъ указаній на постепенное историческое приуроченіе различныхъ миеовъ. Вѣдь если отличительною чертою русскаго былевого эпоса является его своеобразие и цѣльность, какъ внѣшняя, такъ и внутренняя, то эти свойства могли развиться только подѣ вліяніемъ исторіи, притянувшей въ свою обстановку древнія сказанія о божествахъ. Надобно было болѣе ясно и подробно выставить различные слои, которые проходило сказаніе, напр., объ Ильѣ Муромцѣ, прежде чѣмъ этотъ богатырь изъ бога—громовника обратился въ оберегателя Русской земли со всѣми его симпатичными нравственными качествами. Вообще, замѣчательнѣйшему во многихъ отношеніяхъ труду О. Миллера о былинахъ много повредила его предвзятая узко-миеологическая точка зрѣнія на нихъ съ одной стороны и славяно-фильскія тенденціи съ другой. Увлеченіе миеологіей побуждало игнорировать иной разъ ясно видимыя историко-бытовые черты, а идеи славянофильства не позволили допустить въ русскомъ богатырскомъ эпосѣ факта заимствованія.

Таковы, въ общемъ, тѣ возраженія, или, скорѣе поправки и дополненія, которыя были сдѣланы современной критикой вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ «Ильи Муромца» О. Миллера. Съ точки зрѣнія современнаго намъ направленія въ изученіи русской былевой поэзіи, его книга, при всѣхъ указанныхъ недостаткахъ, грѣшитъ еще отсутствіемъ указаній на существованіе въ богатырскихъ пѣсняхъ бредячихъ сюжетовъ книжнаго характера, проникшихъ на Русь изъ Византіи, Азіатскаго востока и запада Европы. Но въ шестидесятыхъ годахъ вопросъ о книжномъ элементѣ въ былинахъ еще не былъ выдвинутъ въ наукѣ; что-же касается до современнаго положенія вопроса объ эпосѣ, то О. Миллеръ, можно сказать, въ докторской диссертациі примѣнилъ во всей широтѣ все то, что было сдѣлано до него для объясненія происхожденія и сущности богатырскихъ образцовъ. Его книга, при всѣхъ ея оригинальныхъ особенностяхъ, какъ мы уже упоминали, является

еще и сводомъ всего существеннаго, сдѣланнаго въ наукѣ до 70-хъ годовъ по изученію нашей былевой поэзіи, и надолго останется однимъ изъ первыхъ трудовъ, по которымъ придется начинать изученіе былины.

«Илья Муромецъ и богатырство Кіевское» О. Миллера явился лучшимъ выраженіемъ взглядовъ нашихъ миеологовъ на богатырей и былины. Достигшая высшаго своего развитія въ докторской диссертациі О. Миллера миеологическая теорія русскаго эпоса какъ-то сама собою мало-по-малу прекратила свое существованіе. Въ статьѣ о богатыряхъ въ «Исторіи русской словесности древней и новой» Галахова (изданіе 2-е 1880 г.) самъ О. Миллеръ значительно отступаетъ отъ своихъ взглядовъ, проведенныхъ въ «Ильѣ Муромцѣ». Признавая вполнѣ справедливымъ замѣчаніе Буслаева объ отсутствіи въ «Ильѣ Муромцѣ» въ достаточной степени указаній на при-врѣпленіе былевого эпоса къ русскому быту и исторіи¹⁾, онъ обратилъ свое вниманіе теперь именно на эту часть вопроса. Замѣтивъ въ немногихъ словахъ о томъ, что въ основѣ многихъ былинь лежитъ мие²⁾, онъ воздерживается отъ дальнѣйшаго развитія этой мысли, предпочитая отмѣчать историческіе отголоски въ былинахъ, чѣмъ указывать ихъ древнѣйшую основу въ космогоническихъ представленіяхъ. Даже въ былинахъ о Дунаѣ, гдѣ онъ раньше не колеблясь указывалъ основной миеологическій элементъ, теперь онъ скорѣе склоненъ видѣть, до нѣкоторой степени, результатъ вліянія исторіи. Въ Ильѣ Муромцѣ тоже уже не указывается прежняя миеическая подкладка, а отмѣчаются нравственные и бытовые стороны его образа. Былины объ Идолищѣ, котораго раньше О. Миллеръ относилъ къ миеологическимъ существамъ³⁾, теперь понимаются имъ, какъ «особая отрасль былинь о расправѣ съ татарами⁴⁾. Въ позднѣйшихъ своихъ статьяхъ о бы-

¹⁾ Ист. рус. сл. Галахова изд. 2. с. 35, а также сраз. «отчетъ о 18 прис. Увар. нагр.» с. 65.

²⁾ Ibid. с. 37.

³⁾ Илья Муромецъ с. 763.

⁴⁾ Ист. русск. слов. Галахова т. 1. с. 93.

линахъ и Буслаевъ ограничиваетъ вліяніе мифическаго элемента, придавая въ нихъ, на ряду съ мифологіей, большое значеніе историко-этнографическимъ, бытовымъ и инымъ условіямъ ¹⁾. Въ предисловіи къ новому изданію своихъ сочиненій въ 1887-мъ году Буслаевъ самъ заявилъ о перемѣнѣ своихъ взглядовъ, когда писалъ: «Такъ называемая Гриммовская школа съ ея ученіемъ о самобытности народныхъ основъ мифологии, обычаявъ и сказаній, которое я проводилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, должна была уступить мѣсто теоріи взаимнаго между народами общенія въ устныхъ или письменныхъ преданіяхъ. Многое, что признавалось тогда за неподдѣльную собственность того или другого народа, оказалось теперь случайнымъ заимствованіемъ, взятымъ извнѣ вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе объясняемыхъ историческими путями, по которымъ направлялись эти культурныя вліянія».

При всей односторонности мифологическаго направленія въ изученіи русскаго эпоса, оно имѣло несомнѣнно важное значеніе для выясненія сущности вопроса о былинахъ. Это была, собственно говоря, первая попытка примѣненія широко обоснованной научной теоріи къ русскому богатырскому эпосу. Указывая въ иныхъ случаяхъ вполне справедливо мифическую основу богатырей, это направленіе впервые привлекло къ сравненію съ русскими былевыми пѣснями другіе виды произведеній нашего народнаго творчества, а также эпическія сказанія родственныхъ индо-европейскихъ народовъ. Такимъ образомъ, благодаря этому одному, въ значительной степени расширился горизонтъ изучающаго былинны. Многія неясныя отрывочныя черты былинъ оказалось возможнымъ удовлетворительно объяснить при помощи этихъ сравненій, или, по крайней мѣрѣ, указать имъ аналогіи. Стараясь отыскать въ богатыряхъ слѣды доисторической мифологии, наши мифологи, естественно, должны были попытаться освободить текстъ пѣсенъ отъ позднѣйшихъ наслоеній и отыскать дрейзѣйшій лучшій пересказъ. Это вызвало сличеніе вариантовъ одного и

¹⁾ Напримѣръ, его разборъ изслѣдованій О. Миллера, Стасова.

того-же былеваго сюжета и выдвинуло вопросъ о слоевомъ составѣ эпоса.

Но сама по себѣ миеологическая теорія не можетъ считаться лучшимъ способомъ для выясненія запутаннаго вопроса о происхожденіи и сущности богатырей. На ряду съ миеическими представленіями въ составъ былинь съ самого начала ихъ возникновенія могли войти воспоминанія о разныхъ житейскихъ событіяхъ. Единоборство рыцарей, увозъ дѣвушки и попытка отбить ее, мятежъ противъ власти — все это служило темами разсказа, со временемъ, послѣ утраты именъ и мѣстной обстановки, перешедшими въ сказанія, близкія по своему существу къ сказкѣ и былинѣ. Впослѣдствіи сюда присоединились воспоминанія о разныхъ событіяхъ исторической жизни народа, а также повѣствованія книжной и бродячей литературъ. Наконецъ, въ чисто миеическіе сюжеты, при устной передачѣ ихъ, весьма легко, незамѣтно для разсказчика, могли вноситься различныя подробности совѣмъ изъ другой области. Примѣръ подобной неточности въ передачѣ не трудно и теперь наблюдать на сказателяхъ старинъ: почти каждый изъ нихъ, повторяя свою былинку, обыкновенно вводитъ какія нибудь лишнія подробности или сравненія. Примѣняя ко всѣмъ самымъ мелкимъ чертамъ былинь миеологическое объясненіе, миеологи, по словамъ А. Н. Веселовскаго ¹⁾, не давали себѣ отчета въ той степени сознательности, на какой находился человѣкъ въ пору этого творчества.

• Нужно было быть слишкомъ тонкимъ наблюдателемъ природы и сознательно относиться къ ней, чтобы быть въ состояніи до такихъ мелочей олицетворить ея явленія, какъ это предполагаютъ за первобытнымъ человѣкомъ миеологи.

Объясненія миеологовъ были неудовлетворительны и односторонни еще и потому, что въ нихъ все сводилось къ первобытной доисторической миеологіи и не принималась въ расчетъ миеологія позднѣйшая, христіанская. Вскорѣ-же послѣ принятія христіанства на Русь проникъ цѣлый рядъ легендарныхъ и апокрифическихъ сказаній, какъ разрѣшенныхъ церковью, такъ и ложныхъ, отреченныхъ. Народная фантазія на ряду

¹⁾ Сравнительная миеологія и ея методъ. В. Е. 73 г. 10 с. 647.

съ прежними вѣрованіями въ значительной степени питалась этими новыми, близкими ей по своему существу разсказами, комбинируя ихъ самыми разнообразными способами съ древними мѣами и перерабатывая въ самостоятельныя повѣствованія. «Ученіе христіанства принималось непрigотовленными къ нему умами внѣшнимъ образомъ; евангельскіе разсказы и легенды, чѣмъ дальше шли въ народъ, тѣмъ болѣе прилаживались къ такому пониманію, искажались; обряды, мелочи церковнаго обихода производили формальное впечатлѣніе, слова принимались за дѣло, всякому движенію приписывалась особая сила, и, по мѣрѣ того, какъ исчезалъ внутренній смыслъ, внѣшность давала богатый матеріалъ для суевѣрій, заговоровъ, гаданій и т. п. Такимъ образомъ, долженъ былъ создаться цѣлый новый міръ фантастическихъ образовъ, въ которыхъ христіанство участвовало лишь именами, матеріалами, а самое содержаніе и постройка выходили языческими»¹⁾. Какъ-бы то ни было, введеніе христіанства было настолько крупнымъ историческимъ явленіемъ, что оно не могло отразиться такъ или иначе на народномъ творчествѣ. Христіанство принесло ученіе о началѣ и концѣ міра, о добрыхъ и злыхъ духахъ, о чудесахъ и т. п., и стало въ непосредственную связь съ существующими уже вѣрованіями, трактуящими тѣже самые вопросы. Сліянію христіанства и язычества способствовала и сама церковь, приурочивая иной разъ свои празднества и торжества, по существующимъ уже языческимъ народнымъ обычаямъ. Исслѣдователи въ родѣ Стасова удивлялись, почему новое религіозное ученіе совсѣмъ почти не отразилось на былинахъ, не подозрѣвая того, что слѣды его сохранились тамъ, гдѣ ихъ и не думали искать, въ чертахъ, которыя привыкли считать искони мѣаическими. Изъ новаго ученія древній русскій человѣкъ первымъ дѣломъ усвоилъ себѣ то, что было наиболѣе близко и понятно ему, христіанское, такъ сказать, суевѣріе и безсознательно соединилъ его съ древними своими вѣрованіями. Поэтому, весьма возможно, что былины съ космогонической основой приняли въ себя легендарно-христіанскія черты, которыя, въ свою очередь, могли послужить сюжетами для новыхъ пѣсенъ. Что это было возможно, доказали позднѣйшіе исслѣдователи, отыскавшіе, напр., для былины о Святогорѣ легендарно-анокрионическую основу въ религіозной литературѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

¹⁾ Сказаніе о Соломонѣ и Китоврасѣ с. XII.

IV.

Въ 1863-мъ году, въ самый разгаръ увлеченія миеологическимъ направлениемъ въ изученіи былинь, вышла въ свѣтъ небольшая магистерская диссертация Л. Майкова «О былинахъ Владимірова цикла», въ которой авторъ примѣнилъ къ русскому богатырскому эпосу оставленную историческую теорію, пытаясь объяснить ею происхожденіе и строй былевыхъ пѣсенъ. Исслѣдованіе распадается на три части: въ первой разсматриваются общіе вопросы относительно былинь Владимірова цикла, вторая разбираетъ былины, какъ памятники народнаго быта и понятій, третья изслѣдуетъ ихъ въ отношеніи историко-литературномъ.

Авторъ названнаго сочиненія — представитель историческаго направленія въ изученіи русскаго эпоса. По его мнѣнію, былины по своему содержанію «соотвѣтствуютъ нѣсколькимъ, постепенно смѣнявшимся періодамъ исторической жизни русскаго народа. Согласно этому дѣленію на періоды и самый эпосъ можетъ быть раздѣленъ на нѣсколько цикловъ» ¹⁾. Майковъ первый изъ изслѣдователей предлагаетъ дѣлить былевые пѣсни на четыре части или цикла: 1) Кіевскій или Владиміровъ, 2) Новгородскій, 3) Царскій или московскій, 4) Цикль, изображающій жизнь и подвиги приволжскихъ, донскихъ и сибирскихъ казаковъ. Передавши вкратцѣ содержаніе былинь Владимірова цикла, положенное въ основу отдѣльныхъ пересказовъ, Майковъ приходитъ къ заключенію, что это содержаніе, «хотя и вымышленное, но представляется въ обстановкѣ, заимствованной изъ положительной исторіи, и поэтому, хотя между сюжетами былинь есть и такіе, которые можно возвести къ эпохѣ доисторическаго сродства Индо-европейскихъ преданій, тѣмъ не менѣе все содержаніе былинь, а въ томъ числѣ и эти драгоцѣннѣйшія преданія представляются въ такой редакціи, которая можетъ быть приурочена только къ положительно-историческому періоду» ²⁾. Былины Владимірова круга, по мнѣнію Майкова, создавались въ тече-

¹⁾ О былинахъ Владимірова цикла; введ.

²⁾ — — — с. 21—22.

ніе X, XI и XII вв. и «установились не позже времени татарскаго владычества»,¹⁾ когда еще Москва не стала центромъ княжеской и государственной жизни. Недостатокъ историческихъ данныхъ лишаетъ возможности подтвердить этотъ выводъ достаточнымъ количествомъ свидѣтельствъ, почерпнутыхъ изъ другихъ памятниковъ. Изъ такихъ свидѣтельствъ можно указать только на одно — начало «Слова о П. Иг.» («не лѣпо-ли ны бяшетъ» и т. д.). Это мѣсто даетъ право предполагать, что «былины, какъ особый родъ эпоса, существовали уже въ 12-мъ вѣкѣ, и что содержаніе ихъ заимствовалось изъ событій современности»²⁾. Драгоценное свидѣтельство «Слова» важно еще въ томъ отношеніи, что оно, одновременно съ указаніемъ времени существованія былинь, указываетъ и мѣстность, въ которой могли пѣться тогда богатырскія пѣсни. «Это была Южная Русь (откуда родомъ пѣвецъ «Слова»), вѣроятно, область Кіевская, въ предѣлахъ которой помѣщается большая часть происшествій, описываемыхъ въ былинахъ Владимірова пикла»³⁾. Былевой эпосъ, по всей вѣроятности, зародился и существовалъ первое время въ средѣ дружины князя, чѣмъ объясняется и самый характеръ богатырскихъ пѣсенъ, воспѣвающихъ приключенія богатырей дружинниковъ и умалчивающихъ о подвигахъ князей. «Дѣятельность дружины, выраженная въ подвигахъ ея представителей, и есть предметъ былинь»⁴⁾. Пѣвцами былинь въ древности были, надо думать, гудочники и скоморохи. Въ настоящее время въ районѣ древняго кіевского княжества въ памяти народа не сохранилось былинь о богатыряхъ Владиміра. Это объясняется тѣми историческими бѣдствіями, которыхъ не мало выпало на долю южной Руси въ эпоху татарскаго и литовскаго владычества. Послѣ татарскаго погрома движеніе населенія изъ Кіевской земли далѣе на сѣверъ значительно усилилось и вызвало переходъ былинь къ цен-

¹⁾ — — — с. 25. ²⁾ *ibid.* с. 29. ³⁾ *ibid.* с. 42.

⁴⁾ *ibid.* с. 31. Мы потому такъ подробно остановились на изложеніи мнѣнія Майкова о мѣстѣ и времени происхожденія былевыхъ пѣсенъ, что оно, подтвержденное О. Миллеромъ, стало до сего времени господствующимъ.

тру великой Руси и въ тѣ мѣста, гдѣ онѣ до сихъ поръ сохранились въ устной передачѣ. Казачьи пѣсни, только въ самой незначительной степени воспринявъ содержаніе былины, окончательно заслонили ихъ и вытѣснили изъ народной памяти.

Какъ памятники народной жизни, былины не смотря на множество анахронизмовъ и наслоеній, являются въ достаточной степени достовѣрными историческими свидѣтелями. Онѣ «представляютъ довольно полное изображеніе народнаго быта и народныхъ понятій Руси въ тотъ періодъ, когда онѣ сложились»¹⁾. Жилища, пища, занятія, развлечения, одежда, семейныя и общественныя отношенія и т. п. рисуются въ нихъ точно такими-же, какими мы ихъ узнаемъ изъ историческихъ и бытовыхъ памятниковъ древней Руси. Это положеніе доказывается авторомъ во второй части его труда цѣлымъ рядомъ сопоставленій историческихъ данныхъ, находящихся въ летописяхъ, и былиннаго матеріала.

Изображая героевъ изъ богатырей дружинниковъ, окружающихъ Владимира, былины никогда не описываютъ ихъ жизни въ біографической послѣдовательности; онѣ даютъ одно или нѣсколько событій изъ жизни богатыря и повѣствуютъ о немъ эпизодически; поэтому былинамъ рѣдко удастся представить всестороннее изображеніе характера отдѣльной личности, но за то онѣ очень опредѣленно воспроизводятъ общія, типическія свойства богатырей-дружинниковъ»²⁾. Главное значеніе въ богатырскихъ образахъ народъ, по видимому, придаетъ нравственнымъ качествамъ, «такъ что эти лица являются, какъ бы идеальными типами, въ которыхъ народъ олицетворилъ свои нравственныя идеи»³⁾. Знакомясь съ былинными образами богатырей, невольно поражаешься обиліемъ ихъ чудесныхъ и сверхъестественныхъ качествъ, а также необычайностью положенія, въ которое они не рѣдко попадаютъ. На счетъ этого чудеснаго элемента въ былинахъ Майковъ замѣчаетъ въ третьей части своего изслѣдованія, что онъ является

¹⁾ *ibid.* с. 94. ²⁾ О былинахъ Владимірова цѣля с. 97. ³⁾ — — — с. 112.

вполнѣ естественнымъ съ точки зрѣнія народнаго міросозерцанія. Народъ, вслѣдствіе своего невѣжества, многое, совершающееся во внѣшней природѣ и въ духовномъ мірѣ челоуѣка, объясняетъ себѣ въ видѣ міа или представленія сверхъестественнаго, при чемъ однако къ этому послѣднему относится съ полной вѣрой, какъ къ явленію осязательной дѣйствительности» ¹⁾). Любопытно, что чудесныя явленія присоединяются обыкновенно къ «бытовому дѣйствительному содержанію былинъ» и никогда не исходятъ отъ богатырей, которые, такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ, соприкасаясь съ чудомъ, остаются обыкновенными людьми.

Односторонность точки зрѣнія Майкова очевидна. Стараясь объяснить все исторіей, онъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о возможности существованія обще-человѣческихъ эпическихъ мотивовъ и перехода ихъ отъ одного племени къ другому. Въ его книгѣ вы не встрѣтите сравненій русскаго эпоса съ поэтическими преданіями другихъ народовъ, ни филологическихъ или міеологическихъ объясненій. Майковъ занятъ только лѣтописными параллелями, могущими въ большей или меньшей степени подтвердить его взглядъ на былины, какъ на произведенія народнои словесности, сохранившія, не смотря на устную передачу, глубокіе слѣды прошлой жизни народа. Для этого онъ приводитъ всѣ мѣста изъ лѣтописей, гдѣ идетъ рѣчь о комъ-ниб. изъ лицъ, упоминаемыхъ въ былинахъ, рисуетъ при помощи этихъ памятниковъ народнаго творчества картину жизни и быта прошлаго времени и сравниваетъ ее съ данными о томъ-же, почерпнутыми изъ исторіи. Увлечшись одной стороною вопроса въ ущербъ остальнымъ, Майковъ допустилъ въ своемъ трудѣ неправильные выводы и заключенія, а также значительныя упущенія. У него, напр., нѣтъ ни слова о слоевомъ составѣ былинъ, безъ признанія котораго невозможна правильная постановка вопроса объ изученіи богатырскаго эпоса. Если-бы, дагѣе, авторъ нѣсколько болѣе задумался надъ встрѣчающимся въ

¹⁾ *ib.* с. 101.

былинахъ и такъ легко обходимымъ имъ «чудеснымъ», онъ бы увидѣлъ, что въ немъ иной разъ можно найти глубокую старину, относящуюся къ доисторической жизни человѣчества, что нѣкоторые эпизоды богатырскихъ пѣсенъ явились плодомъ этой далекой эпохи въ существованіи народовъ. Нельзя также согласиться съ мнѣніемъ, что «богатырскій эпосъ возникъ и первоначально существовалъ въ кругу княжеской дружины»¹⁾. Князья-бояре, подъ которыми разумѣлась дружина, представляются въ былинахъ безличными и не рѣдко осмѣиваются, и такое отношеніе къ нимъ настолько выдержано, что его трудно объяснить позднѣйшимъ наслоеніемъ. Отмѣтимъ также ошибочное толкованіе образа Соловья Будиміровича, какъ знаменитаго строителя, напоминающаго западныхъ мастеровъ, приходившихъ на Русь, начиная съ XIII в.²⁾

Не смотря на всѣ указанныя погрѣшности, работа Майкова имѣетъ важное значеніе въ исторіи изученія нашего былевого эпоса, такъ какъ въ ней чуть-ли не впервые обстоятельно развита историческая точка зрѣнія на былины, которой невозможно обойти при правильномъ ихъ изученіи.

Историческая точка зрѣнія на былины, проведенная Л. Майковымъ въ его мастерской диссертации, нашла себѣ защитника черезъ 8 лѣтъ въ лицѣ Квашнина - Самарина, напечатавшаго въ 1871-мъ году въ «Русской Весѣдѣ» статью: «Русскія былины въ историко-географическомъ отношеніи». Квашнинъ - Самаринъ задался цѣлью провѣрить, на сколько вѣрна въ нашихъ былинахъ сторона историко-географическая. «Вопросъ этотъ важенъ: отъ него зависятъ многое. Если эпоха въ общихъ чертахъ представлена вѣрно, то, значить, и самыя пѣсни сложились вскорѣ послѣ нея (само собою разумѣется, въ первоначальной своей формѣ; нѣтъ эпоса, который не измѣнялся-бы сколько-нибудь въ теченіе времени). Если-же это такъ, то мы получаемъ право смотрѣть на былины, какъ на хорошій историческій матеріалъ и пользоваться имъ, какъ таковымъ»³⁾.

¹⁾ ib. с. 36. ²⁾ Ср. ib. с. 43. ³⁾ Рус. Весѣда 71 г. с. 78.

По мнѣнію автора, Русь, изображенная въ былинахъ, есть именно Владимірова Русь, соединенная подъ властью одного князя Кіевскаго, безъ удѣловъ. Забвеніе эпосомъ сыновей Владиміра объясняется тѣмъ, что пѣсни о нихъ, прежде существованія, мало по малу были забыты, «противорѣча обыкновенному понятію о Владимірѣ, какъ о князѣ вѣчно юномъ и прекрасномъ¹⁾». Эпосъ во множествѣ сохранилъ прямые и косвенныя указанія и намеки на дѣйствительныя историческія событія и эпохи. Такъ, былины о Дюкѣ съ одной стороны и о Потокѣ и Михаилѣ Казарянинѣ съ другой удивительно вѣрно изображаютъ два сословія древняго Галича — боярское и другое — казачье, бродяжное. Имена Тугарина, Шарка — великана чисто историческія: «это половецкіе князья около половины XI в.; есть въ былинахъ Батый и Мамай; побѣда Ильи надъ Идолищемъ подъ Царьградомъ представляетъ собою не что иное, какъ отображеніе воспоминанія о дѣйствительной помощи русскихъ князей византійскимъ императорамъ. Былина объ Иванѣ Годиновичѣ и его сватовствѣ за дочь Черниговскаго князя есть намекъ на историческія отношенія Черниговскихъ князей, не рѣдко вступавшихъ въ сношенія съ кочевниками для борьбы съ Кіевомъ. (По былинѣ, Черниговскій князь выдаетъ свою дочь за татарскаго царевича). Плаваніе Муромца по Каспійскому морю есть отголосокъ опустошительныхъ набѣговъ русскихъ на берега Каспійскаго моря въ IX и X ст. «Одинъ пѣвецъ рассказывалъ, что Илья, уплывъ въ море на Соколѣ, подвергся нападенію какого-то сизаго орла и потомъ исчезъ безъ вѣсти. Изъ Каспійскихъ походовъ русскихъ мало кто возвращался. Всѣ они кончались несчастливо²⁾», и т. п. Переходя къ вопросу о реальности существованія богатырей, авторъ признаетъ въ нихъ историческихъ личностей, хотя и разукрашенныхъ преданіемъ. Существованіе въ Кіевскихъ

¹⁾ ibid. с. 82. Рѣкъ Владиміра былъ по преимуществу воинственный и завоевательный, и былины представляютъ Россію именно «сильной, знаменитой, не рѣдко подвергающейся опасности, но побѣждающей ихъ, и грозной для осѣдей». (Р. Вес. 71. V. с. 234; написанное въ прим. относится къ тексту).

²⁾ Рус. Вес. 71 г. 4 с. 115.

пещерахъ мошей, приписываемыхъ Ильѣ Муромцу, и свидѣтельства Ляссоты, Кальнофойскаго и саги объ Ортнитѣ не оставляютъ у Квашнина-Самарина сомнѣнія въ томъ, что этотъ богатырь существовалъ въ дѣйствительности и умеръ около конца XII ст. Вопросъ, почему лѣтописи не знаютъ перваго русскаго богатыря, онъ рѣшаетъ очень просто, предположивъ, что лѣтописный Рохдай Удалой наѣзжавшій одинъ на 300 человекъ, былъ не кто другой, какъ Ильѣ Муромецъ: «Ильѣ — христіанское имя, Рохдай — славянское»¹⁾.

Не менѣе затрудненія для изслѣдователя былинь, придерживающагося исторической точки зрѣнія на нихъ, представляютъ былины о Добрынѣ. Въ исторіи извѣстны Добрыня, дядя Владиміровъ, и Рязанскій Добрыня Золотой Поясъ, но и тотъ и другой имѣютъ мало общаго съ былиннымъ богатыремъ. Квашнинъ-Самаринъ отыскалъ въ Никоновской лѣтописи подъ 1004-мъ годомъ упоминаніе о нѣкомъ храбрѣ Андрихѣ Добренновѣ, отравленномъ своими слугами. Легко возможно, по мнѣнію автора, что пѣвцы передѣляли Андриха (западнаго Генриха) Добрянковича въ Добрянку Андриховича, замѣнили трудное его отечество Никитичемъ, а Добрянку обратили въ славянскаго Добрыню. «Можетъ быть это западное происхожденіе и служить объясненіемъ того утонченнаго вѣжества, которымъ Добрыня, по словамъ былинь, отличался передъ всѣми другими богатырями»²⁾. Въ заключеніе авторъ говоритъ о звѣряхъ и животныхъ, упоминаемыхъ въ былинахъ, и доказываетъ, что туръ и барсъ могли быть въ старину въ Россіи.

Большая часть выводовъ Квашнина-Самарина лишена научной цѣнности. Многіе изъ нихъ основаны только на предположеніяхъ и догадкахъ и не имѣютъ подъ собою реальной почвы. Таковы его заключенія о томъ, что Ильѣ Муромецъ и Рохдай одно и то-же лицо, что Добрыня есть не кто иной, какъ лѣтописный Андрихъ Добрянковичъ, что въ былинахъ о Волгѣ на первомъ планѣ стоитъ варяжскій элементъ и мн. др. Автору казалось, будто онъ доказалъ, что на былины

¹⁾ *ibid.* 5. с. 230. ²⁾ Рус. Вѣст. 71 г. 5 с. 230.

можно смотрѣть, «какъ на хорошій историческій матеріалъ и пользоваться имъ, какъ таковымъ»; на самомъ-же дѣлѣ онъ только лишній разъ подтвердилъ ту простую истину, что невозможно браться за изслѣдованіе былинь, руководясь какой-ниб. одной точкой зрѣнія на нихъ, не рискуя неминуемо впасть въ преувеличенія и натяжки. Признавая въ нѣкоторыхъ случаяхъ присутствіе въ богатырскихъ пѣсняхъ древней мифической основы, Квашнинъ-Самаринъ, подобно Безсонову, который, можно думать, былъ, до нѣкоторой степени, образцомъ для него, искалъ въ нихъ исторіи и допустилъ подобно издателю сборниковъ Кирѣевскаго и Рыбникова, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ этотъ послѣдній, объясненія, близкія къ аллегоріи, символизму, какъ напримѣръ, въ предположеніи, что гибель Ильи Муромца на Каспійскомъ морѣ есть указаніе на походы туда русскихъ и т. п. Тѣмъ не менѣе, статьи Квашнина-Самарина имѣютъ свое значеніе въ изученіи былинь, освѣщая эпическій матеріалъ съ исторической точки зрѣнія.

Исторической теоріи русскаго богатырскаго эпоса придерживается также кievскій профессоръ Н. П. Дашкевичъ въ своей прекрасной, по выраженію А. Н. Веселовскаго, работѣ: «Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинь. Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси». Зерномъ всякаго былевого эпоса, по мнѣнію Дашкевича, служатъ историческія сказанія, и «къ доисторической эпохѣ могутъ восходить только отдѣльныя части, но никакъ не былевые сказанія въ ихъ цѣлыхъ отдѣлахъ»¹⁾. Былины возникли подъ живымъ впечатлѣніемъ крупныхъ историческихъ событій и вполнѣдствіи сложились въ большой циклъ, куда вошли и мѣстные богатыри, и герои бродячихъ сказаній²⁾. Эту свою мысль авторъ подтверждаетъ анализомъ

¹⁾ К. Ун. Изв. 1883 г. 3 с. 162.

²⁾ *ibid.* 5 с. 247. Пр. Дашкевичъ, какъ и А. Веселовскій, думаетъ, что былины возникли на югѣ и исчезли тамъ не ранѣе 40-хъ годовъ XVII в., когда южно-русы вступили въ борьбу съ турками и создали пѣсни объ этой борьбѣ, вытѣснившія старый эпосъ. Тѣмъ не менѣе, въ позднѣйшихъ думкахъ все еще слышится отголосокъ прежняго былевого цикла.

былинъ объ Алешѣ Поповичѣ, для котораго «даже завязтые миеологи не могли подыскать миеическій образъ» ¹⁾ и былины о гибели богатырей. Разсмотрѣніе былины объ Алешѣ въ сравненіи съ соотвѣствующими мѣстами изъ лѣтописи заставляетъ прійти къ выводу, что въ XIII—XVI ст. въ Суздальской землѣ были извѣстны сказанія о Ростовскомъ «храбрѣ» Алешѣ Поповичѣ, жившемъ въ первой четверти XIII в. Реальность личности Алеши для автора не подлежитъ ни какому сомнѣнію ²⁾. Что касается, въ частности, до былины, рассказывающихъ о попыткѣ Алеши жениться на супругѣ Добрыни, то весьма возможно, что основаніемъ для нихъ послужили какіе-ниб. нѣмецкіе изводы саги о Рейнфритѣ Брауншвейгскомъ, которыя могли проникнуть на Русь черезъ Новгородъ въ дотатарскую эпоху ³⁾. Былина о гибели богатырей есть «позднѣйшая передѣлка древней пѣсни о Калкинскомъ побоищѣ» ⁴⁾. Возможность существованія подобной пѣсни подтверждается тѣмъ, что въ XII, XIII вв. воспѣвались всѣ замѣчательныя событія народной жизни ⁵⁾, а реальность ея доказывается рядомъ поразительныхъ совпаденій возникшей изъ нея былины съ лѣтописнымъ сказаніемъ о Калкинскомъ боѣ.

Здѣсь будетъ уместно привести мнѣнія о богатырскомъ эпосѣ нашихъ историковъ второй половины XIX вѣка. Извѣстный С. М. Соловьевъ, авторъ многотомной «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», видитъ въ былинахъ Владимірова цикла не мало чертъ, отразившихъ быть первоначальнаго періода нашей исторіи; для него несомнѣнно, что первый древнѣйшій складъ былины относится къ эпохѣ Владиміра Святого. Въ нихъ отразились два элемента: древнѣйшій языческій и позднѣйшій христіанскій. Къ дѣйствию перваго надо отнести необычайную, подъ часъ чародѣйскую, силу богатырей, къ вліянію второго, напр., чудесное полученіе Ильєю силы за желаніе утолить жажду двухъ странниковъ, многіе его подвиги, запечатлѣнные смиреніемъ и добротою, и особенно сказаніе о гибели богатырей. Изъ слѣдовъ быта времени

¹⁾ К. У. Изв. 84 г. 3 с. 165. ²⁾ К. У. Изв. 83. 3 с. 179—80.

³⁾ ib. 5 ср. с. 241. ⁴⁾ — — 5 с. 227. ⁵⁾ ib. 5 ср. с. 230.

начала русской исторіи, сохранившихся въ былинахъ, можно указать на черты жизни дружины, на обычаи придавать кораблямъ видъ разныхъ звѣрей (корабль Соловья Будиміровича) и т. п.¹⁾ Былины о Василии Буслаевѣ «въ нѣкоторыхъ чертахъ вѣрно изображаютъ старину Новгородскую, въ нѣкоторыхъ старину обще - русскую»²⁾. По замѣчанію другого историка Н. И. Костомарова, «ничто такъ хорошо не изображаетъ новгородскихъ нравовъ и явленій древней общественной жизни, какъ превосходная пѣсня о Васкѣ Буслаевѣ»³⁾. Былины о Садкѣ, по мнѣнію того-же историка, выражаютъ воззрѣнія новгородцевъ на личность купца и сохраняютъ въ себѣ не мало чертъ, вѣрныхъ исторической дѣйствительности. Бѣстужевъ—Рюминъ находитъ, что въ народныхъ произведеніяхъ, въ томъ числѣ и въ былинахъ, «историкъ изучаетъ народныя воззрѣнія, но едва-ли онъ можетъ искать въ нихъ извѣстныхъ опредѣленныхъ эпохъ; тѣ періоды, которые обозначаются въ народной поэзіи, суть періоды крупные, періоды развитія народнаго быта; ихъ можно отчасти прослѣдить на измѣненіяхъ въ образахъ любимыхъ богатырей народа: у насъ на Ильѣ, въ которомъ видимъ то богатыря-громоука, то богатыря земскаго, то князя витязя, то казака и т. п.»⁴⁾. Иловайскій въ «Исторіи Россіи», подобно Соловьеву, готовъ признать, что былины получили начало во время Владиміра и воспѣвали князя и его богатырей. Что въ южной Руси въ тѣ времена пѣлись хвалебныя пѣсни князьямъ еще при ихъ жизни по поводу какого-ниб. подвига, можно заключить на основаніи свидѣтельствъ польскаго лѣтописца Длугоша, рассказывающаго о томъ, какъ галичане привѣтствовали вновь сложенной пѣсней Мстислава Удалого, побѣдившаго Угровъ и Поляковъ. Въ былинахъ, сохранившихъ порою память объ историческихъ лицахъ и ихъ дѣяніяхъ, по мнѣнію автора «Исторіи Россіи», находится достаточный матеріалъ для исторіи древняго быта.

¹⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи т. I с. 294—301. ²⁾ — — — т. III с. 112.

³⁾ Костомаровъ. Сѣверно-русскія народн. т. II с. 125.

⁴⁾ Вестужевъ—Рюминъ, Рус. исторія с. 114.

Такимъ образомъ, всѣ наши выдающіеся историки воздерживаются отъ попытокъ приурочить былинныхъ героевъ къ какимъ-ниб. лицамъ, извѣстнымъ изъ лѣтописи, и довольствуются указаніемъ на обиліе бытового матеріала въ богатырскихъ пѣсняхъ.

Историческая теорія о происхожденіи русскихъ былинъ имѣла гораздо менѣе защитниковъ и сторонниковъ, чѣмъ миеологическая. Тѣмъ не менѣе, чуждая односторонности и крайностей, какія проявились, напр., въ изслѣдованіяхъ Квашнина-Самарина и впослѣдствіи Халанскаго, она несомнѣнно можетъ быть съ большимъ успѣхомъ примѣнена къ выясненію развитія и сущности богатырскихъ пѣсенъ. Ниже мы приводимъ мнѣніе А. Н. Веселовскаго о происхожденіи эпическихъ сказаній, между прочимъ, не рѣдко подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ событій частной и общественной жизни. Мнѣніе это, думается намъ, должно быть признано наиболѣе правдоподобнымъ, и мы позволимъ себѣ резюмировать его словами профессора Н. П. Дашкевича, раздѣляющаго въ этомъ случаѣ взглядъ почтеннаго академика. «Мнѣ кажется», пишетъ онъ: «можно съ полнымъ правомъ стоять за несомнѣнно историческую основу былинъ, за то, что она должна быть точкой отправленія всѣхъ изслѣдователей о былевомъ эпосѣ¹⁾, и принимать въ тоже время цѣлый рядъ послѣдовательныхъ переработокъ ея и разнородныхъ наслоеній, изъ которыхъ многія возникли подъ вліяніемъ общаго содержанія народнаго эпоса, наполнявшагося и сказаніями книжными, и иностранными»²⁾).

Если согласиться съ приведеннымъ мнѣніемъ, то и такія даже одностороннія изслѣдованія, какъ Майкова и Квишнина-Самарина, должны быть тщательно изучаемы желающими изучить настоящую сущность богатырскаго эпоса, такъ какъ въ нихъ все-же есть нѣкоторая доля истины.

¹⁾ Такого же мнѣнія держится и пр. Кирпичниковъ: «При разборѣ такъ называемаго историческаго эпоса, къ какой-бы школѣ ни принадлежалъ изслѣдователь, онъ не можетъ игнорировать фактовъ и собственныхъ имевъ» (Кирпичниковъ. Поэмы Ломб. цикла, с. 88).

²⁾ К. У. Изв. 83. 3. с. 165.

V.

Въ концѣ шестидесятихъ годовъ всѣ, интересующіеся русской народной поэзіей, обратили вниманіе на новое сочиненіе В. Стасова, доказывавшее заимствованіе нашихъ былинъ съ востока. Вопросъ о вліяніи восточныхъ сказаній на русскій богатырскій эпосъ затрагивался до нѣкоторой, впрочемъ, незначительной степени, и предшествовавшими изслѣдователями. Еще Шевыревъ указывалъ на присутствіе въ нашихъ былинахъ восточнаго элемента, напр., въ сказаніяхъ о Потоцкѣ: «Самый уговоръ жены Потока — живому идти съ мертвымъ въ могилу намекаетъ на остатокъ индійскаго обычая, но уже измѣненнаго»¹⁾. А. Милюковъ въ «очеркѣ исторіи русской поэзіи», въ главѣ о народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ говорилъ о вліяніи на былины восточной поэзіи. Княгиня Апраксина со своею чрезмѣрною чувственностью, по его мнѣнію, есть не что иное, какъ отображеніе восточной женщины; нѣкоторые подвиги Ильи Муромца очень близко напоминаютъ дѣянія героя персидской поэмы Шахъ-Намэ, и т. п. Любопытно, что Милюковъ находилъ естественными всякія чрезмѣрные преувеличенія въ персидской поэмѣ и считалъ ихъ неумѣстными въ русскихъ былинахъ, что впоследствии утверждалъ и Стасовъ. Рыбниковъ въ письмѣ къ Безсонову высказывалъ предположеніе, что «Добрыня, специальный противникъ Змѣя Горыныча и Тугарина Змѣевича, не что иное, какъ Индра, поражающій драконовъ; отсюда объясняется и похищеніе Забавы змѣемъ»²⁾.

Но все это были не болѣе, какъ отдѣльныя мелкія замѣчанія. Стасовъ первый поставилъ широко вопросъ о заимствованіи въ своемъ, надѣлавшемъ много шума, сочиненіи «Происхожденіе русскихъ былинъ», напечатанномъ въ «Вѣстникѣ Европы» за 1868-й годъ. Поводомъ къ этому изслѣдованію послужило знакомство автора со «Сказаніемъ о нѣкомъ славномъ богатырѣ Урусланѣ Залазаревичѣ», изданномъ въ 1859-мъ году Тихонравовымъ. Пораженный сходствомъ сказанія и

¹⁾ Шевыревъ. Лекція 1 с. 275.

²⁾ Рыбниковъ. Пѣсни 2 с. VI. Письмо къ Безсонову отъ 14 дек. 1860 г.

Шахъ-Намэ, Стасовъ дѣятельно принялся за изученіе ихъ обоихъ и вскорѣ пришелъ къ убѣжденію въ несомнѣнномъ заимствованіи Еруслана изъ персидской поэмы. Между тѣмъ, знакомство съ русскими былинами по только что вышедшимъ сборникамъ Кирѣевского и Рыбникова, съ одной стороны, и восточной народной литературой, съ другой, заставило нашего изслѣдователя все болѣе и болѣе удивляться открываемому между ними сходству. Объясненіе подобному странному явленію, хотя и въ другой области, было около этого времени предложено Бенфеємъ, утверждавшимъ въ предисловіи къ Панчатантрѣ, что большая часть сказокъ индо-европейскихъ народовъ перешла изъ Индіи черезъ монголовъ къ славянамъ и далѣе на западъ. Бенфеевская теорія заимствованія, казалось, напрашивалась быть примѣненной къ богатырскимъ пѣснямъ русскаго народа, и Стасовъ принялся изучать русскій эпосъ умышленно съ точки зрѣнія его фантастики и ненародности, надѣясь прійти къ лучшимъ выводамъ, чѣмъ какіе имѣли до сихъ поръ занимавшіеся былинами ученые¹⁾. Его цѣлью стало «доказать совершенную несостоятельность мнѣнія, будто-бы русскія былины — коренное произведеніе нашего народнаго творчества и будто онѣ представляютъ несомнѣнные, чистѣйшіе, самостоятельные элементы русскіе, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ»²⁾. Былевые пѣсни, по мнѣнію Стасова, сильно напоминаютъ, даже въ подробностяхъ, сказанія, восточныхъ народовъ, которыя несомнѣнно послужили оригиналомъ для нихъ. Подобное мнѣніе о восточномъ источникѣ древнерусской поэзіи было высказано тѣмъ-же Стасовымъ еще въ 1864-мъ году въ предисловіи къ русскому переводу монгольскаго сборника «Шида—Куръ». «Находя значительное сходство», сказано было тамъ: «между народными русскими сказками, съ одной стороны, и монгольскими или калмыцкими повѣстями или сказками, съ другой не только въ главныхъ чертахъ, но и въ подробностяхъ, мы получаемъ возможность изучать основы нашей народной поэзіи и восходить постепенно

¹⁾ Критика моихъ критиковъ В. Е. 70 г. 2 с. 917.

²⁾ В. Е. 68 г. 7 с. 326.

до первообразныхъ ея типовъ въ санскритской литературѣ». Предисловіе было подписано академикомъ Шифнеромъ, и до 1870-го года¹⁾ всѣ думали, что эта мысль первоначально принадлежала ему. На самомъ-же дѣлѣ, переводчикъ предисловія В. В. Стасовъ вставилъ эти слова отъ себя и далъ возможность предполагать въ Шифнерѣ сторонника развитой имъ (Стасовымъ) впоследствии теоріи заимствованія.

Такимъ образомъ, еще за четыре года до окончанія своего труда Стасовъ былъ увѣренъ въ правильности доназываемой въ немъ мысли и, понятно, долженъ былъ относиться съ предвзятой мыслью къ изслѣдуемому матеріалу.

Изслѣдованіе Стасова, удостоенное впоследствии меньшей Уваровской преміи, распадается на три части. Въ первой, служащей какъ бы введеніемъ ко всему труду, разсматриваются сказки о Ерусланѣ Лазаревичѣ и Жарь-птицѣ со стороны ихъ восточнаго происхожденія; во второй разбираются выводы изъ этого разбора. Не вдаваясь въ подробное изложеніе содержанія «Происхожденія русскихъ былинъ», мы приведемъ вкратцѣ выводы автора на основаніи третьей части его сочиненія.

Выводы эти распадаются на отрицательные и положительные: отмѣтивъ т.о., чего теперь, по его мнѣнію, больше, послѣ его изслѣдованія, нельзя видѣть въ былинахъ, Стасовъ указываетъ, что именно мы можемъ нынче и должны находить въ нихъ. Русскія богатырскія пѣсни не могутъ называться былинами въ смыслѣ были, дѣйствительно случившагося. Въ коренномъ своемъ составѣ былины не представляютъ никакой разницы со сказками, заключая въ себѣ также мало настоящей дѣйствительности, какъ и эти послѣднія. Онѣ относятся къ разряду сказокъ, называемыхъ М. Мюллеромъ вторичными, которыя въ болѣе позднее время разными путями перешли изъ одной страны въ другую. Основа русскихъ былинъ, какъ и сказокъ, представляетъ собою «довольно тощій и сильно кастрированный экстрактъ восточныхъ поэмъ

¹⁾ См. Критика моихъ критиковъ.

и пѣсенъ» ¹⁾. «Наши богатыри не что иное, какъ носители разнообразныхъ мѣровъ, легендъ и сказокъ древняго Востока, измѣненныхъ до извѣстной степени въ содержаніи и характерѣ своемъ, но приуроченныхъ въ болѣе или менѣе объемистомъ составѣ къ извѣстнымъ личностямъ съ русскими именами» ²⁾. Если сущность былинъ не русская, то и раздѣленіе богатырей на русскихъ и заѣзжихъ не имѣетъ за собою никакого основанія: «они всѣ одинаково заѣзжіе въ нашемъ отечествѣ, и существенной разницы между ними никакой нѣтъ» ³⁾. Перейдя на русскую почву, восточныя тюркскія сказанія потеряли очень многія изъ своихъ существенныхъ чертъ, напр., утрачены многія описанія восточной природы, но «главная и самая важная утрата состоитъ въ томъ, что, въ большинствѣ случаевъ, наши былины не содержатъ болѣе тѣхъ побудительныхъ пружинъ дѣйствія, на которыхъ вертится все дѣло» ⁴⁾. ... Вся духовная, вся внутренняя и человѣческая стороны, всѣ внутренніе мотивы совершающихся дѣйствій и событій не имѣютъ для нея никакого интереса» ⁵⁾. Чувства, которыя обнаруживаютъ русскіе богатыри, самыя грубыя, примитивныя, присущія только первобытному человѣку, не возвышающемуся въ своихъ ощущеніяхъ надъ собакою и кошкою. Заимствуя свои былины отъ чуждаго по духу и условіямъ жизни времени, русскій народъ сохранилъ въ нихъ только «самый непосредственный фактъ», отбросивъ зачастую, какъ нѣчто ненужное, причинную связь и взаимоотношеніе событій ⁶⁾. Вездѣ наши былины сохранили черты восточной обстановки и быта той мѣстности, гдѣ сложились или циркулировали ихъ первообразы. Эпическій князь Владиміръ оказывается, вопреки исторической вѣрности, безличнымъ и безхарактернымъ, потому что именно такими изображаются на востокѣ цари или вообще повелители. «Наша земская дружина, состоящая изъ опредѣленнаго, всегда круглаго числа богатырей, есть воспроизведеніе той гордости богатырей, которая окружаетъ каждаго царя и даже царскаго сына въ индѣйскихъ поэмахъ и

¹⁾ В. Е. 68 г. 6 с. 636. ²⁾ В. Е. 68 г. 6 с. 597—8. ³⁾ — — 6 с. 606.

⁴⁾ — — 6 с. 626. ⁵⁾ В. Е. 68 г. 6 с. 627. ⁶⁾ Справ. В. Е. 68 г. 7 с. 316.

разсказахъ, каждаго персидскаго царя въ Шахъ-Намэ, каждаго хана или князя въ монгольскихъ, калмыцкихъ, сибирскихъ пѣсняхъ и поэмахъ» ¹⁾). Обстановка великокняжескаго и богатырскаго жилища, подробности богатырской одежды, быта, обычаевъ — все очень сильно напоминаетъ такія же описанія монголо-калмыцкихъ и тюркскихъ пѣсенъ ²⁾). Русскій бытъ и исторія почти что не отразились въ былинахъ. Самостоятельныхъ, чисто русскихъ чертъ въ нихъ очень мало, «и всѣ онѣ второстепенныя, никогда отъ нихъ не зависятъ ходъ событій въ былинахъ; онѣ попали, по всей вѣроятности, въ позднее время, какъ вставки, какъ замѣна или пополненіе предметовъ болѣе древнихъ и первоначально иноземныхъ» ³⁾). Упоминая на каждомъ шагу князя Владиміра, былины ничего не говорятъ о новомъ принятомъ имъ вѣроученіи, не даютъ ни разу описанія монгольскихъ нашествій, которыя, несомнѣнно, должны были сохраниться въ народной памяти. Народъ, какъ дѣйствующее лицо, совершенно отсутствуетъ въ былинахъ, что находится въ полномъ противорѣчій съ древнѣйшей исторіей ⁴⁾). Такимъ образомъ, оказывается, что въ нашихъ былинахъ нѣтъ «ни одного сюжета, которые могли-бы остаться чѣмъ-то собственно нашимъ; ничего такого, что у насъ родилось и у насъ однихъ только могло родиться» ⁵⁾).

Что касается до путей, которыми восточныя сказанія могли проникнуть на русскую почву, то въ настоящее время, за недостаткомъ надлежащаго количества данныхъ, невозможно съ точностью прослѣдить постепенный переходъ того или другого эпическаго мотива изъ Азіи въ Россію. Передаточнымъ пунктомъ въ этомъ случаѣ, по всей вѣроятности, послужили сѣверные и сѣверо-восточные предѣлы нашего отечества, гдѣ азіатскіе разсказы «перелагались въ формы русскія, а потомъ распространялись оттуда по всей Россіи» ⁶⁾ благодаря Новгородской колонизаціи. Время перехода также не можетъ быть обозначено съ точностью. Вѣрнѣе всего, кажется, можно предполагать, что это случилось не ранѣе XIII в. Если-бы

¹⁾ В. Е. 68 г. 6 с. 611. ²⁾ — — 6 с. 641. ³⁾ В. Е. 68 г. 7 с. 323.

⁴⁾ — — 6 с. 623. ⁵⁾ — — 6 с. 596. ⁶⁾ В. Е. 68 г. 7 с. 391.

заимствованіе произошло раньше, то, съ одной стороны, восточные сюжеты несомнѣнно проникли-бы къ другимъ славянскимъ племенамъ, чего однако не случилось, а съ другой—въ былинахъ явилось-бы много финскихъ элементовъ. Но богатырь русскихъ былинъ ни въ чемъ не похожъ на богатыря финскаго, скандинавскаго и германскаго эпоса, цѣлыя пропасти раздѣляютъ тѣхъ и другихъ, а между тѣмъ никакихъ подобныхъ пропастей не существуетъ между богатыремъ русской быliny и богатырями монгольскихъ и тюркскихъ поэмъ и пѣсень; напротивъ, точки соприкосновенія и величайшаго сходства и даже тождества бросаются въ глаза на каждомъ шагу. Все это показываетъ, кажется, довольно ясно, что матеріалъ для нашихъ былинъ пришелъ къ намъ съ востока не въ раннюю, а довольно въ позднюю пору» ¹⁾). Вообще, при несомнѣнномъ фактѣ заимствованія русскихъ богатырскихъ пѣсень съ востока, остаются все еще неразрѣшенными весьма важныя существенныя стороны этого вопроса, и «дальнѣйшая судьба вопроса о нашихъ былинахъ — въ рукахъ нашихъ ориенталистовъ» ²⁾).

Таковы, въ общемъ, выводы этого замѣчательнаго по своей оригинальности изслѣдованія. Буслаевъ справедливо замѣтилъ, что Стасовъ въ своемъ «Происхожденіи русскихъ былинъ» «отнялъ у русскаго народа способность не только создавать свои героическіе типы, но и со смысломъ и толкомъ обрабатывать заимствованное у другихъ» ³⁾). По гипотезѣ Стасова выходитъ, что «русскій народъ въ теченіе столѣтій изъ поколѣнія въ поколѣніе передавалъ безмыслицу и пошлость, воспитывался въ отупѣніи и крайнемъ

¹⁾ В. Е. 68 7 с. 344.

²⁾ В. Е. 68 г. 7 с. 345.

³⁾ Ж. М. Н. П. 1871 г. 4 с. 204. (Рецензія Буслаева на книгу О. Миллера).

звѣрствѣ, составляющихъ главный характеръ его богатырскихъ типовъ»⁴⁾).

Для доказательствъ восточнаго происхожденія русскихъ былинь Стасовъ пользуется сравнительнымъ методомъ⁵⁾. Но его сравненія совершенно произвольны и механичны; сопоставляя однѣ внѣшнія черты, сравнивая зачастую не цѣлые сюжеты, а отдѣльные эпизоды и подробности, онъ не рѣдко допускаетъ неточности и пропуски въ передачѣ русскихъ былинь и восточныхъ сказаній, а иногда прибѣгаетъ и къ грубымъ натяжкамъ, лишь бы доказать тождество тѣхъ или другихъ деталей богатырскихъ пѣсенъ и ихъ восточныхъ «оригиналовъ». Въ своемъ разборѣ, по порученію Академіи Наукъ, труда Стасова Буслаевъ, пользуясь его приемами, блистательно доказалъ полную близость нашего эпоса и нѣмецкаго повѣствованія о Беоульфѣ. Сравненіе сдѣлано очень искусно, вполне въ духѣ Стасова, и даетъ ясное понятіе о несостоятельности его научнаго метода, при помощи котораго можно доказать все, что угодно.

Укажемъ нѣсколько примѣровъ произвольныхъ сближеній въ «Происхожденіи русскихъ былинь»; остановимся хотя-бы на четвертой главѣ второй части, озаглавленной «Ставрѣ-бояринѣ», гдѣ наиболѣе сильно бросается въ глаза искусственность и ненаучность сравнительныхъ приемовъ нашего автора. Бояринъ Ставрѣ изъ «дальней земли», не во время похваставшійся своею женою Василисою на пиру у князя Владиміра, посаженъ этимъ послѣднимъ

⁴⁾ *ibidem*.

⁵⁾ Изъ критиковъ Стасова только одинъ Буслаевъ не считаетъ его метода сравнительнымъ. По его мнѣнію методъ сравнительный, насколько онъ примѣняется въ сравнительныхъ грамматикахъ и при изученіи народнаго эпоса, указываетъ общія основы у сравниваемыхъ предметовъ, но отбѣчаетъ также ихъ индиви-

въ «погребѣ глубокиѣ». Узнавши о несчастіи своего мужа, Василиса отправляется выручать его и, переодѣвшись мужчиною, благодаря своей силѣ, хитрости и умѣнію владѣть оружіемъ, удачно скрываетъ свой полъ и достигаетъ того, что Владиміръ согласенъ дать ей въ замужество свою дочь, или племянницу. Во время свадебнаго пира недовольная княжескими гуслирами, жена Ставра проситъ привести изъ темницы своего мужа, который ей играетъ на гуслихъ. Уведши его съ собою въ поле, Василиса открывается ему, и они оба отправляются благополучно къ себѣ домой. Указавъ вполне основательно на распространенность въ эпической поэзіи разныхъ народовъ разсказа о женщинѣ, переодѣтой мужчиною, Стасовъ приводитъ пѣсню алтайскихъ татаръ, которая имѣетъ «величайшее сходство» съ нашей былинной. Вотъ содержаніе этой пѣсни. Алтаинъ - Саинъ - Саламъ отправляется однажды на охоту и, упавши съ своего коня, убивается до смерти. Лишившись хозяина, вѣрный конь бѣжитъ къ сестрѣ его и извѣщаетъ ее о гибели своего господина. Последняя приѣзжаетъ къ мѣсту смерти брата и, оплакавъ свою невозвратимую потерю, обращается къ близъ стоявшей скалѣ съ требованіемъ раствориться и скрыть тѣло Алтаинъ-Саинъ-Салама. Послѣ этого переодѣтая въ мужской костюмъ любящая сестра отправляется къ двумъ ханамъ подъ именемъ своего брата и искусною стрѣльбою получаетъ въ замужество двухъ ихъ дочерей, съ которыми и уѣзжаетъ домой. Недовольныя своимъ мужемъ, мнимымъ мужчиною, ханскія дочери возвращаются къ своимъ отцамъ. Воспользовавшись ихъ отсутствіемъ, сестра Алтаина

дуальныя и характерныя особенности. У автора «Происхожденія русскихъ былинъ» этого нѣтъ. Его методъ историческій, т. е. такой, посредствомъ котораго опредѣляется случайное, историческими обстоятельствами вызванное заимствованіе одною національностью у другой языка, вѣры, нравовъ, обычаевъ, сказаній. [Отчетъ о 12 прис. Ув. нагр.).

перевозить тѣло своего брата изъ скалы домой и кла-
деть его на постель. Вернувшіяся вскорѣ жены, принявъ
его за своего мужа, возвращаютъ ему при помощи колдовства
жизнь и выходятъ за него замужъ. Любящая дѣвушка,
такимъ образомъ, воскресила своего брата и добыла ему
двухъ женъ.

Всякій непредубѣжденный человѣкъ скажетъ, что этотъ
разсказъ не только не имѣетъ сходства съ нашей былинной,
но и рѣзко отличается отъ нея, какъ эпизодическою стороною,
такъ и психической мотивировкой: Ставра насильно сажаютъ
въ погребъ — Алтаинъ самъ падаетъ съ коня и умираетъ;
Василису извѣщаетъ о случившемся одинъ изъ приближенныхъ
мужа—сестру Алтаина его конь; эпизода со скалою, добыва-
нія невесты для плѣннаго нѣтъ въ русской былинѣ; приемы
испытанія пола въ нашей пѣснѣ значительно подробнѣе и т. д.
Общимъ въ обоихъ разсказахъ оказывается только одинъ изъ
основныхъ мотивовъ эпической поэзіи индо-европейскихъ наро-
довъ о женщинѣ, переодѣвшейся мужчиной для спасенія
близкаго ей человѣка, да не менѣе общій приемъ испытанія
стрѣлою въ цѣль. Тѣмъ не менѣе, для Стасова «очевидно»,
что нашъ Ставръ — это сибирскій богатырь Алтаинъ-Сайнъ-
Саламъ. Сходство заключается-де слѣдующемъ: 1) оба бога-
тыря, и русскій, и сибирскій, только временно появляются
на мѣстѣ дѣйствія разсказа; 2) «Ставръ навлекаетъ на себя
гнѣвъ князя, и за это его сажаютъ въ глубокіе погреба.
«Это немного (!) измѣненный разсказъ о томъ, какъ Алтаинъ
свалился съ коня и былъ потомъ положенъ мертвый въ скалу¹⁾»;
3) приближенный Ставра, принесшій Василисѣ вѣсть о случив-
шемся, «это въ первоначальномъ разсказѣ Алтаиновъ конь,

¹⁾ В. Е. 68 г. 2 с. 692.

который несется во всю прыть къ Алтайновой сестрѣ и рассказываетъ ей о смерти своего господина»³⁾.

Подобныя отдаленныя, чтобы не сказать произвольныя, параллели встрѣчаются у Стасова на каждомъ шагу. Существованіе болѣе древнихъ эпическихъ подробностей сравнительно съ былинной о Ставрѣ въ алтайской пѣснѣ даетъ почему-то право заключить, что русская былина непремѣнно копія, а алтайская оригиналъ. Вообще, отмѣтивъ иной разъ удачно тѣ или другія схожія черты въ нашихъ и азіатскихъ сказаніяхъ, Стасовъ ни разу не задумывается надъ тѣмъ, что эта общность легче всего объясняется или единствомъ мифологической основы, или позднѣйшими историческими наслоеніями, или одинаковыми условіями быта и исторіи, и съ плеча рѣшаетъ вопросъ заимствованіемъ. Изслѣдуя, напр., былины «о сорока каликахъ со каликою»⁴⁾ и подмѣтивъ у нашихъ каликъ много общаго съ буддейскими странниками, Стасовъ увѣряетъ, что они «имѣютъ не христіанское, а прямо восточное происхожденіе»⁵⁾, забывая, что это сходство объясняется, какъ справедливо замѣтилъ А. Н. Веселовскій, «схожими потребностями быта и готовою основою доисторическаго преданія»⁶⁾. Приступая къ сравненіямъ съ предвзятою мыслью, Стасовъ нигдѣ не говоритъ, какими правилами онъ

³⁾ *ibidem*. Ненаучность сравнительнаго метода Стасова лучше всего выставлена В. Миллеромъ въ статьѣ: «О сравнительномъ методѣ автора «Происхожденія русскихъ былинъ» (Бесѣды въ Общ. Люб. Рос. Слов. в. III М. 71 г.) В. Миллеръ беретъ главу о Садѣ (лучшую по мнѣнію О. Миллера—см. Ил. Муромецъ с. 788) и на ней доказываетъ несостоятельность сравнительныхъ премовъ разбираемаго автора. Подвергнувъ строгой критикѣ эту главу, В. Миллеръ приходитъ къ выводу, что общаго между восточными сюжетами и былинной о Садѣ «только одинъ голый безсодержательный фактъ, что и въ той и въ другой нѣкто опускается въ море, въ чемъ, разумѣется, еще нельзя усматривать передѣлку или заимствованіе» (с. 155).

⁴⁾ В. Е. 68 г. 3 с. 262 и сл. ⁵⁾ *ib.* 3 с. 264. ⁶⁾ *ib.* 3 с. 264.

руководствуется при сближеніяхъ, нигдѣ не выясняетъ своего метода, какъ-бы умышленно оставляя за собою право произвольныхъ сравненій и голословныхъ утвержденій.

Однимъ изъ важныхъ недостатковъ «Происхожденія русскихъ былинь» должно быть признано такое отсутствіе критическаго анализа различныхъ вариантовъ одного и того-же былиннаго сюжета. Стасовъ долженъ былъ-бы подготовить самый фактический матеріалъ, вывести древнѣйшую форму былинь и тогда уже приступать къ сравненію.

Наконецъ, въ научномъ отношеніи этотъ трудъ много проигрываетъ вслѣдствіе незнакомства автора съ языкомъ первоисточниковъ. Какъ восточными сказаніями, такъ и югославянскимъ эпосомъ Стасовъ пользуется при помощи переводовъ. Но какъ-бы ни былъ хорошъ переводъ, онъ никогда не можетъ замѣнить оригинала, а тѣмъ болѣе переводъ произведеній народнаго творчества. Что касается, въ частности, эпоса южныхъ славянъ, то надо знать, что въ шестидесятыхъ годахъ онъ далеко не весь былъ переведенъ на какіе-бы то ни было языки, и заключать на основаніи этихъ переводовъ объ отсутствіи родства между нимъ и нашими былинами, какъ это дѣлалъ Стасовъ, было по меньшей мѣрѣ преждевременно. Пользованіе вмѣсто первоисточниковъ переводами поставило Стасова въ нѣкоторую зависимость отъ этихъ послѣднихъ, лишило возможности отнестись вполне самостоятельно къ своей задачѣ.

Отсутствіе правильнаго научнаго метода, предвзятая точка зрѣнія, незнакомство съ первоисточниками, естественно, въ значительной степени, должны были дурно отразиться на выводахъ изслѣдователя. И дѣйствительно, большая часть

изъ нихъ поражаетъ своею парадоксальностью и голословностью. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ третьей части своего изслѣдованія Стасовъ говоритъ, что богатыри «не чувствуютъ ни стыда ни ревности, ни любви, ни удивленія, ни состраданія»¹⁾. Между тѣмъ, въ предыдущихъ главахъ «Происхожденія русскихъ былинъ» можно найти не мало примѣровъ, служащихъ прямымъ возраженіемъ только что приведенному утвержденію. Завава Путятишна, войдя въ теремъ Соловья Будиміровича, испугалась, т. е., какъ это видно изъ послѣдующаго, застыдилась²⁾; изъ ревности Добрыня отсѣкает саблей острою руки, ноги, губы, носъ, груди у своей жены Марины, приговаривая: «не надобны мнѣ онѣ; служили онѣ Змѣй-Горынычу»³⁾; надѣясь на состраданіе Ильи, князь Владиміръ умоляетъ его смилостивиться и оказать помощь противъ татаръ⁴⁾; самоубійство Дуная, кажущееся столь непонятнымъ Стасову⁵⁾, объясняется естественнымъ отчаяніемъ богатыря, сознающаго свою вину и т. п.

Одно изъ доказательствъ заимствованія былинъ Стасовъ видитъ въ томъ, что народъ, игравшій видную роль въ древне русской исторіи, совершенно отсутствуетъ въ богатырской пѣснѣ, какъ дѣйствующее лицо. Это утвержденіе оказывается чисто голословнымъ. Извѣстна былина о томъ, какъ Черниговцы, или, по другому варианту, мужики Бекетовцы, освобожденные Ильею отъ осаждающаго врага, всѣмъ народомъ предлагаютъ ему быть у нихъ воеводою; когда Горденъ слишкомъ расходился и перебилъ много киевлянъ—

Втапоры донесли народъ Киевскій

Честной вдовѣ⁶⁾,

и нѣк. друг. проявленія народной воли. Что касается до сравнительно небольшого количества подобныхъ упоминаній, то это легко можетъ быть объяснено постепеннымъ ограниченіемъ въ исторіи народныхъ правъ. Что касается до отсутствія въ былинахъ описаній татарскихъ нашествій, то для

¹⁾

²⁾ В. Е. 68 г. 2 с. 697. ³⁾ В. Е. 68 г. 2 с. 649.

⁴⁾ В. Е. 68 4 с. 663. ⁵⁾ Ibidem. с. 677.

⁶⁾ Кирѣевскій. Пѣсни IV с. 61.

возраженія Стасову можно указать на слѣдующее мѣсто изъ былины о Калинѣ-царѣ:

Не дошелъ онъ до Кіева за семь верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра,
Собиралось съ нимъ силы на сто верстъ,
Во всѣ тѣ четыре стороны.

Зачѣмъ мать-сыра земля не погнется,
Зачѣмъ не раступится?

А отъ пару было отъ конинаго,
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видитъ луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу татарскаго

Не можно крещенымъ намъ живымъ быть¹⁾.

Въ разборѣ труда Стасова Буслаевъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за его положеніями о восточномъ происхожденіи той или иной былинной подробности и своими возраженіями заставляеть если не совершенно отвергнуть ихъ, то принять со значительными ограниченіями²⁾.

«Происхожденіе русскихъ былинь» вызвало цѣлую бурю негодованія между учеными, занимавшимися русскимъ былевымъ эпосомъ. Первые возраженія противъ Стасова были сдѣланы Гильфердингомъ, Безсоновымъ и О. Миллеромъ. Возникла горячая полемика, не рѣдко переходившая на чисто личную почву. Возражая имъ, Стасовъ дошелъ до того, что сталъ выводить даже весь западно-европейскій эпосъ съ востока. «Что было принесено къ намъ на востокъ Европы», писалъ онъ въ статьѣ «Блестящій триумфировать»: «то самое было принесено въ Западную Европу въ другія времена, другими народами и, облекшись въ собственныя европейскія формы, все таки, удержало первоначальный восточный скелетъ свой»³⁾. Къ первымъ противникамъ Стасова

¹⁾ Сбор. Кир. Данилова изд. Суворина с. 196—97.

²⁾ Если даже и допустить фактъ заимствованія русскими основъ былевого поэзіи съ востока у монголо-тюркскихъ племенъ, остается совершенно непонятнымъ какъ могло произойти что заимствованіе, когда общеніе съ этими племенами происходило, главнымъ образомъ, черезъ толмачей.

³⁾ С. П. В. Рядомости 1868 г. № 189.

вскорѣ присоединились: А. Веселовскій, В. Миллеръ, Буслаевъ, Шифнеръ, Розовъ, Котляревскій, и его оригинальная теорія была совершенно уничтожена.

Въ 1869-мъ году Стасовъ представилъ свою работу въ Академію наукъ для соисканія Уваровской преміи. Рецензеты, академики Шифнеръ и особенно Буслаевъ, еще разъ подвергли критикѣ взгляды автора «Происхожд. русскихъ былинъ» и, не смотря на многія неправильности его обобщеній и выводовъ, признали его достойнымъ Уваровской награды (меньшей)¹⁾ «Особеннаго вниманія», говорилось въ одной изъ рецензій: «заслуживаетъ критическій его взглядъ на русскихъ богатырей. Возставъ противъ національныхъ выводовъ прежнихъ изслѣдователей, выставивъ сентиментальность, съ которою они старались характеризовать Добрыню, Илью Муромца и прочихъ богатырей, этихъ, по ихъ мнѣнію, представителей разныхъ сторонъ древне - русскаго быта, г. Стасовъ черезъ это самое заставляеть хладнокровнѣе смотрѣть на особенности нашей эпической поэзіи²⁾». Въ этихъ словахъ академическаго рецензента заключается объясненіе историческаго значенія «Происхожденія русскихъ былинъ». Появившись во время всеобщаго увлеченія мифологической и историко-символической съ патріотическимъ оттѣнкомъ теоріями, Стасовъ, впавшій въ другую крайность, своей теоріей заимствованія русскаго эпоса съ востока, заставилъ изслѣдователей разностороннѣе взглянуть на предметъ и во всякомъ случаѣ считается если не съ новымъ взглядомъ на былины, то съ тѣмъ фактическимъ матеріаломъ изъ восточныхъ легендъ и сказаній, который онъ указалъ въ своемъ изслѣдованіи. Стасовъ первый изъ изучающихъ русскій былевой эпосъ привлекъ для сравненія съ нимъ массу индійскихъ, тюркскихъ и калмыцкихъ произведеній народнаго творчества и, такимъ образомъ, намѣтилъ цѣлую новую область параллельныхъ сюжетовъ къ русскимъ былинамъ. Вызванная имъ горячая полемика побудила его против-

¹⁾ Собственно одинъ Шифнеръ, мнѣнію котораго и послѣдовала Академія Буслаевъ призналъ его заслуживающимъ почетнаго отзыва.

²⁾ Статья Шифнера. Отт. 12 прис. Ув. наг. с. 195.

никовъ сильнѣе задуматься надъ своими взглядами и искать для нихъ новыхъ доказательствъ и обоснованій, другими словами, оригинальный трудъ Стасова, указавшій многія смѣшныя стороны въ предшествовавшихъ объясненіяхъ богатырей, вызвалъ пересмотръ взглядовъ на былевую поэзію. Рамбо справедливо писалъ о трудѣ Стасова, «что такія изслѣдованія двигаютъ науку, возбуждая сомнѣнія, открывая новые пути, усиливая рвеніе ученыхъ ¹⁾».

Изслѣдованіе Стасова «Происхожденіе русскихъ былинъ», между прочимъ, побудило его противниковъ заняться вопросомъ объ отношеніи былевыхъ пѣсенъ къ южной Руси и сохранившимся тамъ памятникамъ народнаго творчества. Этотъ вопросъ впервые былъ поднятъ во второй половинѣ пятидесятихъ годовъ Погодинымъ въ «Запискѣ о древнемъ языкѣ русскомъ» ²⁾, гдѣ онъ утверждалъ, что въ Малороссіи не знаютъ былинъ. «Малороссія есть народъ самый пѣвучій: почему же не сохранилось у нихъ никакихъ пѣсенъ о древнемъ нашемъ времени. между тѣмъ какъ эти пѣсни о Владимірѣ и его витязяхъ поются у насъ вездѣ, въ Архангельскѣ и Владимірѣ, Костромѣ, и Сибири» ³⁾. На основаніи, между прочимъ, этого Погодинъ заключилъ, что въ Малороссіи до татарскаго ига жили великоруссы, переселившіеся въ XIII, XIV вв. на сѣверъ. Возражавшіе Погодину объясняли исчезновеніе былинъ сильнымъ дѣйствіемъ на народное воображеніе позднѣйшихъ историческихъ событій, пѣсни о которыхъ вытѣснили древнѣйшія былины, и въ немногихъ случаяхъ пытались указать въ малорусскомъ народномъ творествѣ отзвуки богатырскихъ пѣсенъ. Стасовъ утверждалъ, что былины не оставили слѣдовъ на югѣ Россіи и видѣлъ въ этомъ одно изъ доказательствъ заимствованія ихъ сѣверо-восточными великоруссами съ востока отъ тюркскихъ кочевниковъ. О. Миллеръ, наиболѣе горячо возражавшій Стасову, рѣшилъ выдвинуть на сцену вопросъ объ отношеніи былинъ къ южно-рус-

¹⁾ Rambaud. La Russie épique p. 193.

²⁾ Ив. Ал. Н. по отд. рус. яз. и слов. т. V с. 70—92.

³⁾ ib. с. 77.

ской народной словесности и внесъ въ программу третьяго археологическаго съѣзда, состоявшагося въ Кіевѣ въ 1873-мъ году, слѣдующій вопросъ: «не сохранились-ли въ южной Руси какіе-либо остатки былевого эпоса Владимірова, если не въ пѣсенной, то хотя-бы въ сказочной формѣ, если не въ устахъ народа, то въ какихъ-либо рукописныхъ сборникахъ»¹⁾. На самомъ съѣздѣ покойный О. Миллеръ прочелъ на эту тему рефератъ, посвященный сближенію только что изданныхъ малорусскихъ пѣсень подѣ редакціей пр. Антоновича и Драгоманова съ великорусскими былинами. Слѣдовъ послѣднихъ, по мнѣнію О. Миллера, болѣе всего оказывается въ думахъ, воспѣвающихъ борьбу казаковъ съ татарами. Сюда прежде всего относится дума о Байдѣ, изображенномъ съ чисто богатырскими чертами. Подобно героямъ былинъ, онъ гуляетъ совершенно по богатырски, отличается мѣткой стрѣльбой — нѣкоторые варианты этой думы очень близки къ великорусскимъ былинамъ о Василии Игнатьевичѣ. Прозваніе героя малорусской думы (Байда) однозначуще съ прозваніемъ одного великорусскаго богатыря Потыкомъ; эти два лица сближаются еще и нѣкоторою общностью событій изъ своей жизни (измѣна жены, пригвожденіе къ стѣнѣ). Герой думы о бурѣ на Черномъ морѣ напоминаетъ своими нѣкоторыми чертами Алешу Поповича. По инымъ вариантамъ этой думы, онъ оказывается также поповичемъ, «въ грамотѣ поученымъ человѣкомъ», его положеніе напоминаетъ Садко купца. Бой казака Голоты, или Саввы Чалаго съ татарами представляется уже чисто богатырскимъ поединкомъ. Въ думахъ болѣе поздней поры О. Миллеръ отмѣчаетъ нѣкоторые отдѣльные мѣста, совпадающія съ былинными приемами и описаніями. Что касается до пѣсень вѣка дружиннаго и княжескаго, то референтъ находитъ ихъ не проливающими ни малѣйшаго свѣта на вопросъ о древности и національности нашихъ былинъ: «мысли о какой-либо службѣ землѣ тутъ и въ поминѣ нѣтъ, той мысли, которая, составляя основу эпоса древне-Кіевскаго,

¹⁾ Программа 3-го археол. съѣзда с. 15 № 39.

сказывается и въ казацкомъ¹⁾. Рефератъ заканчивается слѣдующими замѣчаніями о связи великорусской и малорусской народной поэзіи: «Русь восточная и русь сѣверная, воспринявъ героическій эпосъ отъ Руси южной, сумѣла его пронести черезъ рядъ вѣковъ, наложивъ на него, конечно, не мало своихъ наслоеній, въ значительной степени осуровивъ подъ множествомъ тяжкихъ вліяній его первенствующаго богатыря, но все-же сохранивъ въ немъ существенныя черты челоѣчности и любви къ свободѣ... Въ передѣланныхъ великоруссами старыхъ богатырскихъ былинахъ южнорусъ и теперь можетъ узнавать ихъ, сочувственную по своей челоѣчности, старо-кіевскую основу... Словомъ, былины и думы — это двѣ вѣтви, выросшія не одновременно и не въ одинаковый срокъ на одномъ и томъ-же деревѣ, томъ великомъ деревѣ, подъ широкую сѣнь котораго, по свидѣтельству нашихъ лѣтописцевъ, одинаково склонялись главою князья и народъ. Имя этому дереву-земля святорусская, наша общая государственная матушка»²⁾.

Рефератъ О. Миллера вызвалъ горячіе протесты со стороны Драгоманова и Житецкаго. Послѣдній въ день закрытія сѣзда возражалъ О. Миллеру, указывая на то, что малорусскія думы сложились подъ вліяніемъ эпохи казачества въ сравнительно новое время и потому не могутъ быть поставлены въ преимущественную связь въ былинами, возникшими на сѣверѣ. Драгомановъ указывалъ, что параллели къ былинамъ слѣдуетъ искать не въ думахъ, а въ южно-русскихъ обрядовыхъ пѣсняхъ и особенно сказкахъ, являющихся часто разложившимся или разлагающимся богатырскимъ эпосомъ. Издавая въ 1876-мъ году «Малорусскія народныя преданія и рассказы», онъ даже выдѣлилъ въ отдѣльную часть повѣсти, похожія на сказки, называемыя у народа былью (былицею), которыя, по его мнѣнію «весьма аналогичны съ великорусскими былинами»³⁾.

Выясненію вопроса объ отношеніи былинъ къ малорус-

¹⁾ Труды 3-го археол. сѣзда т. II с. 299.

²⁾ Труды 8-го археол. сѣзда т. II с. 396.

³⁾ Малорус. народ. преданія и рассказы. Предисл. с. XXII.

скимъ сказкамъ и преданіямъ посвящена статья Петрова: «Слѣды сѣверно-русскаго былевого эпоса въ южно-русской народной литературѣ» ¹⁾. Авторъ ссылается на малорусскія сказки, гдѣ слово «богатырь» употреблено въ такомъ-же смыслѣ, какъ въ великорусскомъ языкѣ, припоминаетъ свидѣтельство Эриха Лясоты; который, при упоминаніи о гробницѣ Ильи Муромца въ Кіевѣ, говоритъ, что о немъ тамъ и въ его время рассказывали много басенъ, и указываетъ параллели нѣкоторымъ былиннымъ представленіямъ въ южно-русской народной литературѣ. Такъ, преданія «Упырь и Николай», «Побѣдитель змѣи и дракона», «Три слова» имѣютъ сходство съ былинами о Садкѣ. Разсказъ о встрѣчѣ Ильи съ Соловьемъ-разбойникомъ сохранился и у малорусскаго народа (см. «Кіевл.» 66 г. № 6). Не безызвѣстны были южной Руси и былины о такъ называемыхъ богатыряхъ старшихъ. Эпизодъ смерти Святогора сохранился въ сказкѣ «Наталія прекрасная». Есть также у малороссовъ сказанія о происхожденіи рѣкъ отъ человѣческихъ существъ, подобно былинамъ о Донѣ и Дунаѣ, а въ Борзенскомъ уѣздѣ Черниговской губ. даже сохранилась дѣвичья игра «удовець», гдѣ фигурируетъ вдовець Дунай, сходный съ былиннымъ Дунаемъ. Малорусскій обрядъ чествованія плуга слѣдуетъ поставить въ связь съ былинами о Микутѣ и т. д. Въ своей статьѣ Петровъ пошелъ по пути, указанному Драгомановымъ, и оставилъ въ сторонѣ сближеніе думъ и былинъ, могущее дать не лишеныя значенія указанія для рѣшенія вопроса о южно-русскомъ происхожденіи богатырскихъ пѣсенъ. При всей справедливости утвержденія Житецкаго, съ которымъ вполне соглашался и О. Миллеръ, объ историческомъ, главнымъ образомъ, значеніи малорусскихъ думъ, нельзя отрицать того, что въ этихъ думахъ, при всей реальности содержанія ихъ, легко могли сохраниться слѣды болѣе древняго народнаго эпоса. «Извѣстно, что историческій періодъ народной жизни всегда возникаетъ изъ предшествовавшаго героическаго, слѣды котораго могутъ, до нѣкоторой степени, сохраниться въ историческихъ пѣсняхъ.

¹⁾ Труды Кіевск. Дух. Ак. 1878 г. 5.

VI.

Сборники былинь, собранныхъ Кирѣевскимъ и Рыбниковымъ, дали обильный матеріалъ изслѣдователямъ русскаго богатырскаго эпоса для различныхъ гипотезъ и обобщеній касательно этого наиболее трудно объясняемаго вида народной поэзіи. Въ теченіе шестидесятихъ годовъ нашего столѣтія почти одновременно существовали три различныхъ направленія объ изученіи былинь: мифологическое, или, какъ называли его сами мифологи (Буслаевъ), сравнительно-историческое, историческое и направленіе, отстаивавшее теорію о заимствованіи былинь съ востока. Ученые обмѣнивались мнѣніями, вели полемику, думая, что собранный матеріалъ представляетъ собою весь сохранившійся былевой эпосъ. Между тѣмъ, въ 1873-мъ году въ Петербургѣ появились въ печати новыя данныя былеваго творчества — «Онежскія былины» Гильфердинга. Издавна плѣняемый желаніемъ послушать нашихъ народныхъ рассодовъ, покойный славистъ А. Θ. Гильфердингъ лѣтомъ 1871-го года отправился въ Олонецкую губ. и тутъ, увлекшись первымъ встрѣтившимся сказателемъ, сталъ записывать былины и въ теченіе 48 дней записалъ ихъ отъ 70-ти пѣвцовъ до 318-ти! Онъ записывалъ ихъ съ пѣнія, а не съ «пословесной» передачи, какъ это дѣлалъ Рыбниковъ и другіе его предшественники. Прекрасно составленный и изданный ¹⁾ сборникъ Гильфердинга является образцовымъ, которому, по замѣчанію О. Миллера ²⁾, едва-ли найдется подобный въ западной Европѣ. Собиратель «Онежскихъ былинь» сумѣлъ очень искусно записывать ихъ, сохраняя размѣръ и многія частности, сгладившіяся у прежнихъ изслѣдователей. Правописаніе почти повсюду принято фонетическое; былины расположены не по предметамъ, а по сказителямъ, при чемъ указаны всегда мѣсто и время записи, а также приложены необходимыя свѣдѣнія о пѣвцахъ. Въ

¹⁾ При жизни Гильфердинга былъ напечатанъ только 21 листъ его Сборника; изданіе закончено подъ наблюденіемъ П. А. Гильдебранта, принимавшаго участіе и въ печатаніи первой его половины.

²⁾ Исторія рус. словесности Галаховъ 1 с. 31

началъ сбор. помѣщена статья собирателя: «Олонец. губ. и ея народные рапсоды».

Матеріалъ для изслѣдованій, такимъ образомъ, значительно расширился; появилось много новыхъ интересныхъ по своей древности вариантовъ и нѣсколько совсѣмъ неизвѣстныхъ былинь.

Одновременно съ увеличеніемъ былиннаго матеріала въ наукѣ зрѣло и новое направленіе для объясненія ихъ. Къ семидесятымъ годамъ востоящаго столѣтія, когда стали извѣстными новыя теоріи Бенфея о заимствованіи однимъ народомъ у другого словесныхъ произведеній, на первый планъ выдвинулся сравнительный методъ изслѣдованій, старающійся опредѣлить генезисъ и пути различныхъ поэтическихъ мотивовъ въ ихъ постепенномъ развитіи. Этотъ методъ значительно окрѣпъ, благодаря трудамъ Маннгардта, направленнымъ въ послѣднее время на сравнительное изученіе обрядовъ и повѣрій, и Эстерлея, занявшагося подобнымъ-же изученіемъ сказокъ и легендъ. Въ то-же время, какъ въ западной Европѣ, такъ и въ Россіи ученые филологи усердно занялись разработкою и изданіемъ старинныхъ письменныхъ памятниковъ древней литературы и тщательнымъ ихъ изученіемъ въ связи съ произведеніями народнаго творчества. Результаты этого новаго научнаго движенія не замедлили сказаться и на изученіи былевого эпоса, выставивъ на видъ односторонность и невѣрность прежнихъ толкованій. Прежніе изслѣдователи, если пытались дѣлать сближенія литературныхъ сюжетовъ съ былинами, то только въ очень немногихъ случаяхъ (напр. былина о 40 каликахъ и исторія библейскаго Іосифа) и видѣли въ указанныхъ параллеляхъ исключительные факты заимствованія; въ общемъ признавалось, что былина есть нѣчто самостоятельное отъ сюжетовъ книжно-литературныхъ съ христіанско - легендарной или какой другой окраской. На самомъ-же дѣлѣ это было не такъ. Какъ былины, такъ и церковно-народныя легенды и другіе письменные литературные памятники подобнаго рода обращались въ одной и той-же средѣ и въ силу этого легко

могли сливаться. Это сліяніе на былевой поэзіи могло отразиться, какъ въ новыхъ наслоеніяхъ на старые сюжеты, такъ и въ созданіи новыхъ повѣствованій въ духѣ и стилѣ существующихъ «старинъ». На все это обратили вниманіе представители новаго направленія въ изученіи эпоса. Оказалось, что то, что прежде принималось за чисто славянскій или русскій мифъ, имѣло своимъ источникомъ какой-ниб. литературный сюжетъ, заимствованный у близкихъ или дальнихъ сосѣдей. Многое, признаваемое прежде исконною собственностью русскаго народнаго творчества, будучи подвергнуто анализу сравнительнаго изслѣдованія, оказалось заимствованнымъ и, наоборотъ, то, что прежде выдавалось за заимствованное, теперь представилось несомнѣнно принадлежащимъ русскимъ, при всемъ общемъ сходствѣ съ произведеніями другихъ народовъ.

Такія и подобныя открытія вызвали среди русскихъ ученыхъ стремленіе еще разъ пересмотрѣть труды прежнихъ изслѣдователей и провѣрить ихъ выводы новыми данными, добытыми сравнительнымъ изученіемъ. Изученіе былинь вступило въ новый фазисъ развитія, продолжающійся и до сихъ поръ. Прежде всего, оказалось нужнымъ провѣрить мнѣнія старыхъ изслѣдователей и рѣшить, что именно въ нихъ имѣло непреходящее значеніе и что было ошибочнымъ. Ни историческая, ни мифологическая, ни теорія заимствованія Стасова не могли быть приняты цѣликомъ для всего былевого эпоса. Для возможно правдоподобнаго объясненія былинь пришлось примѣнять то одну, то другую, то третью точки зрѣнія, придавъ также больше значенія факту перехода въ народную устную словесность сюжетовъ чисто книжнаго характера. Работа, такимъ образомъ, какъ бы была начата вновь. Трудно было говорить что-ниб. вообще о цѣломъ богатырскомъ эпосѣ, не изслѣдовавъ его еще разъ по частямъ. Поэтому, значительно большая часть новѣйшихъ трудовъ носитъ именно отрывочный, эпизодическій, монографическій характеръ, разрабатывая частности и съ большою осторожностью пытаясь давать болѣе или менѣе широкія обобщенія.

Первое мѣсто среди такихъ изслѣдованій безспорно принадлежитъ мастерскимъ трудамъ академика А. Н. Веселовскаго, съ каждымъ годомъ приобретающимъ все большее и большее значеніе. Ученикъ пр. Буслаева, Веселовскій въ самомъ же началѣ оставилъ миеологическую точку зрѣнія, присоединившись къ новому направленію западно-европейской науки въ дѣлѣ изученія фольклора. Миеологическое толкованіе народной поэзіи, по мнѣнію Веселовскаго, должно быть примѣняемо прежде всего къ тому, къ чему самъ народъ относится, какъ къ своему вѣрованію, къ заговору, обряду, обрядовой и дѣтской пѣснѣ. Только добывъ здѣсь болѣе или менѣе прочныя основы, изслѣдователь можетъ обратиться къ другимъ родамъ народной поэзіи, сказкѣ, былинѣ. Обыкновенно миеологи очень широко пользуются для своихъ обобщеній народными сказками и богатырскими пѣснями, цѣликомъ объясняя ихъ миеомъ, но на самомъ дѣлѣ тутъ далеко не все можетъ быть объяснено миеически: «миеъ только закрѣплялъ въ болѣе широкіе образы обыденныя и общественныя отношенія и дальше сохранилъ ихъ, благодаря своей космической основѣ, тогда какъ въ жизни они либо не обращали на себя вниманія, либо уступали мѣсто другимъ и забывались»¹⁾. Но не всегда нуженъ былъ миеъ, чтобы сохранить надолго въ народной памяти несложныя житейскія отношенія первобытнаго человѣка: «сосѣднее-ли племя дѣлало набѣгъ, два витязя вступили въ единоборство или совершилась кровавая драма въ семьѣ старшины, дѣвушка была увезена и кто-ниб. отправился добывать ее и т. п. — обо всемъ этомъ должны были рассказывать или пѣть; фактъ, самъ по себѣ обычный, запечатлѣвался въ памяти, благодаря ассоціаціи съ историческими именами или обстоятельствами, имѣвшими мѣстный или племенный интересъ. Такимъ образомъ, слагался эпическій рассказъ или пѣсня — зародышъ народнаго эпоса»²⁾. Мало по малу историческія имена и названія мѣстностей сглаживались, и отъ былины въ прямомъ смыслѣ слова оставался чисто

¹⁾ В. Е. 73 г. 10 с. 10 с. 657. Сравнит. миеология и ея методъ.

²⁾ *ibidem* с. 663.

легендарный остовъ, не много тѣмъ отличающійся отъ сказки. Если въ такого рода былинахъ и замѣчаются, повидимому, искони миеическія черты, то это объясняется не первичной ихъ основой, а постепенными наслоеніями. Тутъ, во-первыхъ, играютъ большую роль такъ называемыя эпическія повторенія, которыя невольно переносятся рассказчиками изъ одного повѣствованія въ другое и которыя несомнѣнно играли важную роль въ исторіи развитія былевой поэзіи; во вторыхъ — осложненіе эпическихъ мотивовъ. «Заставьте любого сказочника или сказителя повторить вамъ нѣсколько разъ и, еще лучше, въ разное время одну и ту-же былинку или сказку. Всякій разъ онъ введетъ въ свой разказъ, иногда незамѣтно для себя, нѣчто новое, какую-ниб. подробность или лишнюю поѣздку. Онъ не сочиняетъ, а только путаетъ. У неумѣлыхъ сказочниковъ это путаніе доходитъ до того, что иной разъ сказки не узнаешь, такъ много сказокъ онъ смѣшиваетъ за разъ, по забывчивости, по бессознательному примѣшиванію одной подробности къ другой. Но вѣдь и тѣ сказки (былины), которыя мы считаемъ за хорошо сохраненныя и читаемъ въ печатныхъ изданіяхъ, сложились точно такимъ-же путемъ» ¹⁾. Благодаря двумъ указаннымъ причинамъ, слѣды миеа могутъ оказаться тамъ, гдѣ о немъ не можетъ быть и рѣчи, а неосторожные представители миеологической школы готовы строить цѣлыя теоріи на основаніи этихъ случайныхъ наслоеній, въ каждый моментъ могущихъ имѣть мѣсто. Таково то скептическое отношеніе А. Веселовскаго къ миеологическимъ объясненіямъ народнаго, былевого эпоса, которое онъ обнаружилъ въ первыхъ своихъ трудахъ по изученію народной старины и которое сохранилъ до послѣдняго времени. «Въ свое время», говоритъ Веселовскій о сравнительно-миеологическомъ изученіи народной словесности, «этотъ методъ сдѣлалъ великое дѣло, поставивъ изученіе народныхъ повѣрій на научную почву; но для того, чтобы миеологія сдѣлалась въ самомъ дѣлѣ положительною наукою, ему необходимо обно-

¹⁾ ib. с. 663.

виться постановкою новыхъ вопросовъ и болѣе критическимъ разборомъ матеріала, надъ которымъ онъ работаетъ» ¹⁾).

Громадная эрудиція въ западно-европейской старинной литературѣ параллельно съ солиднымъ знакомствомъ съ русской древней поэзіей дали Веселовскому возможность дѣлать самыя разнообразныя сближенія русскихъ былинъ съ иноземными литературными памятниками. Область сравненій у Веселовскаго чрезвычайно широка и обнимаетъ собою чуть ли не всю словесность европейскихъ народовъ. Самыя его изысканія носятъ глубоко научный характеръ и требуютъ отъ читателя изрядной подготовки въ изучаемомъ предметѣ. Послѣднія научныя данныя о трактуемомъ вопросѣ предполагаются извѣстными, и изслѣдователь продолжаетъ ихъ далѣе развивать или опровергать, не рѣдко прибѣгая къ цитатамъ на самыхъ разнообразныхъ языкахъ, подѣ часъ могущихъ быть знакомыми только специалисту. Въ его работахъ можно встрѣтить выдержки изъ древне-французской или нѣмецкой письменности, скандинавской саги, византійскаго житія, румынскихъ пѣсень, новогреческаго романа и т. п. Иногда эти цитаты занимаютъ нѣсколько страницъ, при чемъ читателю самому предоставляется справляться съ ихъ переводомъ.

Въ своихъ эпизодическихъ изслѣдованіяхъ русскаго былевого эпоса академикъ Веселовскій руководствуется, главнымъ образомъ, сравнительнымъ методомъ, нигдѣмъ до него не примѣняемымъ у насъ съ такою полнотою и совершенствомъ. Основаніемъ для предпочтенія этого метода у него служитъ убѣжденіе «въ глубокой связи преемства между первообразами народнаго творчества въ словѣ и мнѣіи и позднѣйшими формами сознательной литературы... Разойдясь изъ одной прародины, племена индо-европейской семьи унесли къ своимъ историческимъ сельбищамъ отпечатки одного и того-же языка, обломки одного и того-же первобытнаго мнѣя; память о доисторическомъ сожителствѣ этихъ племенъ опредѣлила общее сходство того и другого» ²⁾). Кромѣ этого общаго, исконнаго

¹⁾ Ibid с. 678.

²⁾ О сравнительномъ изученіи средне-вѣков. эпоса Ж. М. Н. П. 68 г. 11.

сходства въ народной поэзіи наблюдается еще другое, вызванное позднѣйшимъ историческимъ заимствованіемъ, образцомъ котораго можетъ служить наша сказка о Ерусланѣ Лазаревичѣ, являющаяся искаженіемъ Шахъ-Намэ, или легенда о Варлаамѣ и Іосафатѣ, воспроизводящая въ подробностяхъ житіе Гаутамы Будды. Но сходство между поэзіей различныхъ народовъ, или разнообразными видами народной словесности одного и того-же племени можетъ быть объяснено кромѣ первоначальнаго родства и позднѣйшаго заимствованія еще и одинаковыми культурно-историческими условіями жизни народовъ. Наоборотъ, различная историческая обстановка придавала самымъ разнообразнымъ чертамъ одной и той-же основѣ. Дѣло сравнительнаго метода рѣшить, какое изъ указанныхъ отношеній дѣйствительно въ каждомъ данномъ случаѣ.

Мы не предполагаемъ останавливаться на всѣхъ изслѣдованіяхъ А. Веселовскаго и приведемъ здѣсь только результаты его анализа былинъ о Святославѣ¹⁾, да изложимъ вкратцѣ содержаніе «Южно-русскихъ былинъ», чтобы уяснить характеръ его изслѣдованій. Путемъ сравнительнаго изслѣдованія Веселовскому удалось пролить свѣтъ на старшихъ богатырей, съ которыми никакъ не могли справиться предшествовавшіе изслѣдователи. Въ концѣ IX-го и въ началѣ X вв. на Руси въ большомъ количествѣ проникали, какъ книжнымъ, такъ и устнымъ путемъ отрывки византийскаго эпоса и апокрифическія легенды. «Это былъ міръ чудесныхъ подвиговъ, героевъ и чудовищъ, воинственныхъ дѣвъ — поленицъ... Въ пересказахъ русскихъ людей всѣ эти образы должны были отразиться съ чертами болѣе грубого реализма съ соответствіемъ съ умственнымъ развитіемъ новой среды... Наши старшіе богатыри собственно не наши — это «сила нездѣшная». Въ своей человѣческой мощи они смотрятъ на земскихъ богатырей, какъ на новое, имъ чуждое

¹⁾ Мнѣніе Веселовскаго о Святославѣ и богатыряхъ старшихъ въ высшей степени оригинально послѣ всего того, что было наговорено объ этихъ богатыряхъ предшествовавшими изслѣдователями.

поколѣніе, проходить передъ ними какъ-то таинственно-безучастно и также таинственно исчезаютъ»¹⁾). Старшихъ богатырей, по мнѣнію Веселовскаго, скорѣе всего слѣдуетъ отнести къ образамъ, заимствованнымъ русской народной поэзіею изъ указанной византійской основы. Стихъ объ Аникѣ-воинѣ, прототипъ котораго есть несомнѣнно новогреческая поэма о Дигенисѣ, имѣетъ много родственныхъ чертъ съ былинами о Святослѣвѣ. Самое имя этого богатыря указываетъ на его иноземное происхожденіе, т. какъ оно «не могло быть внушено преимущественно равниннымъ характеромъ русской мѣстности»²⁾). Все это даетъ право предполагать, что основа этихъ былинъ очень близка къ названной поэмѣ, или, по крайней мѣрѣ, одного съ нею происхожденія.

Въ 39-мъ томѣ Записокъ Императорской Академіи Наукъ³⁾) началось печататься замѣчательное изслѣдованіе Веселовскаго, посвященное южно-русскимъ былинамъ и явившееся результатомъ его занятій надъ составомъ и развитіемъ русскаго эпоса Владимірова цикла. Первоначально были напечатаны только двѣ части—I. «Михаилъ Даниловичъ и младшіе богатыри и II. «Илья Муромецъ и Соловей Будиміровичъ въ письмѣ XVI в.». Обѣ части, кромѣ того, раздѣлены на отдѣльныя главы. Относительно распредѣленія матеріала авторъ говоритъ, что оно «не отвѣчаетъ органической программѣ, выражающей идею былиннаго развитія», какъ эта послѣдняя ему представляется, на томъ основаніи, что повѣрочныя изслѣдованія могутъ повести къ ея, теперь не предусмотрѣннымъ, измѣненіямъ»⁴⁾). Въ этихъ двухъ частяхъ своего труда Веселовскій старается свести къ основной болѣе древней схемѣ нѣсколько вариантовъ одного и того-же былиннаго мотива. «Для нашей цѣли», говоритъ онъ: «было-бы достаточно, если-бъ намъ удалось возстановить содержаніе цикла пѣсенъ, связанныхъ общностью героя и единствомъ эпической темы, котораго отдѣльные отрывки дошли до нашей

¹⁾ В. Е. 75 г. 4 с. 714. Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ.

²⁾ названная статья с. 773.

³⁾ Илл. въ «Сбор. От. Р. Яз. и Сл.» т. 22. ⁴⁾ Предисловіе.

поры, раздробясь по разнымъ легендарнымъ и былиннымъ группамъ¹⁾. Чтобы достигнуть намѣченной цѣли, онъ беретъ различные варианты былинъ и близкихъ къ нимъ по содержанию легендъ и сказаній и старается, сопоставляя, отыскать ту схему, которая могла быть основной, прежде чѣмъ возникъ рядъ вариантовъ. Въ первой части рассматриваются: «сказаніе о золотыхъ вратахъ», былины о Михаилѣ Даниловичѣ, Василии Пьяницѣ, Ермакѣ, «исторія о 12-лѣтнемъ богатырѣ», такъ какъ все это однородный матеріалъ, имѣющій одну общую первооснову. Во второй части былины о Соловьѣ Будиміровичѣ сравниваются, для отысканія единого сюжета, съ сѣверно-и южно-русскими свадебными пѣснями.

Въ былинѣ «Михаилъ Даниловичъ и младшіе богатыри» академикъ Веселовскій останавливается на малорусскомъ сказаніи о «златыхъ вратахъ», съ цѣлью «дать болѣе прочныя основы» для сближенія Михаила Игнатьевича русской былины съ Михайликомъ малорусской легенды, которое пытались дѣлать Л. Н. Майковъ и О. Э. Миллеръ. До послѣдняго времени А. Веселовскій смотрѣлъ на малорусскую легенду о «златыхъ вратахъ», какъ на приуроченный къ Кіеву устный народный пересказъ книжнаго эпизода, заимствованнаго изъ позднѣйшихъ русскихъ текстовъ «Откровенія Мееодія» интерполированной редакціи. Новый текстъ русской былины о Михаилѣ Даниловичѣ (Игнатьевичѣ) заставилъ академика Веселовскаго прійти къ другому выводу. Приведя полный текстъ легенды въ редакціи Кулиша и различные варианты ея по записямъ Стоянова, Трусевича, Н. И. Костомарова и Драгоманова, онъ сводитъ къ общимъ чертамъ содержаніе легенды, выразившееся у него въ такомъ видѣ: 1) Михаилъ — юный богатырь. Онъ сильный богатырь. Въ пересказѣ Драгоманова онъ является въ какихъ-то неясныхъ, какъ будто родственныхъ отношеніяхъ къ Владимиру. 2) Татарове-юланове подходятъ подъ Кіевъ. 3) Недруги Михаила, Кіевляне, требуютъ его выдачи татарамъ. Онъ жалуется на поганую

¹⁾ *назв. соч.* с. 53.

злую раду Кіевлянъ. 4) Михаилъ выходитъ противъ татаръ. 5) Михаилъ побиваетъ татаръ-юланъ. 6) Онъ удаляется въ Царьградъ, или-же въ какія-то горы ¹⁾).

Изложивъ затѣмъ содержаніе былины изъ сборника Кирѣевскаго о Данилѣ Игнатьевичѣ съ сыномъ и былины о томъ-же богатырѣ изъ сборника Гильфердинга, авторъ приводитъ текстъ побывальщины, сохранившейся въ рукописи XVIII в., подъ заглавіемъ: «Исторія о Кіевскомъ богатырѣ сынѣ Даниловичѣ 12 лѣтъ». Оказывается, что эта «исторія» «есть не что иное, какъ прозаическій пересказъ былины» ²⁾ о томъ-же богатырѣ; мѣстами даже сохранились отдѣльные слова и выраженія, а также и старинный эпическій размѣръ, который легко можетъ быть восстановленъ послѣ удаленія ненужныхъ повтореній. Все это даетъ право Веселовскому пользоваться «Исторіей» при выводѣ схемы для содержанія пѣсенныхъ сказаній о Михаилѣ Даниловичѣ. Эта схема слѣдующая:

1) Михаилъ—юный богатырь; ему 12 лѣтъ.

2) Татары съ царемъ Уланищемъ подходятъ подъ Кіевъ.

3) Михаилъ выходитъ противъ нихъ. Владиміръ его останавливаетъ.

4) Михаилъ разбиваетъ татаръ и убиваетъ царище-Уланище.

5) Лихой оговорщикъ оклеветалъ его передъ княземъ, который его заточаетъ.

6) Михайло удаляется въ монастырь, не смотря на уговоры князя и обѣщаніе награды ³⁾. Если сопоставить эту схему съ выше приведеннымъ планомъ содержанія южно-русской легенды о Михайликѣ, то не трудно будетъ замѣтить ихъ близкое совпаденіе. Весьма возможно, что это двѣ редакціи одного и того-же сказанія, сохранившагося на сѣверѣ и югѣ Россіи. «Я предполагаю», замѣчаетъ авторъ: «что въ Кіевскомъ богатырскомъ эпосѣ дѣйствительно существовалъ рассказъ о малолѣтнемъ богатырѣ Михаилѣ, что онъ сохра-

¹⁾ I. а. ст. 11—12. ²⁾ I. а. 28. ³⁾ I. а. ст. 25.

нился въ великорусскихъ былинахъ о Михайлѣ Даниловичѣ, тогда какъ одна изъ редакцій подпала вліянію эсхатологическаго сказанія о послѣднемъ императорѣ (Откровеніе Мееодія) и обернулась малорусскою легендой о Михайликѣ¹⁾. Южно-русская редакція, не смотря на свой благочестиво-мистическій характеръ, «сохранила и отношенія древнѣйшей пѣсни зародившейся въ дружинномъ быту и преслѣдовавшей княжескіе интересы въ разрѣзъ съ интересами земства, вѣча, громады... Мы имѣемъ дѣло съ пѣснью «отзывающейся той порой, когда городская громада—вѣче могла еще изгонять князя-дружинника, а въ дружинной средѣ складывались пѣсни про князя, выжитаго трусливыми горожанами и одержавшаго блестящую побѣду на вражьемъ войскомъ». Порчи основного мотива можно скорѣе всего ожидать въ кругу сѣверно-русскихъ былинъ. «Отрѣзанные отъ почвы, на которой онѣ создались, отдѣленные цѣлыми вѣками отъ историческихъ отношеній, которыя воплотились въ нихъ впервые, онѣ по неволѣ должны были исказиться въ уровень съ новой исторической средой и той общественной и природной обстановкой, въ которой имъ суждено было доживать свою вѣковую жизнь». Къ этому времени порчи первоначальнаго сюжета слѣдуетъ, по всей вѣроятности, отнести и сословную характеристику богатырей, по которой Алеша сталъ сыномъ попа, Добрыня бояриномъ, Илья Муромецъ крестьяниномъ. Крестьянство первого русскаго богатыря «принадлежитъ, быть можетъ, сѣверно-русской порѣ эпоса... Въ XIII в. его знали еще ярломъ-дружинникомъ»²⁾.

Но къ былинамъ о Михайлѣ Даниловичѣ и къ южно-русской легендѣ о «золотыхъ вратахъ» очень близко стоятъ по содержанію былины о Ермакѣ и Василии Пьяницѣ. Разобравъ тѣ и другія, Веселовскій еще разъ даетъ общую схему древнѣйшей пѣсни, видоизмѣненную такимъ образомъ:

1) Михайль—юный богатырь.

2) Татары подходятъ подъ Кіевъ. Онъ въ нихъ стрѣляетъ. Татары требуютъ его выдачи.

¹⁾ 1. с. ст. 11. ²⁾ Тамъ. сочиненіе с. 37, 38, 39.

3) Михаилъ выходитъ противъ нихъ. Владиміръ останавливаетъ его, подноситъ ему чашу, общаетъ награды.

4) Михаилъ побиваетъ татаръ.

5) Его оговариваютъ.

6) Онъ удаляется въ монастырь ¹⁾).

Въ такомъ видѣ представляется содержаніе древнѣйшей пѣсни послѣ сличенія всѣхъ существующихъ пересказовъ. Но это не значитъ, что приведенной схемѣ соответствовала въ дѣйствительности цѣльная пѣсня. Веселовскій только возстановляетъ древнѣйшее содержаніе группы пѣсень, дошедшихъ до насъ въ отдѣльныхъ отрывкахъ.

На первыхъ страницахъ второй части изслѣдованія приводится текстъ «вѣстовой отписки» Кмиты изъ Орши (XVI в.), въ которой упоминается Илья Муромецъ. Это упоминаніе о главномъ богатырѣ въ бѣлорусской рукописи XVI в. имѣетъ значеніе, какъ матеріалъ для опредѣленія географическаго распространенія былевыхъ пѣсень въ XVI в. Но въ отпискѣ Кмиты на ряду съ Илью упоминается и Соловей Будиміровичъ, что даетъ поводъ нашему автору перейти къ былинамъ объ этомъ послѣднемъ. Разсмотрѣніе былинь объ этомъ богатырѣ интересно со стороны сопоставленія ихъ съ великорусскими и малорусскими свадебными пѣснями. Многія былиныя подробности, въ родѣ «зеленаго сада» княжеской племянницы, игры Соловья Будиміровича на гусяхъ, игры въ шахматы и нѣкоторыхъ другихъ въ значительной степени освѣщаются сопоставленіемъ ихъ съ символическою русскихъ свадебныхъ пѣсень. Въ основѣ былинь о Соловьѣ Будиміровичѣ, по мнѣнію А. Н. Веселовскаго, лежитъ «былина о брачной поѣздкѣ какого-то заморскаго молодца, прельщающаго свою невѣсту роскошными диковинками; это не былина объ увозѣ невѣсты. Что другое, какъ не брачный характеръ сюжета былъ поводомъ пѣвцамъ разработать его общими мѣстами свадебной символики... Необходимо предположить, что прошло много времени, прежде чѣмъ Илья Муромецъ и другіе богатыри собраны

¹⁾ Нав. соч. с. 51.

были на кораблѣ Соколѣ, т. е., сдѣлался возможнымъ синкретизмъ, обличающій упадокъ народной поэзіи. Если сопоставленіе Ильи и Соловья въ отпискѣ Кмнты позволено истолковать въ томъ смыслѣ, что оно было навѣяно какой-то изъ подобныхъ синкретическихъ былинъ, то слѣдуетъ предположить, что въ концѣ XVI в. былина о Соловьѣ была уже древнею».

Слѣдующія части (III—XI) «Южно-русскихъ» былинъ появились черезъ 3 года въ 36-мъ томѣ Сборника отдѣленія русскаго языка и словесности, издаваемого Академіей наукъ. Занимая собою болѣе 400 страницъ академическаго изданія, это изслѣдованіе состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ монографическихъ изысканій. Темы, привлечшія на этотъ разъ вниманіе автора, слѣдующія: III. Былины о Саулѣ Леванидовичѣ и греческая пѣсня объ Армуни. IV Былины объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ и старофранцузскій романъ объ Иракліи. V. Богатыри-суроужцы. Суровецъ-Суздалецъ и Чурила Пленковичъ. VI. Дюкъ Степановичъ и западныя параллели къ пѣснямъ о немъ. VII. Какъ перевелись на Руси богатыри. VIII. Царь Константинъ въ русскихъ и южно-славянскихъ пѣсняхъ. IX. Бой Ильи Муромца съ сыномъ. X. Алеша Поповичъ и Тугаринъ. Илья Муромецъ и Идолище. XI. Алеша «бабій пересмѣшникъ» и сюжетъ Цимбелина. Былины Владимірова цикла сопоставляются здѣсь съ самыми разнообразными произведеніями средневѣковой литературы и народной словесности. Многія подробности, бывшія прежде совершенно непонятными или истолковываемыя весьма сомнительно, получаютъ теперь новое освѣщеніе и объясненіе.

Третья и четвертая части, въ которыхъ разсматриваются былевые пѣсни о Саулѣ Леванидовичѣ и объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, выясняютъ намъ любопытный вопросъ объ отношеніи средне-греческаго эпоса къ нашимъ былинамъ. Въ третьей части авторъ приводитъ греческую былинку объ Армуни и разбираетъ ея подробности, съ цѣлью «разъяснить ближайшее сходство народно-поэтическихъ образовъ греческихъ и русскихъ былинъ въ чертѣ того общаго сходства, которое достаточно объясняется единствомъ эпического развитія».

Былины (ихъ двѣ) о Саулѣ или Саурѣ Леванидовичѣ и пѣсня объ Армути имѣютъ не мало чертъ, поражающихъ своею общностью. Въ греческой пѣснѣ мы находимъ ту-же, что и въ русскомъ богатырскомъ эпосѣ, неумѣренность, если позволено такъ выразиться, поэтическихъ сравненій, одинаковое вступленіе и развитіе одного и того-же сюжета, тождественныя детали. Всѣ эти аналогіи даютъ право возстановить для греческой и русской былины общій планъ:

1) Отецъ въ отлучкѣ въ плѣну.

2) Сынъ, родившійся въ его отсутствіе, сызмала¹⁾ проявляетъ богатырскую силу, ѣдетъ отыскивать отца, побиваетъ вражье войско.

3) Противъ него высылаютъ плѣнника-отца; поединокъ и спознаніе¹⁾).

Имена русской былины—Саулъ=Сауръ, Елена Азвяковна его жена, сынъ ихъ Константинъ указываютъ на «византійское пѣсенное или историческое преданіе, отразившееся въ нашемъ эпосѣ²⁾». Весьма возможно, что былина о Саулѣ имѣетъ въ основаніи какую-ниб. греческую пѣсню, въ родѣ пѣсни объ Армути, изображавшую битвы юнаго врага съ азіатскими врагами Византіи. Благодаря своей обособленности отъ Кіевского и Владиміровскаго центровъ, къ которымъ притануло почти все древнее содержаніе нашего эпоса, эта былина сохранила въ относительной свѣжести слѣды своего происхожденія въ именахъ дѣйствующихъ лицъ и Сарацинъ³⁾), которые въ одномъ русскомъ вариантѣ замѣняютъ татаръ.

Несомнѣнна также византійская основа нашихъ сказаній объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ. Веселовскій сопоставляетъ существующіе варианты былины объ Иванѣ Годиновичѣ, относящуюся сюда по общности содержанія сказку, нѣкоторые подходящіе эпизоды изъ другихъ былевыхъ пѣсней и приходитъ къ выводу, что въ старину объ этомъ лицѣ существовалъ цѣлый циклъ пѣсенъ, изъ котораго сохранились только былины о его состязаніи на коняхъ. «Иванъ Гостиный сынъ - сынъ

¹⁾ Южно-рус. былины II. с. 34. ²⁾ *ibid.* с. 34. ³⁾ *ibidem* с. 35.

вдовы, проданный матерью въ рабство; позднѣе мы встрѣчаемъ его при дворѣ Владиміра, онъ обладаетъ чудеснымъ жеребенкомъ, бьется объ закладъ о свою голову, что перескачетъ на немъ княжескихъ коней, и остается побѣдителемъ дѣла» ¹⁾).

Первоначальный планъ былины, восстановленный изъ вариантовъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1) Иванъ Гостинный сынъ родится отъ старыхъ, дотолѣ бездѣтныхъ родителей, вслѣдствіе ихъ молитвы и обѣта. Какой то старикъ научаетъ его, какъ достать жеребенка; быть можетъ, Ивану приписаны были и другія чудесныя познанія [сказка о доставаніи коня, былины о Ванькѣ Вдовкинѣ сынѣ).

2) Отецъ его умираетъ; его вдова продаетъ сына (былина объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ).

3) Иванъ является при дворѣ какого-то царя; онъ обладаетъ вѣщими заніями (былина объ Иванѣ Вдовкинѣ сынѣ), испытываетъ, въ запускъ съ царскими конями, быстроту своего жеребенка (былина объ Иванѣ Гостин. сынѣ).

4) Онъ указываетъ царю на его сверстницу невѣсту, оказывающуюся впослѣдствіи невѣрной женой ²⁾).

Но три первые отдѣла приведенной схемы для разсмотраемыхъ былинь совпадаютъ съ содержаніемъ старофранцузскаго романа (поэмы) объ Иракліи, въ основаніи котораго лежитъ византійское сказаніе. «Разница въ томъ, что поэма сохранила отдѣльные эпизоды въ связи, въ единствѣ цѣлаго, тогда какъ въ русскомъ пѣсенномъ преданіи являются лишь отрывки и намеки, кое-гдѣ связанные общимъ именемъ героя, но такъ слабо что лишь сравненіе съ византійско-французскимъ разсказомъ объ Иракліи дало намъ возможность признать въ разныхъ подробностяхъ былины эпизоды одного и того-же дѣйствія» ³⁾. Пока не отысканъ византійскій оригиналъ этой темы, но ея греческое происхожденіе несомнѣнно. «Я не утверждаю» продолжаетъ Веселовскій: «чтобы источникомъ нашихъ пѣсень объ Иванѣ Гостинномъ сынѣ былъ

¹⁾ I. с. ст. 50. ²⁾ ib. с. 54. ³⁾ ib. с. 65.

именно подлинникъ «Ираклія», и удовлетворяюсь гипотезой, что этотъ источникъ былъ близокъ къ тому подлиннику»¹⁾. Итакъ «византійская сказка проникла въ кругъ южно-русскихъ былинъ, принята была въ ихъ составъ, но подъ условіемъ новыхъ измѣненій и приуроченій»²⁾.

Указанная связь русскаго и греческаго эпосовъ съ исторической точки зрѣнія является вполне возможной и вѣроятной. Послѣ принятія отъ Византіи религіознаго ученія, древняя Русь вступила съ нею въ тѣсныя «культурныя, религіозныя, а затѣмъ, быть можетъ, и народно-поэтическія связи». Крымскія греческія колоніи только поддерживали эту связь. Если принять во вниманіе еще международное пѣсенное общеніе, сплавивающее средневѣковую Европу, когда византійскія новеллы не рѣдко уже въ X-мъ вѣкѣ заходили къ нѣмецкимъ шпильманамъ, а въ XII—XIII вв. германскій эпосъ зналъ даже нашего Илью, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и русскіе эпическіе пѣвцы могли позаимствовать что-нибудь изъ легендарныхъ и народно-поэтическихъ сюжетовъ Византіи. Тѣмъ не менѣе, трудно сказать опредѣленно, какими путями могли заходить къ намъ эти византійскіе сюжеты. «Пути могли быть разные, точно неуслѣдимые. Пѣсня не рѣдко заносится случайно, и эту возможность необходимо имѣть въ виду въ тѣхъ случаяхъ, когда пути болѣе прочнаго и постояннаго вліянія не указаны какими-ниб. историческими или географическими условіями, напримѣръ сосѣдствомъ. Такія условія представляла именно южная Россія»³⁾ своими греческими колоніями.

Отголоскомъ древнихъ связей съ византійскими колоніями является въ русскихъ былинахъ Сурожъ, древняя Сутдея и богатыри Сурожцы, къ разбору былинъ о которыхъ и переходитъ Веселовскій въ пятой части своего изслѣдованія. Суровецъ нашихъ былинъ не что иное, какъ дублетъ къ Сурожанину, а Суздалецъ — испорченное сурожанинъ по созвучію съ болѣе извѣстнымъ Суздалемъ; въ одной изъ былинъ Сузда-

¹⁾ с. 65. ²⁾ с. 67. ³⁾ ib. с. 69.

лецъ называется прямо «богатаго гостя заморенинъ сынъ», эпитетъ, который не имѣлъ бы смысла, если бы относился къ богатырю изъ расположеннаго вдали отъ морей Суздаля. Гостями-суроженцами въ былинахъ называются также и поселившіеся въ Крыму венеціанцы. Изложивъ съ подробными комментаріями и сопоставленіями содержаніе былинь о Суровцѣ, Веселовскій замѣчаетъ: «Общая основа этихъ пѣсенъ сводится къ тому, что молодой богатырь, выѣхавшій на полеванье, встрѣчается съ татарской ратью и побиваетъ ее. Если татары принадлежать подлиннику, а не замѣнили какого-ниб. болѣе древняго врага, и наше толкованіе Суровецъ-Сурожанинъ въ географическомъ значеніи слова было-бы признано вѣрнымъ, то легко указать и на историческую подкладку нашихъ былинь — во враждебныхъ отношеніяхъ татаръ именно къ Сурожу въ первой половинѣ XIII в.»¹⁾

Изъ Сурожа-же пріѣзжаетъ извѣстный заѣзжій щеголь нашихъ былинь Чурила Пленковичъ. Имя «Чурила» есть передѣлка имени «Кириллъ», а отчество «Пленковичъ» не что иное, какъ фонетическое измѣненіе «Франковичъ», отъ Франкъ. Чурило Пленковичъ, т. есть Кириллъ Франковичъ, является въ былинахъ гостемъ, поражающимъ своимъ блескомъ и культурными привычками, не рѣдко граничащими съ жеманностью и фиглярствомъ. Двадцать два пересказа пѣсегъ о Чурилѣ могутъ быть раздѣлены на слѣдующія пять группъ: а) Владиміръ въ гостяхъ у Чурилы, б) Чурила въ Кіевѣ на службѣ у Владиміра, в) эпизодъ съ Апраксіей на пиру, г) впечатлѣніе Чурилиной красоты, е) Чурила и Катерина. Третья изъ указанныхъ группъ дала матеріалъ для эпизода объ Апраксіи и Тугаринѣ. «Разсказъ о порѣзаніи рукъ болѣе у мѣста при Чурилѣ, и интересное наблюденіе, что большая часть параллелей къ этому мотиву встрѣчается въ области апокрифа, откуда нашъ эпосъ перенялъ и имя Амелфы Тимофѣевны, и Сафать—рѣку, и Леванидовъ крестъ и чашу калики Михаила»²⁾. Изъ всѣхъ былинь о Чурилѣ наиболѣе

¹⁾ Ib. ст. 75. ²⁾ Ib. с. 97.

популярнѣе эпизодъ о его романѣ съ Катериной, сохранившійся въ большомъ количествѣ вариантовъ. Вообще-же, иллюстрируя былины о Чурилѣ, «необходимо имѣть въ виду заѣзжаго гостя изъ франкского, т. е. итальянскаго Сурожа, и впечатлѣніе чужой блестящей цивилизаціи, увлекавшей однихъ, тогда какъ другіе находили для нея презрительное слово протеста»¹⁾ (Чурило сухоногое, бабами уплаканый и т. п.).

Слѣдующая часть занимается анализомъ былины о другомъ заѣзжемъ богатырѣ Дюкѣ Степановичѣ. Имя «Дюкъ» произошло отъ греческаго «Δούκας», первоначально употребляемаго въ значеніи титула, а впоследствии перешедшаго въ родное и собственное имя лица. «Все вообще содержаніе Дюковыхъ былины обличаетъ вліяніе сказанія объ Индійскомъ царствѣ»²⁾ пресвитера Іоанна, которое въ средніе вѣка пользовалось большою популярностію и было переведено почти на всѣ языки. Первоначально какой-ниб. пѣвецъ XII в. могъ представить себѣ, что византійскій императоръ лично, или черезъ пословъ возымѣлъ желаніе удостовѣриться въ чудесахъ Инціи, а «впоследствии вмѣсто него ходилъ туда-же посолъ или послы Владиміра, мотивомъ хожденія явилось не приглашеніе эпистоліи, а появленіе при дворѣ заѣзжаго молодца и его побѣдоносная похвальба»³⁾. Мать Дюка могла также появиться на русской почвѣ. Сравненіе пѣсенъ о Дюкѣ съ извѣстными редакціями сказанія заставляетъ видѣть въ первыхъ древнѣйшій архаическій типъ былины: «кіевское приуроченіе чувствуется слабо; Дюкъ въ Кіевѣ не уживается, для народной гордости не сдѣлано никакой уступки»⁴⁾. Не смотря, впрочемъ, на эту архаичность, рассматриваемыя былины носятъ на себѣ слѣды и позднѣйшаго эпического вліянія, каково, напримѣръ, появленіе въ нѣкоторыхъ пересказахъ Ильи въ роли помощника Дюка. Эта роль перваго русскаго богатыря совершенно не выдержана и вызвана позднѣйшимъ центральнымъ положеніемъ его въ Кіевскомъ эпосѣ. Въ былинѣ сказывается также вліяніе лубочной сказки съ подробностями западнаго турнира въ томъ

¹⁾ Навв. соч. ст. 123. ²⁾ *ib.* с. 190. ³⁾ *ib.* с. 196. ⁴⁾ — — —

мѣстѣ, гдѣ говорится о сѣздѣ богатырей на княжескій дворъ и ихъ воинственныхъ играхъ. Наконецъ, описаніе Дюкова царства съ его дворомъ, тремя церквами и тремя теремами напоминаетъ подобныя-же описанія въ малорусскихъ колядкахъ; скачка на конѣ также находитъ себѣ параллель въ малорусскихъ и румынскихъ колядкахъ. Эти параллели будутъ понятны, если вспомнить, что во время годовыхъ или бытовыхъ празднествъ легко могли распѣваться пѣсни былиннаго и баладнаго характера: «попадавшіеся въ колядкахъ мотивы сказокъ и чудесныхъ чертоговъ, можетъ быть, — обобщившіеся отзвуки этихъ пѣсенъ»¹⁾. Такимъ образомъ, оказывается несомнѣнной иноземная основа былинъ о Дюкѣ. Что касается до времени перехода этихъ сказаній въ Россію, то они могли быть занесены въ XII в. изъ Галича, торговаго центра того времени. «Съ переходомъ былинъ изъ Галича въ Кіевъ присталъ къ Индіи Волинець, въ дальнѣйшемъ перенесеніи на сѣверъ — къ тому и другому еще и Корели»²⁾.

Въ старофранцузской литературѣ имѣется преданіе о путешествіи Карла Великаго въ Іерусалимъ и Константинополь, которое, какъ и наши былины о Дюкѣ, имѣло далекій общій съ ними оригиналъ съ несомнѣнными чертами Посланія Пресвитера Іоанна. Но существенная разница между пѣснями о Дюкѣ и французскими сказаніями о хожденіи Карла Великаго заключается въ томъ, что въ послѣднихъ появляется царь-пахарь, неизвѣстный былинамъ о Дюкѣ. Этотъ царственный землепашецъ Гугонъ сохранился въ загадочномъ Микулѣ Селяниновичѣ. «Плугъ Микулы — несомнѣнно плугъ Гугона: послѣдній бросаетъ его на полѣ безъ призвѣнія, потому что въ его странѣ это безопасно: его не украдутъ, хоть лежи онъ семь лѣтъ; въ пѣснѣ этотъ мотивъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что никто, кромѣ Микулы, не въ состояніи вытащить его изъ борозды... Гугонъ выпрягаетъ воловъ и спѣшитъ впередъ, въ Константинополь верхомъ на мулѣ; Карлъ подѣвзжаетъ позже; въ былинѣ Микула ѣдетъ на кобылѣ, выпряженной

¹⁾ с. 171. ²⁾ с. 172.

изъ шута, но ѣдетъ такъ быстро, опереживая Волха, что эта часть разсказа обратилась безъ всякаго внутренняго повода въ поѣздку въ запуски ¹⁾. Примкнувъ къ Владимірову циклу, эта былина подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ: Вольга сталъ племянникомъ князя и ѣдетъ собирать дань съ подвластныхъ городовъ, а Микула помогаетъ ему. Въ слѣдующихъ отдѣлахъ «Южно-русскихъ былинъ» Веселовскій переходитъ отъ пришлыхъ сюжетовъ къ чисто русскимъ мотивамъ нашего эпоса и останавливается на былинѣ «какъ перевелись на Руси богатыри».

Авторъ приводитъ интересныя параллели къ этой былинѣ изъ болгарскихъ и византійскихъ сказаній о гибели христіанскаго царства. Общая схема этихъ сказаній сводится къ слѣдующему: христіанское государство должно погибнуть за грѣхи; приближаются непріатели, но опасности не замѣчаютъ; богатырская сила не въ силахъ противиться все возрастающему по волѣ небесъ врагу, и царство гибнетъ. «Если въ этомъ разсказѣ подставить вмѣсто татаръ турокъ, мы приведемъ къ основнымъ очертаніямъ нашего пѣсеннаго эпизода о гибели богатырей ²⁾. Итакъ, весьма возможно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ обще-народныхъ эпическихъ сюжетовъ, приуроченнымъ къ историческому событію, въ данномъ случаѣ—къ битвѣ на Калкѣ. Объ этомъ страшномъ пораженіи сохранилось лѣтописное свидѣтельство, стоящее въ несомнѣнной связи съ былиной. «Послѣдняя могла существовать до лѣтописнаго разсказа, съ которымъ была невольно сблизена по аналогіи событій, которому отдала нѣсколько эпическихъ именъ ³⁾. Но вѣроятнѣе, что страшная битва, въ которой, по словамъ лѣтописи, «всѣ побіены быша», вызвала пѣсню покаяннаго характера, по которой пораженіе явилось, какъ наказаніе за грѣхи православнымъ; долина Калки обратилась въ долину страшнаго суда Іосафатову, и вслѣдствіе этого съ теченіемъ времени и Калка стала Сафатомъ. Пѣсня возникла первоначально на югѣ и позднѣе на сѣверо-востогѣ

¹⁾ с. 248. ²⁾ с. 274. ³⁾ с. 278.

была включена въ составъ лѣтописи; тогда же, вѣроятно, и Алеша, главный виновникъ пораженія, былъ приуроченъ къ областнымъ мѣстнымъ отношеніямъ и сталъ Ростовцемъ. Общія черты нашей былины и указанныхъ византійско-болгарскихъ аналогичныхъ преданій «надо будетъ объяснить либо изъ общихъ мѣстъ народной поэтики, либо воздѣйствіемъ какой-ниб. посторонней пѣсни сходнаго содержанія»). Въ греческихъ и болгарскихъ сказаніяхъ о гибели христіанскаго царства, какъ и во многихъ мѣстахъ русскаго эпоса, является царь Константинъ. Причиной эпической популярности этого имени является обиліе Константиновъ въ Византійской исторіи; необходимое слѣдствіе этой популярности есть обращеніе историческаго имени въ эпонимъ.

Къ былинамъ о гибели богатырей по сообщности схемы примыкають пѣсни о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, къ которымъ и переходитъ Веселовскій въ IX-й части своего изслѣдованія. Разбивъ ихъ на нѣсколько группъ, онъ приводитъ для сравненія древне-нѣмецкую пѣсню о Гильдебрантѣ и Гадубрантѣ, трактующую тотъ-же самый эпическій мотивъ, что и разсматриваемыя былины. «Если отвлечь отъ пересказа Тидрексаги приміряющей исходъ повѣсти о боѣ.... то получится схема, во всемъ отвѣчающая русскимъ былинамъ²⁾», изложеннымъ въ одной изъ группъ. Въ древнѣйшемъ оригиналѣ былины «кіевское приуроченіе отсутствовало, бой совершался въ одну изъ поѣздокъ Ильи: онъ наѣзжалъ на сокольника. Позднѣе, когда Илья присталъ къ Кіеву, явился главнымъ стоятелемъ за него, планъ мотива измѣнился: наѣзжалъ уже Сокольникъ, и Илья выходилъ къ нему на встрѣчу, чтобы помѣряться съ нимъ³⁾).

Любопытный образецъ процесса пѣсенаго сложенія и искаженія, подобно былинѣ о «гибели», представляютъ былины объ Алешѣ и Тугаринѣ и объ Ильѣ и Идолищѣ. Обѣ эти былины имѣють совершенно одинаковое содержаніе и различаются только по именамъ богатырей, да эпическимъ подробно-

¹⁾ с. 281. ²⁾ с. 333—334. ³⁾ с. 337.

стямъ. Весьма возможно, что «и былина о Тугаринѣ съ Алешей и пѣсни объ Идолицѣ — продукты разложенія болѣе древняго сказанія, на составъ котораго можетъ отчасти указать «Сказаніе о Кіевскихъ богатыряхъ»¹⁾). Подъ Тугариномъ нужно разумѣть половецкаго хана Тугозэкана, подъ Идолицемъ, вѣроятно, Боняка, имя котораго и въ русскихъ, и въ византійскихъ лѣтописяхъ связано съ Тугоркановымъ. Извѣстная доля чудеснаго въ изображеній врага обычна въ народномъ эпосѣ, и потому Тугорканъ могъ легко изображаться въ видѣ сказочнаго дракона, въ которомъ неуловимо сплелись черты богатыря и чудовищнаго змія. Лѣтопись своими извѣстіями о Тугорканѣ и Бонякѣ могла дать матеріалъ для оригинала былины, близкаго къ «сказанію». «Возстановить изъ историческихъ данныхъ очертанія нашихъ былины немыслимо, но между тѣми и другими могло найдется утраченное звено древняго пѣсеннаго преданія, въ которомъ половцы играли роль, перенятую впоследствии и татарами, и историческій фонъ выступалъ яснѣе»²⁾). Связь Тугарина съ Добрыней должна быть отнесена къ болѣе поздней эпохѣ, ко времени возникновенія Кіевской циклизации былины, когда преступная связь Марины и змія была замѣнена ея любовными отношеніями къ Тугарину, имѣвшему также образъ змія.

Послѣдній отдѣлъ изслѣдованія посвященъ былинамъ объ Алешѣ — «бабьемъ пересмѣшникѣ». Въ болѣе древнихъ былинахъ этотъ богатырь изображается смѣлымъ, отважнымъ, надѣленнымъ значительного степенью дерзости, и только впоследствии является «бабьимъ пересмѣшникомъ». Соединительнымъ звеномъ между этими двумя чертами его образа могла быть присущая древнему типу Алеши хвастливость, понятая одностороннимъ образомъ. Новая черта оказалась настолько сильной, что почти заслонила всѣ другія, и «бабій пересмѣшникъ», «насмѣшникъ женскій» становится обычнымъ эпитетомъ Алеши. Съ чертами ловеласа выступаетъ, между про-

¹⁾ с. 366. ²⁾ с. 371.

чимъ, этотъ богатырь въ былинахъ о братьяхъ Сбродовичахъ, связью съ сестрой которыхъ онъ хвастается. Братья хотятъ убить сестру, но Алеша женится на ней. Аналогичный эпическій мотивъ развивается въ греческихъ, польскихъ и бѣлорусскихъ пѣсняхъ, такъ что онъ вообще долженъ быть признанъ довольно распространеннымъ. О подобномъ похожденіи Алеши у насъ существовала еще одна пѣсня, которую можно возстановить по сохранившимся русскимъ сказкамъ, старо-итальянской *Canzone* о мадоннѣ Еленѣ и нѣкоторымъ былинамъ.

Изъ изложеннаго содержанія «Южно-русскихъ былинъ» можно видѣть, какъ широкъ кругозоръ Веселовскаго, и съ какой научной точностью обоснованы его выводы. Какъ настоящій ученый, для котораго истина дороже всего, онъ съ полной откровенностью готовъ признать ошибочными свои выводы ¹⁾, если для этого окажется достаточное основаніе, и не стѣсняется сказать «не знаю» тамъ, гдѣ строгая наука не можетъ удовлетвориться для своихъ выводовъ имѣющимися на лицо аргументами. Всѣ поэтому заключенія Веселовскаго поражаютъ своею осторожностью. Не разъ ходъ изслѣдованія, казалось-бы, уполномочивалъ сдѣлать болѣе широкіе выводы, чѣмъ тѣ, которыя угодны автору, и онъ, какъ-бы чувствуя это, спѣшитъ оговориться, каковы именно, по его мнѣнію, результаты предположеннаго изслѣдованія ²⁾. Требуя всегда самаго точнаго обоснованія научныхъ выводовъ, онъ неоднократно обращается къ пересмотру такихъ вопросовъ «которые считаются уже рѣшенными другими изслѣдователями, и приводитъ свои новыя доказательства въ пользу установившагося мнѣнія ³⁾. Тщательно слѣдя за всѣмъ,

¹⁾ Какъ напримѣръ, относительно легенды о «золотыхъ вратахъ», которую онъ первоначально считалъ одною изъ русскихъ редакцій «Откровенія Мессодія».

²⁾ Напр. «Южно-рус. былины» II с. 65 и мн. др.

³⁾ Укажемъ, для примѣра, на его разсужденіе о Минутѣ Селаниновичѣ въ «Южно-рус. былинахъ» (вып. втор.), подтверждающее мнѣніе В. Миллера (Ж. М. Н. П. 78 г. 12) объ этомъ загадочномъ лицѣ, или изслѣдованіе былинъ о гибели богатырей, выводы котораго совпадаютъ, въ общемъ съ результатами, добытыми профессоромъ Н. П. Дашкевичемъ въ названной уже нами работѣ (К. У. Изв. 83 г. 3, 5).

что имѣетъ хотя какое-ниб. отношеніе къ богатырскому эпосу, Веселовскій указываетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ (въ послѣднее время — преимущественно «Мелкія замѣтки къ былинамъ») свое мѣсто каждому новому матеріалу, хотя-бы онъ былъ связанъ съ былинами однимъ общимъ собственнымъ именемъ, встрѣчающимся тамъ и здѣсь ¹⁾). Ничто изъ могущаго послужить для выясненія вопроса о богатырскихъ пѣсняхъ не ускользаетъ отъ внимательнаго изслѣдователя, будь то киргизскіе демонологическіе рассказы, или финскія сказки ²⁾), русская легенда ³⁾), или китайская оффиціальная бумага ⁴⁾), испанская книга о Россіи ⁵⁾), или житіе святого ⁶⁾) и т. п. Почти каждое новое изслѣдованіе о былинахъ встрѣчало ту или другую оцѣнку Веселовскаго, при чемъ онъ, указавъ пробѣлы и ошибки критикуемаго труда, тутъ же подвергаетъ пересмотру трактуемый вопросъ и предлагаетъ свои выводы. Вообще можно сказать, что никто до сихъ поръ не сдѣлалъ такъ много для выясненія нашихъ былинъ, какъ акад. А. Н. Веселовскій.

¹⁾ Напр., его замѣтка, по поводу комплятивнаго турецкаго романа, написаннаго въ подражаніе Шихъ-Намѣ подъ заглавіемъ: «Исторія, излагающая на основаніи сказаній древняго мудреца Тертуса, обстоятельства древнихъ временъ». Разсмотрѣвъ его, Веселовскій замѣчаетъ, что въ упоминаемомъ тутъ «Иль-Шахъ» нѣтъ ничего, кромѣ имени, чтобы напоминало наши былины». Ж. М. Н. II. 90 г. 5.

²⁾ Мел. зам. и был. Ж. М. Н. II. 90 г. 3.

³⁾ *ibid.* 89 г. 5 гл. X. ⁴⁾ *ibidem.* гл. VIII.

⁵⁾ *ibid.* 83 г. 4. ⁶⁾ *ib.* 90 г. гл. XV.

(Окончаніе слѣдуетъ).

VII.

Почти одновременно съ А. Н. Веселовскимъ хорватскій ученый, профессоръ Вѣнскаго университета, Ягичъ занялся изслѣдованіемъ русскаго былевого эпоса въ связи съ древней книжной литературой въ своей извѣстной статьѣ «die christlich mythologische Schicht in der russischer Volksepik», напечатанной въ первомъ томѣ его «Archiv für sl. Philologie». Въ сравнительномъ анализѣ авторъ не выходитъ здѣсь за предѣлы русской народной поэзіи и письменности. Онъ исходитъ изъ убѣжденія, что въ богатырскомъ эпосѣ въ значительной степени сохранились христіанско-миеологическія черты ¹⁾, которыя онъ пытается отдѣлить отъ первобытной основы. На послѣдней страницѣ своего изслѣдованія онъ высказываетъ нѣсколько общихъ мыслей, послужившихъ исходнымъ пунктомъ для всего труда. «Въ тѣсномъ районѣ пѣсенъ, въ которыхъ можно было признать вліяніе христіанско-миеологическихъ сюжетовъ, свои доказательства я основывалъ», говоритъ онъ, «на параллельности уцѣлѣвшихъ рукописныхъ разсказовъ и соотвѣтствующихъ имъ пѣсенъ. При этомъ, конечно, я долженъ былъ предполагать, что содержаніе этихъ разсказовъ должно было быть извѣстнымъ первымъ слагателямъ народныхъ пѣсенъ. Изъ этого протекаетъ другое предположеніе, что первыми творцами этихъ пѣсенъ былъ не народъ въ обширномъ смыслѣ, но опредѣленная и ограниченная часть его, именно тѣ люди, которые были хорошо знакомы съ содержаніемъ Священнаго Писанія, безчисленныхъ легендъ и многихъ благочестивыхъ апокрифическаго характера сказаній, приобрѣвшихъ это знаніе отчасти въ странствованіи и посѣщеніи славныхъ святынь, отчасти усерднымъ чтеніемъ благочестивыхъ книгъ. Этимъ великорусскій эпосъ отличается отъ эпической поэзіи всѣхъ прочихъ славянъ; нигдѣ христіанство не соединилось такъ тѣсно съ національнымъ элементомъ, какъ здѣсь ²⁾. Что русской народной поэзіи не чужда обработка въ національномъ духѣ совершенно не принадлежащихъ ей

¹⁾ Archiv 1. Band. 1. c. 62. ²⁾ Ib. c. 126.

сюжетовъ съ приуроченіемъ ихъ даже къ опредѣленной мѣстности, это подтверждается исторіей стиховъ о Голубиной книгѣ и объ Аникѣ-воинѣ. И тотъ, и другой имѣютъ христіанско-легендарный характеръ и вошли въ нашу народную поэзію путемъ книжнаго или устнаго общенія съ греко-христіанскимъ міромъ. Оттуда-же пришелъ вызвавшій столько искусственныхъ объясненій алатырь—камень ¹⁾).

Русскій эпосъ (въ широкомъ смыслѣ), по мнѣнію Ягича, можно раздѣлить на три части. Къ первой относятся пѣсни, очень близкія къ библейско-легендарнымъ сюжетамъ и мало чѣмъ отличающіяся отъ подлинника; ко второй — тѣ, которыя обрабатываютъ эти сюжеты съ большей самостоятельностью и по формѣ приближаются къ былинамъ; къ третьей — «собственно національныя богатырскія пѣсни, которыя по основному содержанію считаются за подлинную національную собственность, хотя въ отдѣльныхъ эпизодахъ, выраженіяхъ, названіяхъ и т. д. ни мало не исключаютъ упомянутаго христіанскаго или какого другого вліянія» ²⁾). Исслѣдователь подвергаетъ анализу тѣ былины, на которыхъ, какъ онъ думаетъ, сказалось именно христіанское вліяніе. Сюда относятся прежде всего былины о «сорока каликахъ», гдѣ разработанъ библейскій рассказъ объ Іосифѣ и развратной женѣ Пентефрія. Черты послѣдней приписаны чуть не цѣликомъ русской княгинѣ, женѣ Владиміра. Изъ этого-же самого библейскаго рассказа въ русскія былины вошло имя Амелфы (въ оригиналѣ Амемфіи), примѣняемое, въ силу того, что оно заимствованное, къ нѣсколькимъ лицамъ былевого эпоса ³⁾). Но несравненно шире сказалось на богатырскомъ эпосѣ вліяніе сказаній библейскаго характера о Соломонѣ, отразившихся въ рѣзко бросающихся въ глаза чертахъ на былинѣ о царѣ Василии Окуловичѣ. Здѣсь, по мнѣнію Ягича, заимствование не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вліяніе сказаній Соломонова цикла замѣтно, хотя и въ менѣе осязательной формѣ,

¹⁾ Вопросу объ алатырѣ Ягичъ посвящаетъ довольно много мѣста с. 90—101.

²⁾ *ib. a.* 83. ³⁾ *ib. op. a.* 102.

на былинахъ о Соловьѣ Будиміровичѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ. Пѣсни о первомъ не указываютъ опредѣленно откуда онъ происходитъ, и въ этомъ Ягичъ находитъ подтвержденіе того, что народъ не могъ указать за нимъ какой-нибудь исторической подкладки. Описаніе корабля Соловья Будиміовича и его путешествія въ Кіевъ очень близки къ такимъ-же описаніямъ путешествія царя Василя Окуловича; самое теченіе событій въ обѣихъ былинахъ въ значительной степени совпадаетъ, и это наводитъ на мысль о происхожденіи ихъ изъ одного источника. Дѣйствительно, нѣкоторыя версіи русскаго сказанія о Соломонѣ представляютъ его, какъ былины Соловья Будиміовича, отправившимся торговать за море и странствующимъ по разнымъ странамъ. Соловей Будиміовичъ, какъ и Соломонъ, изображенъ не простымъ купцомъ, а человѣкомъ болѣе значительнымъ, для котораго торговля далеко не стоитъ на первомъ планѣ. Поэтому, былина о Соловьѣ Будиміовичѣ есть не что иное, какъ передѣлка того эпизода сказаній о Соломонѣ, содержаніе котораго составляетъ увозъ Соломоновой жены ¹⁾. Правда, въ этихъ сказаніяхъ нѣтъ рѣчи о постройкѣ теремовъ, но, по мнѣнію Ягича, этотъ эпизодъ въ былинахъ о Соловьѣ Будиміовичѣ есть результатъ позднѣйшаго украшенія, основаннаго на одномъ изъ мотивовъ сказанія.

Для загадочнаго образа Соловья-разбойника, по мнѣнію нашего автора, первооснова такое находится въ сказаніяхъ о Соломонѣ. Соловей-разбойникъ какъ-то двоятся въ русскихъ былинахъ: то онъ страшное отвратительное чудовище, полу-звѣрь, полу-птица, полу-человѣкъ, живущій на семи дубахъ, то онъ богатырь-человѣкъ. Основными его чертами, по Ягичу, нужно считать тѣ, которыми онъ рисуется, какъ страшный витязь, противникъ Владиміровыхъ богатырей, отецъ семейства, чуждый страшнаго птичьяго образа, дикаго свиста и сидѣнія на дубахъ. Онъ не русскаго происхожденія, чѣмъ и объясняется его вражда съ Ильей; скорѣе всего, онъ похожъ

¹⁾ Ср. с. 114.

на такихъ лицъ, какъ Аника, Самсонъ, Малафей, Егоръ-Святогоръ, вмѣстѣ съ которыми онъ иной разъ и упоминается въ былинахъ¹⁾. Въ богатомъ циклѣ сказаній о Соломонѣ было достаточно матеріала для созданія двухъ различныхъ типовъ, какъ Соловей-разбойникъ и Соловей Будиміровичъ. Если второй соотвѣтствуетъ тому отдѣлу разсказовъ о Соломонѣ, гдѣ говорится о похищеніи имъ себѣ жены, то первый имѣетъ исходнымъ пунктомъ Соломона-мудреца, волшебника. Дѣйствительно, Соловей-разбойникъ мудръ, что сказывается хотя-бы въ его совѣтѣ своей собственной женѣ, которая захотѣла было противиться Ильѣ; онъ, какъ и мудрый Соломонъ, строитель, что видно изъ желанія придворныхъ Владиміра сдѣлать его строителемъ монастыря; онъ, какъ и вѣщій библейскій царь, обладаетъ, по нѣкоторымъ былинамъ, чуднымъ кольцомъ.

Слѣдуетъ также обратить вниманіе на его отчество—Брахмановичъ, Рахмановичъ, что указываетъ на Индію, а въ Индіи, по русскимъ редакціямъ сказаній о Солонѣ, былъ и послѣдній. Происхожденіе былинъ о Соловьѣ-разбойникѣ изъ цикла сказаній о Соломонѣ косвеннымъ образомъ подтверждается еще сходствомъ этихъ былинъ съ былинами о Соловьѣ Будиміровичѣ, которыя, несомнѣнно, возникли изъ этого цикла. Имя Соловья-разбойника есть только передѣлка библейскаго Соломона²⁾. Мнѣніе Ягича относительно связи былинъ о Соловьѣ Будиміровичѣ и Соловьѣ-разбойникѣ со сказаніями о Соломонѣ едва-ли можетъ быть признано непогрѣшимымъ послѣ тѣхъ возраженій и разъясненій, которыя сдѣлала по этому поводу научная критика. Имя перваго изъ названныхъ лицъ должно быть постановлено, какъ на это справедливо указали А. Веселовскій и Халанскій³⁾, въ связи съ тѣмъ, что онъ женихъ. Въ великорусскихъ и малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ женихъ очень часто является подъ символическимъ именемъ Соловья, въ связи съ которымъ стоитъ и прозваніе его Будиміровичемъ. Въ одной народной пѣснѣ поется о женихѣ-соловьѣ:

¹⁾ ср. с. 122. ²⁾ ср. с. 117. ³⁾ Р. Ф. В. 85 г. 2. с. 382.

Свѣтъ ты мой, соловей въ саду!
 Кто-жъ меня рано будить буде,
 Рано будить, поздно утѣшать ¹⁾.

Тотъ фактъ, что Соловей Будиміровичъ заѣжій богатырь, неизвѣстно откуда, опять таки объясняется символикою брачныхъ пѣсенъ, гдѣ женихъ называется «ясныхъ соколомъ залетнымъ, добрымъ молодцомъ пріѣзжимъ». Указываемая Ягичемъ аналогія въ содержаніи между нашими былинами о Соловьѣ Будиміровичѣ и сказаніями объ увозѣ жены Соломона подвержена большому сомнѣнію: тогда какъ вторыя говорятъ о насильственномъ похищеніи, первыя описываютъ пріѣздъ молодца съ мирными цѣлями, заботящагося «о добромъ дѣлѣ, о сватовствѣ». Постройка Соловьемъ Будиміровичемъ теремовъ въ саду Запавы вовсе не имѣетъ цѣлью украсть ее, какъ это думаетъ Ягичъ ²⁾.

Выводы Ягича относительно Соловья-разбойника встрѣтили серьезныя возраженія въ книгѣ В. Миллера: «Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса» ³⁾. Сходство противника Ильи съ Соломономъ самое отдаленное и неполное. Соломонъ оказывается кудесникомъ, могущимъ принимать образъ щуки, сокола, лютаго звѣря и т. п., чего именно не въ состояніи дѣлать Соловей-разбойникъ. Соломонъ, какъ строитель, не извѣстенъ въ русскихъ народныхъ сказкахъ, и въ этомъ отношеніи сказаніе о немъ, значить, не могло повліять на образъ нашего строительнаго разбойника. Отчество Рахмановичъ могло проникнуть въ былины книжнымъ путемъ, независимо отъ сказаній о Соломонѣ, гдѣ этого имени вовсе нѣтъ. То, что Соловью-разбойнику присуще строительство, объясняется вліяніемъ былинъ объ одноименномъ богатырѣ-женихѣ.

Но какъ-бы тамъ ни было, Ягичъ, какъ и Веселовскій, серьезно обратилъ вниманіе на связь съ богатырскимъ эпосомъ очень важнаго отдѣла словесности, христіанско-легендарной литературы, которая, несомнѣнно, какъ это было подтверждено

¹⁾ Ивнѣ. Рус. нар. пѣсни с. 461. ²⁾ *Ag. für cl. Ph. m.* (мѣтр.) с. 115.

³⁾ с. 94—100.

впослѣдствіи, значительно вліяла на русскія былины, и если частные выводы Ягича иной разъ ошибочны, общее положеніе его объ этомъ вліяніи едва-ли можетъ быть оспариваемо.

Въ томъ-же году, когда была написана статья: «Христіанско-миеологическій слой въ русскомъ народномъ эпосѣ», Ягичъ касался русскихъ богатырскихъ пѣсенъ въ другой связи въ изслѣдованіи «О славянской народной поэзіи». Пятая глава этого изслѣдованія, напечатаннаго въ русскомъ переводѣ въ «Славянскомъ ежегодникѣ» за 1878-й годъ, посвящена нашимъ былинамъ. Ягичъ начинаетъ съ Алеши и Добрыни. Оба они упоминаются въ лѣтописи. Алеша, по однимъ лѣтописнымъ свѣдѣніямъ, жилъ въ XI в., по другимъ въ XIII. «Эти два варианта не могутъ быть приведены въ соглашеніе, если ихъ принимать, какъ историческій фактъ»¹⁾. Надо предположить, что оба лѣтописные рассказа возникли подъ вліяніемъ народныхъ сказаній. По мнѣнію Ягича, характеръ Алеши искаженъ народнымъ пониманіемъ вслѣдствіе его прозвища Поповичъ: первоначально этотъ богатырь не былъ надѣленъ тѣми несимпатичными чертами, съ которыми мы находимъ его теперь въ былевой поэзіи. Связь между лѣтописнымъ рассказомъ о Добрынѣ и былинами о томъ же богатырѣ сохранились нѣсколько лучше. И въ лѣтописи, какъ и въ былинахъ, онъ отличается особымъ политическимъ тактомъ. Правда, лѣтописный Добрыня является дядей Владиміра, а былинный племянникомъ его, но это не есть сильное препятствіе къ тому, чтобы ихъ считать за одно лицо: «Въ народной памяти стояла свѣтлая личность князя Владиміра такъ высоко въ своемъ величіи, что Добрыня не могъ быть старше или умнѣе свѣтлаго солнышка, самого князя. Итакъ, былины поняли ихъ положеніе наоборотъ: Владиміръ выходитъ старше, а Добрыня моложе, но родственная связь сохраняется»²⁾. Вообще, при изученіи Добрыни слѣдуетъ имѣть въ виду, что первоначальная историческая основа его постепенно заслонялась новыми наносами; чѣмъ дольше существовали въ народной передачѣ

¹⁾ Слав. Ежегод. 78 г. с. 199. ²⁾ с. 203.

былины о Добрынѣ, тѣмъ болѣе «густая мгла покрывала его личность, изъ исторической она становилась миеологической» ¹⁾. Только Добрыня да Алеша и существуютъ, какъ богатыри и въ народной поэзіи, и въ лѣтописи. Другихъ богатырей знаютъ былины и не знаютъ лѣтописи и наоборотъ. Въ высшей степени удивительно то, что такой богатырь, какъ Илья Муромецъ, совершенно неизвѣстенъ лѣтописи: «Мы стоимъ здѣсь передъ загадкой, которую едва ли когда-нибудь удастся изслѣдователю рѣшить» ²⁾.

Есть въ лѣтописи упоминаніе о Блудѣ, сынъ котораго фигурируетъ въ былинахъ. Эпизодъ, передаваемый былиной, съ точки зрѣнія Ягича, менѣе заслуживаетъ вниманія эпоса, тѣмъ лѣтописный рассказъ, «но народное воззрѣніе не всегда сходится съ нашимъ; народъ имѣетъ свои воззрѣнія, свои интересы, которые зачастую намъ непонятны. Вообще, должно признать и то, что не всегда значительнѣйшіе моменты изъ исторіи народа и замѣчательнѣйшіе ея люди удержаны народомъ въ его пѣсняхъ». Личность былевого Ставра также находитъ себѣ подтвержденіе въ лѣтописи. О Садкѣ упоминается въ «Повѣсти вѣременныхъ лѣтъ» подъ 1048-мъ годомъ, и народное творчество, въ общемъ, передаетъ то-же, что и лѣтописный рассказъ.

Такимъ образомъ, замѣчанія Ягича о былинахъ въ статьѣ «О славянской народной поэзіи» не представляютъ собою чего-нибудь новаго или важнаго и, собственно говоря, являются пересмотромъ нѣкоторыхъ мнѣній приверженцевъ исторической теоріи о русскомъ былевомъ эпосѣ.

Въ одинъ годъ съ указанными статьями Ягича, во Франціи была написана профессоромъ Рамбо книга о русской народной поэзіи, подъ заглавіемъ «La Russie épique», часть которой посвящена нашему былевому эпосу. Мы не находимъ нужнымъ входить въ болѣе или менѣе подробный разборъ взглядовъ Рамбо на богатырскія пѣсни, такъ какъ они не представляютъ собою ничего новаго или самостоятельнаго и

¹⁾ ibidem. ²⁾ с. 206.

являются только сводомъ мнѣній предшествовавшихъ изслѣдователей. Упомянувъ о сборникахъ былинь Кирши Данилова, Рыбникова, Гильфердинга и познакомивъ читателя съ общими вопросами о былевой поэзіи на Руси, Рамбо въ первыхъ пяти главахъ своей книги говоритъ о циклѣ старшихъ богатырей, циклѣ Владиміровомъ и Новгородскомъ, трактуетъ вопросъ о южно-русскомъ происхожденіи былинь и о теоріи заимствования Стасова, съ которымъ онъ не соглашается, приводя рядъ возраженій противъ произвольности и неточности его сближеній. Во всякомъ случаѣ, «*La Russie épique*» Рамбо должна быть отмѣчена, какъ одна изъ первыхъ иностранныхъ книгъ, имѣющая цѣлью ознакомить западно-европейскую публику съ русской народной поэзіей. Зная хорошо нашъ языкъ, Рамбо пользовался подлинными образцами былевыхъ пѣсенъ и далъ довольно подробный пересказъ большей части изъ нихъ въ своей книгѣ. Освѣщая изложенное содержаніе былинь мнѣніями о богатырскомъ эпосѣ русскихъ ученыхъ, Рамбо далъ своимъ соотечественникамъ довольно ясное представленіе о томъ, что такое русскія былины, и какъ слѣдуетъ смотрѣть на нихъ.

Здѣсь-же скажемъ нѣсколько словъ о вышедшей въ 1879-мъ году книгѣ Вольнера: «*Untersuchungen über die Volks-epik der Grossrussen*». Не касаясь введенія, гдѣ авторъ говоритъ о литературѣ предмета, остановимся на его взглядѣ на богатырскія пѣсни. По мнѣнію Вольнера, въ нашихъ былинахъ на каждомъ шагу замѣчается противорѣчіе между содержаніемъ и формой: «съ одной стороны, историческія имена, мѣстный колоритъ описаній, съ другой — совершенно сказочное содержаніе, и все это изложено въ строго эпической формѣ» ¹⁾. Указавъ примѣры такого противорѣчія, авторъ на основаніи его приходитъ къ заключенію, что «былевые пѣсни первоначально должны были имѣть совершенно другое содержаніе, что онѣ были героическими пѣснями въ тѣсномъ смыслѣ слова» ²⁾. Послѣ запустѣнія Кіева, съ

¹⁾ назван. сочиненіе с. 37. ²⁾ ib. с. 41.

переходомъ былевой поэзіи на сѣверъ¹⁾, мало по малу въ прежнія строго историческія пѣсни проникъ новый элементъ, придавшій миеологическую и легендарную окраску богатырскимъ типамъ²⁾. Весь былинный матеріалъ можетъ быть раздѣленъ, по Волльнеру, на двѣ группы: первая заключаетъ въ себѣ огромное множество сказочныхъ сюжетовъ, проникшихъ съ востока ко всѣмъ европейскимъ народамъ, вторая—все то, что «въ большей или меньшей степени можетъ служить признакомъ литературнаго вліянія»³⁾. Слѣды этого вліянія Волльнеръ и указываетъ во второй главѣ изслѣдованія, не представляющей собою ничего новаго для читателя, знакомаго съ трудами о былинахъ русскихъ ученыхъ. Третья глава, озаглавленная «Добрыня Никитичъ», занята сопоставленіемъ былинъ объ этомъ богатырѣ съ различными иноземными повѣствованіями. Общій выводъ тотъ, что Добрыня «не можетъ быть названъ національно-русскимъ»⁴⁾, такъ какъ всѣ сюжеты, обработанные въ пѣсняхъ о немъ, принадлежатъ другимъ народамъ. Наиболѣе интересна четвертая глава книги Волльнера, «die älteren Helden», гдѣ онъ разбираетъ былины о такъ называемыхъ богатыряхъ старшихъ. Упомянувъ о неосновательности дѣленія богатырей на старшихъ и младшихъ, онъ указываетъ, что почти всѣ тѣ богатыри, которые у насъ называются старшими, ведутъ свое происхожденіе отъ тѣхъ или другихъ получившихъ литературную обработку русскихъ или иностранныхъ сюжетовъ, по большей части, церковнаго характера, и поэтому миеологическое объясненіе этихъ богатырей совершенно неумѣстно. Въ приложеніи Волльнеръ подробно излагаетъ содержаніе важнѣйшихъ былинъ по сборникамъ

¹⁾ Волльнеръ замѣчаетъ, что онъ «вмѣстѣ съ Рамбо» готовъ принять южно-русское происхожденіе былинъ, забывая, что эта мысль принадлежит вовсе не Рамбо, а тѣмъ русскимъ ученымъ, на основаніи трудовъ которыхъ Рамбо написалъ свою книгу.

²⁾ наз. соч. с. 42. Та-же самая мысль, которая была впослѣдствіи развита В. Миллеромъ въ его «Экскурсахъ» (историзація и поэтизація).

³⁾ Волльнеръ опускаетъ третью группу: ту историческую основу пѣсней, которая по его мнѣнію несомнѣнно существовала.

⁴⁾ ib. с. 70.

Кириѣвскаго, Рыбникова и Гильфердинга. Книга Волльнера о былинахъ должна быть разсматриваема, какъ одна изъ попытокъ примѣненія къ нашему богатырскому эпосу сравнительнаго метода, попытка не безъ пробѣловъ и ложныхъ утверждений (напр., что Добрыня не имѣетъ ничего русскаго и мн. др.), что отчасти, быть можетъ, объясняется сравнительно небольшими размѣрами изслѣдованія (не считая введенія и приложений—60 стр.).

Въ 1879 и слѣд. годахъ въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» Кіевскаго университета печаталось изслѣдованіе пр. Жданова: «Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи», гдѣ авторъ указалъ литературную исторію былевого сюжета о Святогорѣ — Самсонѣ. Послѣдній трактуется только въ третьей части труда, первыя-же двѣ, какъ-бы служащія введеніемъ къ ней, заняты анализомъ «Прѣнія Живота со Смертью» ¹⁾ и стиха объ Аникѣ—воинѣ; всѣ три разсматриваемые памятника сближаются общностью эпизодовъ и подробностей ²⁾. Самсонъ и Святогоръ, по мнѣнію автора, одно и то-же лицо. Первоначально «Святогоръ, Святогорскій» было только эпитетомъ Самсона, «которымъ воспользовалась народная поэзія, чтобы отмѣтить какую-то особенность этого богатыря, сохранившаго и въ былинѣ черты легендарнаго характера» ³⁾. Только въ послѣдствіи эпитетъ сталъ употребляться въ значеніи второй составной части собственнаго имени и, наконецъ, получилъ право на самостоятельное существованіе: изъ Самсона Святогорскаго образовался Самсонъ Святогоръ и просто Святогоръ. Въ основѣ былины объ этомъ Самсонѣ-Святогорѣ лежитъ библейско-апокрифная легенда, допустившая цѣлый рядъ примѣсей изъ названныхъ и другихъ, однородныхъ съ нею памятниковъ. Такъ, напр., эпизодъ о примѣриваніи гроба встрѣчается въ

¹⁾ О значеніи для изученія былевой поэзіи «Прѣнія Живота со Смертью» указывалъ еще въ 1869-мъ году одесскій профессоръ Некрасовъ въ своей актовой рѣчи.

²⁾ Раньше Жданова академикъ А. Н. Веселовскій дѣлалъ, въ незначительныхъ, правда, размѣрахъ, сближеніе «Прѣнія», Стиха объ Аникѣ и былины о Святогорѣ. Его заключенія о Святогорѣ мы уже сообщали.

³⁾ Унив. Изв. 81 ч. 5. с. 196.

сказкахъ и преданіяхъ многихъ народовъ; «нашъ былинный рассказъ особенно близокъ къ еврейско-мусульманскимъ преданіямъ о смерти Аарона, ¹⁾), хотя до нѣкоторой степени, носить слѣды вліянія русскихъ сказокъ. Разказы о Святогоровой женѣ, носимой въ ларцѣ, о женитьбѣ богатыря въ Поморскомъ царствѣ также есть результатъ вліянія сказочныхъ мотивовъ и т. д.

Своимъ изслѣдованіемъ Ждановъ попытался выяснитъ на почвѣ литературно-книжнаго вліянія темный образъ Святогора, дававшій матеріалъ для многихъ остроумныхъ, но бесплодныхъ соображеній представителей миеологической школы. Послѣ его труда этотъ богатырь въ значительной степени пересталъ быть невѣдомымъ сфинксомъ, къ которому, порою, не знали, съ какой стороны подойти, чтобы разгадать его. Академикъ Веселовскій въ своей замѣткѣ по поводу работы пр. Жданова не согласился съ нимъ въ отождествленіи Самсона и Святогора и призналъ только единую идею, связывающую повѣствованіе объ этихъ двухъ различныхъ лицахъ—напоминаніе расхваставшемуся богатырю о его ничтожествѣ передъ судьбою и смертью. Предположеніе о томъ, что въ основѣ былинъ о Святогорѣ лежитъ библейское сказаніе о Самсонѣ, по мнѣнію Веселовскаго, неудобно въ томъ отношеніи, что тогда будетъ непонятно, почему «имя Соломона, столь извѣстное въ церковномъ преданіи и житейскомъ обиходѣ, уступило мѣсто какому-то Святогору» ²⁾).

Въ концѣ 1893-го года закончено новое изслѣдованіе Жданова «Василій Буслаевичъ и Волхъ Всеславьевичъ». Изложивъ содержаніе сказаній о Буслаевѣ по всѣмъ извѣстнымъ вариантамъ былинъ о немъ и соотвѣтствующимъ сказкамъ и приведши множество мѣстъ изъ лѣтописи, объясняющихъ тѣ или иныя былевыя подробности, Ждановъ заключаетъ, что «Василій — новгородскій повольникъ именно ушкуйнической поры, той поры, когда измѣнившееся молодечество еще жило полною жизнью, когда новгородцамъ приходилось отыскивать

¹⁾ Уш. Изв. 81 ч. 4 с. 186. ²⁾ Ж. М. Н. П. 84 ч. 2 с. 382.

оправданія для своихъ удалцовъ, когда этихъ удалцовъ стали обзывать разбойниками. Новгородское ушкуйничество опредѣлилось и было по достоинству оцѣнено во второй половинѣ 14-го в. Устанавливается, такимъ образомъ, крайній предѣлъ, ранѣе котораго не могъ сложиться былинный образъ Василя Буслаева¹⁾. Но не смотря на то, что на былинахъ о Василя Буслаевѣ рѣзко отразились черты времени, онѣ не есть въ основѣ своей произведеніе русскаго народа и стоятъ въ тѣсной связи съ сагой о Робертѣ Дьяволѣ и вообще съ разсказами о демоническихъ натурахъ. Въ сагахъ о Робертѣ при разсказѣ о его дѣтствѣ упоминается его отецъ, хотя главная роль принадлежитъ его матери, то-же и въ былинахъ. Василя Буслаевъ: и Робертъ, и Буслаевъ обнаруживаютъ въ дѣтствѣ жестокость: Робертъ убиваетъ своего наставника, Василій Буслаевъ—Пилигримище, который въ нѣкоторыхъ пересказахъ названъ учителемъ его; какъ Робертъ, такъ и Буслаевъ отбываютъ свое покаяніе въ св. Землѣ и т. д. «Правда, наша былина не знаетъ подробностей, соответствующихъ второй половинѣ саги о Робертѣ и его литературныхъ двойникахъ. Но въ древнюю пору, въ первоначальной редакціи былинны, такія подробности, вѣроятно, были»²⁾. Общее заключеніе Жданова о былинахъ о Буслаевѣ сводится къ тому, что онѣ должны занять въ ряду родственныхъ имъ сказаній отдѣльное мѣсто, должны быть признаны своеобразной редакціей широко распространенной саги³⁾. Что касается до пути, по которому проникла въ Россію западно-европейская сага, то «ближайшій этапъ можетъ быть предполагаемъ на двухъ противоположныхъ концахъ великаго пути изъ варягъ въ греки, проходившаго черезъ Русскую землю. Сказаніе, давшее основу для новгородской былинны, могло быть такимъ же заноснымъ съ запада произведеніемъ, какъ и «Двоесловіе Живота и Смерти» или легенда «о земномъ раѣ»⁴⁾. Но возможно, что этотъ сюжетъ проникъ и изъ христіанскаго востока, гдѣ онъ также былъ

¹⁾ Ж. М. Н. П. В. г. 10 с. 317—18. ²⁾ — — — 12 с. 256—7.

³⁾ — — — 12 с. 258. ⁴⁾ Ж. М. Н. П. 94 г. 3 с. 94—5.

небезысвѣстенъ. Не вдаваясь въ разборъ новаго изслѣдованія Жданова, замѣтимъ, что его выводы о близкой зависимости былины о Буслаевѣ отъ западно-европейской саги о Робертѣ далеко не кажутся намъ убѣдительными вслѣдствіе отдаленности многихъ параллелей и неполноты совпаденій русскаго и романскаго сказаній.

VIII.

Черезъ три года послѣ окончанія изслѣдованія Жданова: «Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи», въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» появились первыя главы книги пр. Халанскаго: «Великорусскія былины Кіевского цикла». Цѣль своего труда Халанскій полагаетъ въ томъ, что «нужно развѣнчать зданіе Кіевского эпоса, лишить его внѣшняго единства и разсматривать былицы независимо отъ города Кіева и кн. Владиміра»¹⁾. Дѣло въ томъ, что изслѣдователи русскаго эпоса обыкновенно придерживаются мнѣнія, что былины создались на югѣ Россіи въ Кіевскій періодъ русской исторіи. Если допустить это предположеніе, то, по мнѣнію Халанскаго, окажется совершенно непонятнымъ, почему и какъ перешли онѣ на сѣверъ. Новѣйшіе историческіе труды пр. Антоновича и Костомарова отрицаютъ какъ фактъ запустѣнія южной Руси послѣ половины XIII в., такъ и постоянное движеніе населенія съ X по XII в. изъ Кіевского княжества на сѣверъ и сѣверо-востокъ, а между тѣмъ это единственное, по Халанскому, доказательство той мысли, что былины возникли на югѣ и только потомъ перешли на сѣверъ Россіи, исчезнувъ на мѣстѣ своей родины. Отдѣльныя части южно-русскаго эпоса, несомнѣнно, могли переходить на сѣверъ, «но занесеніе могло состоять лишь въ отрывкахъ, цѣликомъ же весь Кіевскій эпосъ перейти не могъ»²⁾. Совершенно различный характеръ русскаго и малорусскаго эпосовъ также говоритъ за то, что это результаты творчества не одного и того-же племени. Вообще, исходной точкой для сужденія объ эпосѣ должна служить мысль о своеобразіи племенъ, на-

¹⁾ Р. Ф. В. 84 г. 3 с. 146. ²⁾ Р. Ф. В. 84 г. 3 с. 144.

селявшихъ древнюю Русь ¹⁾. У каждаго изъ этихъ племенъ былъ свой областной эпосъ, состоявшій изъ сказаній о мѣстныхъ «хоробрахъ», эти эпосы соприкасались и воздѣйствовали другъ на друга. Кіевскій циклъ есть соединеніе областныхъ эпосовъ: Суздальскаго, Старо-Кіевскаго, Чернигово-Сѣверскаго и отчасти Московскаго.

Циклизация былинъ около Владиміра произошла въ Московской Руси. Этой циклизации способствовали, по Халанскому, слѣдующія условія ²⁾: присутствіе въ Московскомъ эпосѣ пѣсенъ, связанныхъ съ Кіевомъ и Владиміромъ, ³⁾ популярность Владиміра на Руси вообще ⁴⁾, первенствующее значеніе Кіева въ глазахъ народа ⁵⁾. Соединеніе былинъ въ одинъ кругъ произошло въ періодъ времени съ XIV по XVII ст. За циклизацию былинъ въ эпоху преобладанія Москвы, а не Кіева, между прочимъ, говоритъ какъ то, что «заключеніе эпическихъ пѣсенъ въ циклъ происходитъ всегда послѣ событій, послужившихъ основаніемъ ихъ» ⁶⁾, такъ и, съ другой стороны, чисто «механическая» роль Кіева и Владиміра въ этихъ былинахъ.

Вліяніе мѣстнаго южно-русскаго эпоса сказалось на такихъ лицахъ Кіевскаго цикла, какъ князь Владиміръ, Добрыня, быть можетъ, Вольга, Ставръ, Иванъ Даниловичъ, Чурило Пленковичъ и отчасти Иванъ Годиновичъ, — остальные суть произведеніе русскаго сѣвера. Какъ сѣверно-русскіе, такъ и южно-русскіе богатыри могутъ быть раздѣлены на богатырей дотатарской эпохи, богатырей татарскаго и богатырей Московскаго періода. Къ первымъ относятся: Добрыня, Иванъ Даниловичъ, Демьянъ Куденевичъ и Алеша Поповичъ; ко вторымъ — Идолище, Василій Игнатьевичъ и Илья Муромецъ; къ третьимъ — Микула Селяниновичъ Хотенъ Блудовичъ, Соловей Будиміровичъ, Данило Ловчанинъ, Чурило Пленковичъ, Дюкъ Степановичъ.

Отмѣтимъ нѣсколько частныхъ выводовъ нашего автора. Примѣромъ воздѣйствія южно - русскихъ сюжетовъ на

¹⁾ СРАВ. Р. Ф. В. 85. 3 с. 187. ²⁾ Р. Ф. В. 85 ч. 3 с. 14'. ³⁾ — — — с. 140.

сѣверно-русскій эпосъ, по мнѣнію Халанскаго, могутъ служить нѣкоторыя былины о Добрынѣ, въ которомъ соединенъ образъ дяди Владиміра съ образомъ мѣстнаго рязанскаго богатыря, быть можетъ, лѣтописнаго Тимони. Но въ этихъ же самыхъ былинахъ любопытно и Кавказское вліяніе, сказавшееся въ въ изображеніи женщины—великанши, поленицы, прототипомъ которой, были, вѣроятно, кавказскія эгмены. Возможность вообще вліянія кавказскаго эпоса на былины не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ связи съ Кавказомъ во все время русской исторіи не прекращались, что подтверждается, кромѣ историческихъ данныхъ, столь частыми упоминаніями въ былинахъ о шелкахъ шемахинскихъ, сѣдлахъ черкасскихъ, черкесахъ Пятигорскихъ¹⁾. Гипотезой кавказскаго вліянія пытается также Халанскій замѣнить выставленное пр. Дашкевичемъ предположеніе о воздѣйствіи средне—вѣковыхъ нѣмецкихъ сагъ на былины объ измѣнѣ жены Добрыни. Въ Иванѣ Даниловичѣ и Алешѣ Поповичѣ Халанскій видитъ историческихъ личностей, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ. Алеша или Александръ Поповичъ жилъ въ XIII в. и былъ храбромъ въ дружинѣ Ростовскаго князя. Послѣ смерти князя Константина онъ перешелъ на службу въ Кіевъ, гдѣ и умеръ. Въ древнемъ «описаніи» его подвиговъ, которымъ пользовался Тверской лѣтописецъ, вѣроятно, ничего не говорилось о его службѣ въ Кіевѣ. Только впослѣдствіи, съ развитіемъ былинныхъ повѣствованій объ Алешѣ, древняя основа «описанія» или повѣсти была дополнена былевымъ матеріаломъ о его пребываніи въ дружинѣ Кіевского князя и въ такомъ видѣ была употреблена составителемъ Никоновскаго свода, какъ рассказъ о несомнѣнномъ историческомъ фактѣ для его лѣтописи.

Послѣ нашествія татаръ, когда съ усиленіемъ Московскаго княжества съ ними началась болѣе правильная борьба, выразившаяся въ устройствѣ пограничныхъ крѣпостей и учрежденіи стражи, съ цѣлью слѣдить за движеніемъ кочевниковъ, «сложился образъ богатырей, стоящихъ на заставѣ, оберегаю-

¹⁾ срав. Р. Ф. В. 84 г. 4 с. 221—7.

щихъ границы свято-русской земли» ¹⁾). Къ числу былинныхъ образовъ этого періода слѣдуетъ отнести прежде всего Идолище, былины о которомъ «примыкаютъ къ лѣтописнымъ сказаніямъ о насиліяхъ татарскихъ пословъ, баскаковъ и др. и о расправѣ съ ними ожесточеннаго населенія» ²⁾). Иныя былины объ Идолищѣ до того совпадаютъ съ историческими разсказами, что ихъ можно относить прямо къ разряду историческихъ пѣсень татарской эпохи. Однимъ изъ главныхъ героевъ татарскаго періода долженъ быть признанъ Илья Муромецъ, главное историческое значеніе котораго состоитъ въ еги борьбѣ съ этимъ насильниками русской земли. Позже въ былины объ этомъ богатыри проникли и другіе мотивы изъ области гражданскихъ отношеній Московской Руси, а также изъ религиозныхъ сказаній о Туровскомъ мнхѣ Мартынѣ и Ростовскомъ епископѣ Леонтіѣ и о Гуріи, епископѣ Казанскомъ.

Выше мы указали, какія былины Халанскій относитъ къ Московскому періоду русской исторіи. Эти былины характеризуются самой незначительной ролью въ нихъ Кіева и Владиміра и обиліемъ чертъ Московской жизни. Такъ, былина о Хотенѣ «переноситъ насъ въ среду чваннаго и спесиваго московскаго боярства съ его вѣчными, пустыми спорами о мѣстничествѣ» ³⁾). Данило Ловчанинъ представляетъ собою типъ холопа Московскаго князя, предпочитающаго смерть гнѣву господина. Къ этому-же времени относится возникновеніе былинъ, носящихъ на себѣ слѣды литературнаго заимствованія, какъ, напримѣръ, былины о Тугаринѣ Змѣевичѣ, въ которыхъ отразились средневѣковыя сказанія о сношеніяхъ демоновъ съ людьми ⁴⁾, и о Святогорѣ, генезисъ котораго отчасти выясняется вліяніемъ книжной литературы и кавказскихъ сказаній ⁵⁾). Особенно ярко выдѣляется вліяніе Московскаго періода въ былинахъ о Дюкѣ Степановичѣ. «Самъ Дюкъ, не смотря на иностранное имя и полурусское происхожденіе, — московскій бояринъ XVI—XVII вв.;

¹⁾ Р. Ф. В. 85 г. 1 с. 88. Такимъ образомъ, Халанскій не согласенъ съ наследователями, относящими эту черту къ Кіевскому періоду русской исторіи.

²⁾ *ib.* с. 102. ³⁾ Р. Ф. В. 85 г. 2 с. 367. ⁴⁾ *ib.* *срав.* ст. 397.

⁵⁾ *срав.* *ipid.* с. 407—409.

мать его московская боярыня; обстановка его жизни—обстановка жизни московскаго боярства XVI—XVII вв.¹⁾.

Что касается до метода, которымъ пользовался авторъ «Великорусскихъ былинъ Кіевскаго цикла», то онъ долженъ быть названъ сравнительно—историческимъ. Если сравненіе приводитъ къ убѣжденію, что извѣстный сюжетъ принадлежитъ исключительно творчеству русскаго народа, «тогда съ полнымъ правомъ», говоритъ Халанскій: «можетъ быть примененъ историческій методъ объясненія быliny²⁾», который долженъ выяснитъ мѣсто и время возникновенія сказанія, а также его историческую судьбу и достовѣрность. Впрочемъ, историческому методу авторъ отдаетъ предпочтеніе. Сравнительный матеріалъ Халанскій беретъ, главнымъ образомъ, изъ юго-славянскаго народнаго эпоса и кавказскихъ сказаній, которыми онъ первый изъ русскихъ изслѣдователей воспользовался въ обширной степени для выясненія былевыхъ сюжетовъ. Параллели изъ западно-европейской литературы въ трудѣ Халанскаго не представляютъ собою ничего новаго сравнительно съ предшествовавшими изслѣдованіями.

Въ «Великорусскихъ былинахъ Кіевскаго цикла» Халанскаго прежде всего бросается въ глаза необоснованность распредѣленія по новымъ рубрикамъ эпическаго матеріала. Отвергнутъ, какъ не имѣющее фактическаго значенія, дѣленіе богатырей на старшихъ и младшихъ, нашъ авторъ дѣлитъ ихъ сообразно историческимъ эпохамъ. Но почему, напр., Соловей Будиміровичъ, въ которомъ Халанскій не указалъ ни одной черты, характеризующей московское вліяніе, поставленъ въ ряду богатырей этой эпохи? Почему существуетъ въ представленіи Халанскаго даже цѣлый рядъ богатырей татарскаго періода, когда онъ самъ признаетъ, что эпическіе мотивы этой эпохи «какъ-то расплылись въ русскомъ эпосѣ?»³⁾ Если-бы подъ вліяніемъ татарскаго ига создались цѣлыя богатырскія сказанія, несомнѣнно, эти сказанія носили-бы глубокой слѣдъ создавшей ихъ эпохи. Но этого нѣтъ, и намъ кажется гораз-

¹⁾ Р. Ф. В. 85 г. 3 с. 133. ²⁾ Р. Ф. В. 84 г. 3 с. 147. ³⁾ Р. Ф. В. 85 г. 1 с. 92.

до болѣе правдоподобнымъ мнѣніе А. Н. Веселовскаго, будто русскій эпосъ почти не коснулся татарина, этого сравнительно поздняго врага русской земли¹⁾. Почему, наконецъ, былины со слѣдами книжнаго вліянія отнесены только къ Московскому періоду? Что византійская и юго-славянская книжная литература была извѣстна на Руси и въ предыдущій періодъ, видно хотя-бы изъ того, что первые наши проповѣдники обильно пользовались ею для своихъ поученій. Если даже и признать справедливымъ дѣленіе Халанскимъ богатырей на три группы, то, съ другой стороны, несомнѣнно, что каждая изъ этихъ группъ имѣетъ въ большей или меньшей степени слѣды вліянія двухъ остальныхъ. Это вліяніе необходимо было отмѣнить, чего не сдѣлалъ Халанскій. Приуроченіе богатырскихъ заставъ ко времени образованія Московскаго княжества лишено въ изслѣдованіи Халанскаго всякихъ доказательствъ. Справедливо, правда, что Московскіе князья приказывали строить пограничныя крѣпости и разставляли стражу для обороны отъ кочевниковъ, но не слѣдуетъ также забывать, что и Владимиръ «нача ставити города по Деснѣ и по Вострѣ» съ этой именно цѣлью. Въ самыхъ былинахъ застава богатырская, кромѣ одного случая, который и приводитъ Халанскій, не отмѣтивъ его исключительности, всегда приурочена къ Киеву. Неизвѣстно, какъ попалъ въ число богатырей Московскаго періода Микула Селяниновичъ, о которомъ авторъ ничего не говоритъ кромѣ того, что его слѣдуетъ считать въ числѣ специально московскихъ витязей.

Въ книгѣ Халанскаго почти совсѣмъ отсутствуетъ лингвистическая экзегеза. Исключеніе представляетъ вторая глава, гдѣ дается объясненіе словъ храборъ-богатырь. Но и тутъ матеріалъ подобранъ не вполне удачно. Какъ одинъ изъ примѣровъ древне-русской письменности, гдѣ употребляется «храбръ» въ смыслѣ «богатырь», авторъ приводитъ мѣсто изъ русской редакціи Александріи. Между тѣмъ, эта «русская редакція», какъ указалъ А. Н. Веселовскій, есть не что иное,

¹⁾ Южно-рус. былины 1 с. 39.

какъ дословный переводъ Псевдокалисфена. Въ греческомъ текстѣ этому «храбръ» соответствуетъ *γενναῖος*, эпитетъ, не имѣющій связи съ военными дѣйствіями Александра и указывающій на его благородное происхожденіе. Точно также не подходит и приложенная въ «дополненіяхъ и поправкахъ» загадка: «мать толста, дочь красна, сынъ храберъ подъ небеса ушелъ», такъ какъ здѣсь слово «храберъ» употреблено въ значеніи прилагательнаго, а не существительнаго.

Относительно главныхъ положеній Халанскаго о сѣверно-русскомъ происхожденіи былинь Кіевского цикла были сдѣланы А. Н. Веселовскимъ въ 1888-мъ году вѣсскія возраженія, послѣ которыхъ его теорія потеряла всякое значеніе. Первымъ аргументомъ противъ южно-русскаго происхожденія былинь Владимірова круга Халанскій привелъ мнѣнія историковъ объ отсутствіи массоваго движенія населенія на сѣверъ съ юга Россіи, которое, по его мнѣнію, только одно могло способствовать перенесенію туда былинь. Но для перехода богатырскаго эпоса на сѣверъ вовсе не нужно было такого массоваго движенія, какъ не нужно было его, чтобы пѣсни Эдды и сага о Нибелунгахъ перешли изъ южной Германіи въ сѣверную. Это, впрочемъ, какъ будто признаетъ и самъ Халанскій, когда говоритъ, что большое значеніе при распространеніи былинь «имѣетъ бродячій элементъ общества: купцы, паломники, воины и пр. Рыспространялась пѣсня и простымъ путемъ передачи отъ сосѣдей къ сосѣдямъ»¹⁾. Тѣмъ не менѣе, для перенесенія на сѣверъ именно русскаго эпоса почему-то нужно было массовое движеніе народа. Указаніе на то, что былины, если-бы онѣ существовали въ южной Россіи, не могли тамъ исчезнуть безслѣдно, также, по своему существу не имѣетъ значенія, такъ какъ извѣстенъ примѣръ Франціи, забывшей пѣсни о Каролингахъ и усвоившей баллады заходяго содержанія. Различный характеръ великорусскаго и малорусскаго эпосовъ объясняется неодинаковымъ положеніемъ ихъ во времени относительно тѣхъ событій, которыя ихъ

¹⁾ Р. Ф. В. 84 г. 3 а. 145.

вызвали къ существованію. Лирическій характеръ малорусскаго эпоса происходитъ отъ его близости къ своей исторической основѣ. Весьма возможно, что нѣкогда и былины отличались подобнымъ характеромъ, но потомъ утратили его вслѣдствіе перенесенія на новую почву и сравнительной отдаленности воспѣваемаго событія. Внѣшняя, механическая, какъ выражается Халанскій, роль Кіева и Владиміра въ былинахъ скорѣе всего можетъ быть объяснена именно тѣмъ, что былины, перенесенныя на сѣверъ, мало по малу стали терять свои характерныя черты. Пытаясь подорвать общераспространенное мнѣніе о южно-русскомъ происхожденіи былинъ, Халанскій долженъ былъ считаться и съ тѣми аргументами, которые приводятся обыкновенно въ защиту этого положенія. Только прослѣдивъ шагъ за шагомъ и опровергнувъ эти доказательства, онъ могъ приступить къ своей теоріи. Между тѣмъ Халанскій дѣлаетъ это далеко не подробно: онъ, напримѣръ, почти совсѣмъ не касается тѣхъ, правда, не многихъ, но все-же вѣсскихъ фактическихъ данныхъ о слѣдахъ былевого эпоса у южно-руссковъ, которые были неоднократно указываемы Веселовскимъ и сторонниками его мнѣнія, и ограничивается критикой съ исторической точки зрѣнія общихъ положеній. Обращаетъ на себя также вниманіе отношеніе Халанскаго къ предшествовавшимъ изслѣдователямъ былинъ. Указывая, напр., на необходимость разсматривать эпосъ въ его составныхъ частяхъ, онъ ни слова не говоритъ о томъ, что на это самое были сдѣланы указанія много раньше его. Въ этомъ отношеніи Халанскій прибавляетъ къ общеизвѣстному развѣ замѣчаніе о спеціально-московскомъ элементѣ въ былинахъ.

Лучшей частью «Великорусскихъ былинъ Кіевского цикла» должна быть признана глава о Соловьѣ Будимірозицѣ, гдѣ авторъ очень удачно выясняетъ былинный образъ этого богатыря на почвѣ народныхъ свадебныхъ пѣсенъ.

Изъ другой работы Халанскаго ¹⁾ мы приведемъ здѣсь

¹⁾ Р. ф. В. 29—93 г.г. Южно-рус. сказ. о Кракевичѣ Маркѣ.

только его мнѣніе о созидателяхъ и составѣ нашихъ былинъ. Русскій героическій эпосъ, по мнѣнію Халанскаго, отличается широкимъ кругомъ воззрѣній и интересовъ, высотой и разнообразіемъ идей нравственныхъ, общественныхъ и политическихъ. Эти качества эпоса заставляютъ предполагать сравнительно высокую культуру той среды, гдѣ онъ зародился и окрѣпъ. По всей вѣроятности, онъ былъ сложенъ не въ простонародѣ, не мужиками сказителями, а дружинными поэтами-пѣвцами.. Онъ продуктъ удѣльнаго или феодальнаго уклада средневѣковой жизни славянскихъ племенъ¹⁾. Только съ паденіемъ удѣльно-вѣчевого строя былевая поэзія мало по малу перешла въ крестьянскую среду. Матеріалъ, изъ котораго составились русскія богатырскія пѣсни, былъ самый разнообразный: сюда, кромѣ исторіи, входили и древнія преданія обще-арійской національной страны, и различныя поэтическія сказанія, зашедшія то съ востока, то изъ Византіи и Рима, или средне-вѣковой Германіи и Франціи²⁾.

Въ 1886-мъ году вышла отдѣльнымъ изданіемъ печатавшаяся въ теченіе 1885—86 г.г. въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» монографія пр. Созоновича: «Пѣсни о дѣвушкѣ — воинѣ и былины о Ставрѣ Годиновичѣ». Въ народномъ эпосѣ авторъ видитъ, какъ результатъ индивидуальнаго творчества племени, такъ и явленіе международнаго пѣсеннаго общенія. «Мнѣ кажется», говоритъ онъ: «основательны усилія тѣхъ ученыхъ, которые въ устныхъ народныхъ произведеніяхъ искали и отыскиваютъ выраженіе народной индивидуальности. Но также вполне законны стремленія и тѣхъ, которые, обнимая широкій кругозоръ литературныхъ явленій, попытались и пытаются указать совпаденіе словесныхъ памятниковъ, принадлежащихъ разнымъ періодамъ и различнымъ народамъ³⁾. Въ своемъ изслѣдованіи Созоновичъ общаетъ слѣдить въ пѣсенныхъ мотивахъ два теченія: «съ одной стороны, черты, свойственныя извѣстной мѣстности и съ другой — элементы болѣе

¹⁾ Р. Ф. В. 93 г. 1 с. 186.

²⁾ ibidem с. 142.

³⁾ Пѣсни о дѣв. воинѣ и былины о Ставрѣ Годиновичѣ Пред. с VI.

устойчивые, передаваемые вмѣстѣ съ литературной традиціей отъ одного народа къ другому»¹⁾). Созоновичъ увѣренъ въ исторической основѣ былины, «возникшихъ изъ историческихъ пѣсней, воспоминанія о которыхъ восходятъ въ глубокую древность»²⁾).

Въ юго-славянской народной поэзіи несомнѣнно существовали законченныя пѣсни о разныхъ военныхъ подвигахъ дѣвушки или женщины, которыя во многихъ мѣстностяхъ сохранились въ живомъ словѣ до настоящаго времени. Эти пѣсни, по всей вѣроятности, были вызваны реальною дѣйствительностью, которая была такова, что женщинѣ не рѣдко съ оружіемъ въ рукахъ приходилось отстаивать свое существованіе. Въ такихъ пѣсняхъ первоначально ничего не говорилось о столь распространившемся впослѣдствіи въ нихъ мотивѣ испытанія пола переодѣтой женщины—воина, этотъ мотивъ проникъ сюда путемъ литературнымъ, когда народное произведеніе стало предметомъ литературной обработки³⁾). Русскія былины о Ставрѣ примыкаютъ къ указаннымъ юго-славянскимъ пѣснямъ. Зерно этихъ былинъ несомнѣнно историческаго характера; въ лѣтописи разсказывается о нѣкомъ сотникѣ Ставрѣ, заточенномъ разгнѣвавшимся Владиміромъ Мономахомъ въ погребъ. «По всей вѣроятности, въ Новгородѣ непосредственно вслѣдъ за самымъ событіемъ сложилась пѣсенка про Ставра-сотскаго, сидящаго въ погребѣхъ глубокихъ»⁴⁾). Такова историческая основа разбираемой былины. Сюда присоединился разсказъ о воинственной женѣ, основанный также на реальной дѣйствительности. Старинныя историческія свидѣтельства не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что русская женщина нѣкогда не рѣдко принимала участіе въ военныхъ предпріятіяхъ, равняясь подъ часть съ мужчиною⁵⁾). Въ народной пѣснѣ уже раньше⁶⁾ былъ разработанъ мотивъ о такой воинственной женщинѣ, что отразилось, напр., въ былинѣ о Василии Буслаевѣ, гдѣ дѣвушка—черनावушка

¹⁾ ib. с. 5. ²⁾ ibid. с. 166. ³⁾ срав. с. 73. ⁴⁾ с. 156. ⁵⁾ ср. с. 163.

⁶⁾ срав. с. 156.

Прибѣжала къ Василю Буслаеву,
Срывала замки булатные,
Отворяла двери желѣзные,

т. е. освобождала богатыря изъ погребовъ глубокихъ. Изъ скрещиванія этихъ двухъ основныхъ мотивовъ и образовалась извѣстная намъ былина о Ставрѣ. Но послѣдній изъ нихъ, т. е. рассказъ о мужественной женщинѣ, въ такомъ видѣ, какъ мы его находимъ въ былинѣ, не есть произведеніе только русскаго народнаго творчества: онъ въ значительной степени заимствованъ изъ юго-славянскихъ пѣсенъ, легко привившихся къ русской обстановкѣ вслѣдствіе одинаковыхъ въ данномъ случаѣ бытовыхъ условій. Въ пѣсняхъ сербо-болгарскихъ разрабатывался, между прочимъ, сюжетъ объ освобожденіи мужа женою изъ темницы и рассказы о дѣвушкѣ-воинѣ, осложненные мотивомъ испытанія пола. Какой-то пѣвецъ соединилъ только уже существовавшую пѣсню о Ставрѣ, заключенномъ въ погреба, съ этими юго-славянскими сюжетами, и въ результатъ получилась изслѣдуемая былина. Дѣйствительно, «вся разница русскаго произведенія... исчерпывается лишь незначительными подробностями, оказывающимися лишь наслоеніемъ позднѣйшаго времени»¹⁾). До рассказа о событіяхъ послѣ пріѣзда Василисы Никуличны въ Кіевъ русская былина вполне совпадаетъ съ юго-славянскими пѣснями объ освобожденіи женою мужа, но въ дальнѣйшій ходъ былиннаго рассказа внесены «мотивъ иной категоріи, именно, сюжетъ, входившій въ составъ пѣсенъ о дѣвушкѣ воинѣ, куда онъ попалъ, какъ замѣчено выше, по всей вѣроятности, изъ книжныхъ источниковъ, развивавшихъ замысловатую фабулу о женитьбѣ женщины на женщинѣ. Въ рассказы такого рода входили составными звеньями приемы испытанія пола. Отсюда они цѣликомъ перенесены въ русскую былинку, при томъ точно въ такомъ-же порядкѣ, какъ и въ сербо-болгарскихъ пѣсняхъ. Вся разница между русскими и юго-славянскими пѣснями состоитъ лишь въ томъ, что русскія былины носятъ отпечатокъ нѣкоторой грубости тона, отложившейся вслѣдствіе долгаго обращенія ихъ исклю-

¹⁾ ib. с. 169.

чительно въ средѣ народной массы¹⁾). Очагомъ пѣсенъ о дѣвушкѣ—воинѣ авторъ считаетъ литературный центръ сербской народности, Дубровникъ, откуда и пошли отраженія этого мотива на востокъ и западъ. Русскія былины о Ставрѣ и юго-славянскія пѣсни однороднаго содержанія должны быть считаемы зерномъ, изъ котораго возникли западно-европейскіе и азіатскіе варианты.

Въ своемъ изслѣдованіи Созоновичъ собралъ достаточно обильный сравнительный матеріалъ изъ литературъ юго-славянскихъ, а также греческой, итальянской, испанской, португальской и французской и попытался указать центръ, изъ котораго, по его мнѣнію, распространился на востокъ и западъ сюжетъ указанной пѣсни. Веселовскій, Батюшковъ и В. Миллеръ въ своихъ замѣткахъ по поводу книги Созоновича подвергли критическому разбору навѣйшія его положенія, не соглашаясь, какъ съ приуроченіемъ первоначальныхъ пѣсенъ о дѣвушкѣ—воинѣ къ Дубровнику, такъ и съ признаніемъ за юго-славянскими пѣснями исключительнаго вліянія на русскую былинну о Ставрѣ. Сходство, указываемое Созоновичемъ между былинами о Ставрѣ Годиновичѣ и приводимыми имъ юго-славянскими пѣснями, вовсе уже не настолько велико, чтобы можно было съ увѣренностью утверждать фактъ заимствованія. Такъ, та часть былины, гдѣ рѣчь идетъ о сватовствѣ за дочь Владиміра, и которую разбираемый авторъ признаетъ несомнѣнно заимствованной у южныхъ славянъ, именно не находитъ себѣ тамъ аналогіи. Во всѣхъ, далѣе, русскихъ вариантахъ сюжета о Ставрѣ это лицо представлено искуснымъ гусяромъ; благодаря, до нѣкоторой степени, этому таланту онъ освобожденъ изъ темницы: между тѣмъ, юго-славянскія пѣсни не имѣютъ параллели къ этой характерной чертѣ Ставра. Большому также подлежитъ сомнѣнію утвержденіе Созоновича, будто-бы ранѣе случая съ новгородскимъ сотникомъ Ставромъ въ мѣстности, гдѣ онъ жилъ, были извѣстны пѣсни о воинственной женщинѣ, освобождающей богатыря. Мнѣніе, что эпизодъ освобожденія Василія Буслаева дѣвушкой—чернавушкой существовалъ ранѣе

¹⁾ с. 170.

Сылины о Ставрѣ, прямо таки голословно. Въ работѣ пр. обзоновича не ясно, на конецъ, какъ относятся къ былинамъ о Ставрѣ тѣ чисто русскія пѣсни о воинственной женщинѣ, существованіе которыхъ онъ признаетъ въ древнюю эпоху нашей исторіи. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что онѣ повліяли на эти былины, а въ другомъ считаетъ несомнѣнно русскою частью разсказа только эпизодъ о заключеніи Ставра въ погребъ.

IX.

Въ концѣ своего труда Стасовъ высказывалъ сожалѣніе что наши оріенталисты мало обращаютъ вниманія на связь былинь и восточныхъ сказаній, и выразился въ томъ смыслѣ что только люди, знакомые съ азіатской народной поэзіей, могутъ съ успѣхомъ разрабатывать былины. Полная несостоятельность теорій автора «Происхожденіе русскихъ былинь», надо думать, удерживала до послѣдняго времени нашихъ ученыхъ отъ рѣшенія интереснаго вопроса объ отношеніи восточныхъ и русскихъ былинь. Лингвисты признали вніаніе востока во многихъ словахъ, историки искусства указали въ русскомъ народномъ орнаментѣ слѣды культурнаго воздѣйствія азіатскаго происхожденія сосѣдей, утверждали то-же самое и о музыкальныхъ инструментахъ, теждѣ тѣмъ вопросъ о воздѣйствіи восточныхъ сюжетовъ на русскій былевой эпосъ со времени Стасова, за немногими исключеніями, обходился молчаніемъ. Только въ послѣднее время (если не ошибаемся, начиная съ 1890-го года), появился радъ статей Г. Н. Потанина, выясняющихъ отношеніе нашихъ былинь къ восточнымъ сказаніямъ. Исслѣдованія Потанина, какъ почти все написанное въ послѣднія десятилѣтія о былинахъ, носятъ этнографическій характеръ и занимаются разсматриваніемъ то того, то друго былевого сюжета въ связи съ азіатской народной литературой. Знаменитый этнографъ Монголіи, по большей части, воздерживается отъ широкихъ выводовъ и обобщеній и ограничивается чаще всего указаніемъ на восточныя параллели къ нашимъ богатырскимъ пѣснямъ. Пока еще, кажется, трудно дѣлать какіе-нибудь общіе выводы относительно изысканій

Потанина, такъ какъ они, по видимому, далеко не закончены; съ рѣшеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, впрочемъ, трудно согласиться. Мы остановимся, для примѣра, только на нѣкоторыхъ статьяхъ Потанина. Въ сентябрьской книгѣ «Вѣстника Европы» за 1890-й годъ было напечатано его «Монгольское сказаніе о Гэсэръ Ханѣ; къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ», являющееся, какъ-бы продолженіемъ изслѣдованія Стасова¹⁾. Потанинъ здѣсь сближаетъ русскія былины съ монгольскимъ книжнымъ сказаніемъ о Гэсэръ — Ханѣ, останавливаясь, главнымъ образомъ, на пѣсняхъ о Добрынѣ, котораго онъ сравниваетъ съ Гэсэромъ «во весь ростъ»²⁾. Эпизоды объ обращеніи Добрыни чародѣйкой Мариной въ гнѣдого тура, о сватовствѣ Алеши за жену отсутствующаго Добрыни и освобожденіи Добрыней Запавы изъ пещеры убитаго змѣя находятъ себѣ соотвѣтствіе въ монгольскомъ сказаніи о Гэсэрѣ, заимствованномъ у какого-то тюркского племени. Та-же самая тема связана еще и съ другими лицами богатырскаго эпоса, напр., съ Соловьемъ Будиміровичемъ, богатыремъ Суровцомъ, Михайломъ Казаряниномъ. Былина о послѣднемъ «есть не что иное, какъ самая краткая схема главнаго эпизода въ сказаніи о Гэсэрѣ»³⁾. Въ томъ послѣднемъ, наконецъ, кроется оригиналь блестяще возсозданной А. Н. Веселовскимъ древней схемы былины о Михаилѣ Даниловичѣ. Въ позднѣйшихъ своихъ работахъ, помѣщаемыхъ въ «этнографическомъ обзорѣ», Потанинъ не разъ обращался къ указанію связи восточнаго и русскаго эпосовъ. Таково, напр., его изслѣдованіе о Гэсэрѣ и Ставрѣ Годиновичѣ⁴⁾, гдѣ былины объ этомъ послѣднемъ ставятся въ соотношеніе съ монгольскимъ сказаніемъ о Гэсэръ-ханѣ и одною тюрко-бурятскою сказкою. Чтобы придать больше достовѣрности своимъ сближеніямъ, онъ даже предлагаетъ совершенно невѣроятное филологическое объясненіе имени Ставра. Въ этомъ изслѣдованіи

¹⁾ Указанная статья Потанина посвящена, главнымъ образомъ, сравнительному изслѣдованію и не рѣшаетъ вопроса о возможности, о путяхъ и времени перехода монгольскаго сказанія въ Россію.

²⁾ В. Е. 90 г. 9 с. 122. ³⁾ *ibid.* с. 131. ⁴⁾ Этнограф. Обзор. 91 г. книга 3-я.

Потанинъ не далеко ушелъ отъ Стасова, сопоставляя одинокія подробности восточныхъ сюжетовъ съ нашей былинной. Вообще, Потанинъ думаетъ, что такъ часто наблюдаемое взаимоотношеніе восточнаго и русскаго фольклора «приглашаетъ искать ключъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи русскаго былиннаго эпоса, между прочимъ, и въ степномъ ордынскомъ эпосѣ¹⁾).

Въ 1891-мъ году въ «Русской мысли» появился цѣлый рядъ «экскурсовъ въ область русскаго народнаго эпоса»²⁾ профессора Московскаго университета В. Θ. Миллера, посвященныхъ, главнымъ образомъ, вопросу объ отношеніи былинъ къ восточному эпосу. Главная задача этихъ «экскурсовъ» состоитъ въ томъ, чтобы доказать вліяніе на русскія былины иранскаго эпоса и въ частности Рустеміады. В. Миллеръ не имѣетъ цѣлью подробно разсмотрѣть этотъ вопросъ; онъ, по его словамъ, затронулъ его лишь для того чтобы показать, что онъ нуждается въ обстоятельномъ изслѣдованіи. Этотъ же вопросъ, какъ извѣстно, разрабатывалъ раньше и Стасовъ, но между трудами Стасова и В. Миллера огромная разница. Задавшись мыслью, что нашъ эпосъ есть плодъ заимствованія съ востока и собравши множество параллелей, зачастую рискованныхъ и произвольныхъ, Стасовъ ограничился однимъ, такъ сказать, чисто внѣшнимъ литературнымъ сближеніемъ и доказалъ (для себя), что наши былины были вовсе не русскимъ народнымъ созданіемъ, а неполной и искаженной копіей восточныхъ оригиналовъ. Проф. В. Миллеръ гораздо осторожнѣе: онъ не рѣшаетъ вопроса такъ категорически, какъ его смѣлый предшественникъ; въ его книгѣ мы не встрѣтимъ какого-либо рискованнаго утвержденія, которое онъ выдавалъ бы за безусловную истину; очень часто онъ дѣлаетъ оговорку, что это только гипотеза, имѣющая пока достаточное основаніе. Выводы Стасова и В. Миллера значительно отличаются: послѣдній утверждаетъ не заимствование, а вліяніе восточнаго эпоса на русскія былины, допуская въ нихъ и чисто самосто-

¹⁾ *ibid.* см. стат. Потанина.

²⁾ 1892 г. они вышли отдѣльной книгой.

ятельные элементы, какъ. напр., сказанія о Добрынь и др. Главнымъ предметомъ «экскурсовъ» служатъ былины объ Ильѣ Муромцѣ, которому посвящена половина труда; кромѣ того, авторъ разсматриваетъ Владимира, Апракаю, Добрыню и Еруслана Лазаревича; въ двухъ послѣднихъ экскурсахъ изложены общія соображенія автора о возможно вѣроятномъ мѣстѣ и времени возникновенія былинъ и о степени вліянія на нихъ иноземнаго элемента.

Въ исторіи русскихъ былинъ, по мнѣнію В. Миллера, замѣчается два процесса: историзація и поэтизація. Первый состоитъ въ томъ, что чисто сказочные сюжеты приурочиваются къ историческимъ временамъ и личностямъ, второй—въ томъ что историческая пѣсня теряетъ свои характеръ достовѣрности подъ вліяніемъ поэтического вымысла. Первый процессъ имѣлъ мѣсто въ былинахъ объ Ильѣ, второй—въ исторіи многихъ другихъ богатырскихъ типовъ. Этимъ послѣднимъ объясняется, напр. то обстоятельство, что Ермакъ очутился въ ряду Киевскихъ богатырей. Основнымъ мотивомъ нашего эпоса вообще должна быть признана «борьба русскихъ богатырей съ разными врагами русской земли и преимущественно съ татарами, заслонившими болѣе раннихъ историческихъ враговъ Россіи»¹⁾. Корни русскихъ былинъ относятся къ эпохѣ XI, XII вв, а соединеніе ихъ въ циклъ не раньше, какъ къ концу XII-го. Мѣстностью, гдѣ возникли первоначально наши богатырскія пѣсни, были скорѣе всего окраины русской территоріи, гдѣ въ теченіе многихъ вѣковъ велась упорная борьба съ кочевниками. Въ первоначальномъ эпосѣ, надо думать, преобладалъ мотивъ героическій повѣствованія о подвигахъ русскихъ «храбровъ» въ столкновеніяхъ съ кочевниками. На это первичное историческое зерно не замедлили наслониться фантастическіе сказочные сюжеты, какъ русскаго, такъ и иноземнаго происхожденія, а съ другой стороны, и эти самые сюжеты подъ вліяніемъ былинъ получили историческія черты — словомъ, произошла указанная выше поэти-

¹⁾ Р. М. 91 г. 12 с. 91.

зація и историзація¹⁾). Такъ какъ на зарѣ исторіи Русскому народу пришлось вести ожесточенную борьбу съ тюркскими племенами, то память объ этой борьбѣ отложилаь и въ народныхъ пѣсняхъ. Даже такое крупное народное бѣдствіе, какъ нашествіе татаръ, не изгладило воспомина-нія объ этой первоначальной борьбѣ, оставивъ ея, незначи-тельные, правда, отголоски въ имени Тугарина (поло-вецкій ханъ Тугорканъ) и въ юно-русскомъ преданіи «о шелудивомъ Бонякѣ». Постоянныя столкновенія съ половцами вызвали у русскихъ знакомство съ ихъ языкомъ (что доказы-вается множествомъ половецкихъ словъ въ русской и особенно южно-русской рѣчи) и, естественно, съ народнымъ эпосомъ. «Въ нашемъ эпосѣ мы находимъ тѣ же черты, что и въ эпи-ческихъ пѣсняхъ тюркскихъ степняковъ: наши богатыри почти живутъ въ степи, въ чистомъ полѣ, спятъ въ шатрахъ, не расстаются съ конемъ, употребляютъ въ обращеніи тѣ же приемы, какъ степняки, почти копируя ихъ²⁾). Даже самое слово «богатырь» такого-же степного происхожденія, такъ какъ перешло къ намъ отъ кочевниковъ. Какъ и у монголотюр-ковъ, у насъ богатырями называются тѣ лица, которыя ѣздятъ въ полѣ и совершаютъ тамъ разные подвиги. Соловей Буди-мировичъ, Дюкъ Степановичъ, Чурило Пленковичъ ни разу почти не названы богатырями. Если допустить сильное эпи-ческое общеніе между пограничными русскими областями и кочевниками, населявшими южно-русскія степи, то нѣтъ ни-чего невозможнаго въ томъ, что къ намъ могли зайти наи-болѣе популярныя восточныя эпическіе сюжеты, какъ, напр., эпизоды изъ Рустеміады и т. п. Обращиками такого вліянія восточнаго эпоса на русскій могутъ служить образы Владими-ра и Апраксіи, а также Ильи Муромца съ его авантюрами.

¹⁾ Любопытно отмѣтить два діаметрально противоположные взгляда миео-логовъ и ученыхъ, склоняющихся къ исторической точкѣ зрѣнія на былины: пер-вые утверждаютъ, что историческій элементъ въ былинахъ явился позднѣйшимъ наслоеніемъ на первоначальную миеологическую основу, вторые — наоборотъ (поэтизація В. Миллера).

²⁾ Р, М. 91 г. 12 с. 94.

Былинный образъ Владиміра—красна солнышка поражаетъ своею противоположностью съ личностью историческаго князя. Историческій Владиміръ былъ первымъ княземъ, при которомъ русскій народъ отдохнулъ отъ насильнической политики предшествовавшихъ правителей. Въ немъ въ первый разъ замѣчаются новыя черты преобладанія надъ дружинникомъ земскаго князя. По мнѣнію Костомарова, только личность Петра Великаго можетъ стать въ уровень съ Владиміромъ. Въ такомъ-же духѣ изображаетъ Владиміра и лѣтопись, отмѣчая его энергію, предприимчивость, мудрость и доброту. Между тѣмъ эпическій «красное солнышко» совершенно безцвѣтенъ, трусливъ, неблагодаренъ, жаденъ, самодуръ. Невозможно, по мнѣнію В. Миллера, объяснить эти несимпатичныя черты историческими или бытовыми наслоеніями; остается допустить мысль, что на былинномъ Владимірѣ «отложились нѣкоторыя черты того типа эпическаго или сказочнаго царя, котораго иранскимъ экземпляромъ является царь Кейкаусъ, современникъ національнаго иранскаго богатыря Рустема¹⁾). Отношенія Кейкауса къ Рустему очень напоминаютъ собою отношенія Владиміра къ Ильѣ. Первый, какъ и Владиміръ, въ минуту опасности униженно умоляетъ своего богатыря спасти его; подобно былинному князю, онъ не рѣдко раскаивается въ своей оплошности въ обращеніи съ витяземъ; рассказы о женитьбѣ Кейкауса и Владиміра также очень схожи; жены обоихъ царей оказываются надѣленными одинаковыми чертами — сластолюбіемъ и коварствомъ, и т. д. Что касается до имени жены былиннаго Владиміра, то оно, по всей вѣроятности, перешло изъ повѣсти о походѣ Батыевой рати на Рязань, гдѣ княжеская супруга является съ совершенно другими чертами, чѣмъ Евпраксія. На нашемъ Ильѣ отразились черты Рустема, сказанія о которомъ были занесены на югъ Россіи тюркскими кочевниками. Но вмѣстѣ съ образомъ Рустема въ нашъ эпосъ перешли и другія лица, стоявшія съ нимъ въ связи, какъ царь Кейкаусъ и его жена. «Что-бы отгнѣнить

¹⁾ Р. М. 1 с. 78.

высокія нравственныя черты своего идеальнаго богатыря, русскіе сказатели перенесли отрицательныя черты восточнаго властителя на своего былевого князя и, такимъ образомъ, по недомыслию допустили историческую несправедливость относительно князя Владиміра¹⁾). Въ Рустеміадѣ и въ сказаніяхъ о подвигахъ Исфендеара—alter ego Рустема—съ перваго взгляда нѣтъ эпизодовъ, подобныхъ бою Ильи съ Соловьемъ-разбойникомъ, Жидовиномъ, Идолицемъ, разбойниками и т. п. Тѣмъ не менѣе, личность Рустема значительно повліяла на нашего національнаго богатыря. Какъ Илья, такъ и Рустемъ въ началѣ были надѣлены непомѣрной силой, которая потомъ уменьшилась на половину; въ минуту опасности по молитвѣ имъ обильно возвращается сила; оба они любятъ хорошо выпить, оба при борьбѣ съ противникомъ поднимаютъ его вверхъ и бросаютъ на землю; и тотъ, и другой отличается спокойнымъ мужествомъ, нестяжательностью, благочестіемъ, великодушіемъ; оба занимаютъ почетное мѣсто среди другихъ богатырей и служатъ отечеству, а не власти. Говоря о частныхъ эпизодахъ изъ жизни перваго нашего богатыря, трудно указать въ восточныхъ сюжетахъ оригиналы ихъ, хотя нельзя не отмѣтить во многихъ случаяхъ очень близкія аналогіи, дающія право предполагать болѣе или менѣе широкое заимствованіе. Такъ, сущность былинъ о поѣздкѣ Ильи въ Кіевъ (Илья выбираетъ кратчайшій путь и встрѣчаетъ на немъ препятствія, которыя одолеваетъ) находятъ себѣ параллели въ иранскихъ сказаніяхъ. Труднѣе найти аналогіи въ азіатскомъ эпосѣ къ эпизоду съ Соловьемъ—разбойникомъ. Въ русскихъ былинахъ Соловей-разбойникъ является двойственнымъ существомъ: то онъ представляется въ видѣ «птицы рахманной», то человѣкомъ-богатыремъ. Птичій образъ Соловья стоитъ, быть можетъ, въ связи съ иранскимъ представленіемъ о чудовищной птицѣ Самургѣ, которую убилъ Исфендеоръ; иранскіе властители Авладъ и Кергсаръ, съ которыми встрѣчался Русталъ и Исфендеаръ, напоминаютъ также собою соловья-богатыря. Но многія

¹⁾ Тамъ же. 91.

черты, связанныя съ нашимъ Соловьёмъ-разбойникомъ, какъ его семья—жена, дочери и зятья, богатырскій свистъ—не находятъ аналогіи въ иранскихъ сказаніяхъ. Быть можетъ, въ боѣ Ильи съ Соловьёмъ сохранился отголосокъ столкновенія Рустема съ дивами. Вообще, «всматриваясь въ Соловья-разбойника, мы замѣчаемъ въ немъ странное, противоестественное соединеніе по меньшей мѣрѣ трехъ фигуръ: птицы, богатыря и чудовища, сшитыхъ чисто механически въ одинъ образъ. Нелѣпость этого конгломерата объясняется именно тѣмъ, что былинный рассказъ о походѣ Ильи съ Соловьёмъ есть результатъ послѣдовательнаго искаженія, перевиранія какого-то иноземнаго, болѣе полного рассказа, отдѣльные эпизоды котораго были съ теченіемъ времени сжаты въ одинъ, такъ что отдѣльныя черты первоначально разныхъ личностей были соединены чисто механически въ одной¹⁾).

Походъ Рустема съ колдуньей нѣсколько напоминаетъ эпизодъ встрѣчи Ильи Муромца съ прекрасной королевичной, но сходство между ними замѣчается въ общемъ, а не въ деталяхъ, и потому говорить о какомъ-бы то ни было заимствованіи трудно, тѣмъ болѣе, что подобный мотивъ встрѣчается и въ русскихъ народныхъ сказкахъ, откуда онъ могъ перейти въ былинку. Несомнѣнно только существованіе какой-то связи между русскимъ и иранскимъ изводами повѣствованія.

Въ различныхъ вариантахъ былинь о боѣ Ильи съ сыномъ слѣдуетъ видѣть, по мнѣнію В. Миллера, слѣды иранской редакціи общераспространеннаго эпического сюжета, которая однако, прежде чѣмъ достигла русскаго эпоса, прошла не иранскую среду²⁾. Такой выводъ подтверждается сравненіемъ иранской редакціи рассказа о боѣ Рустема съ Сохрабомъ и русской — Ильи съ сыномъ. Сказывается девять пунктовъ детальнаго сходства между русскимъ и иранскимъ сказаніями, и поэтому авторъ допускаетъ (съ осторожностью) вліяніе восточныхъ иранскихъ пересказовъ разсматриваемаго сюжета на русскую версію. «Что же касается до пути, по которому эти

¹⁾ Р. М. 91 г. 6 с. 21. ²⁾ срав. Р. М. 91 8 с. 25.

иранскіе пересказы проникли въ нашъ эпосъ, то онъ не можетъ быть намѣченъ съ точностью; но существованіе восточныхъ вѣиранскихъ пересказовъ того-же сюжета (киргизскихъ и кавказскихъ) и значительная ихъ близость съ нашими не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что тотъ пересказъ, который легъ въ основаніе русскихъ былинныхъ передѣлокъ, проникъ въ нашъ эпосъ съ востока черезъ южно-русскія степи, пройдя, вѣроятно, черезъ тюркскую среду¹⁾.

Такимъ образомъ русскій національный богатырь — крестьянинъ оказывается не вполне туземнымъ образомъ. Самое его крестьянство не есть что-нибудь такое, что искони принадлежало ему даже на русской почвѣ. Крестьянство оказывается «бѣлыми нитками пришитымъ» къ Ильѣ; онъ только одинъ разъ занимается крестьянской работой (корчеваніе), а затѣмъ навсегда покидаетъ эту среду и немедленно послѣ отъѣзда изъ дому называется «старымъ козакомъ города Мурома, села Карачарова». Въ нѣкоторыхъ былинахъ его имя всегда сопровождается эпитетомъ «осударь нашъ», а по одному Рыбниковскому варианту у него оказываются даже «слуги вѣрные». Не мѣшаетъ также имѣть въ виду свидѣтельство Тидрексали, гдѣ Илья названъ братомъ Владиміра, что указываетъ на его привилегированное положеніе. Прозваніе Ильи Муромцемъ и прикрѣпленіе его къ селу Карачарову и крестьянской средѣ есть результатъ воздѣйствія сѣверно-русской поры эпоса, болѣе поздней, относящейся ко времени движенія населенія изъ южной Руси въ сѣверную и восточную. Старинное прозвище его было Муровлинъ (Ляссота), Муравленинъ (Кмита Чернобыльскій), Муровицъ, Муровецъ, что не трудно объяснить изъ существующихъ въ южной Руси названій подобнаго корня; правдоподобнѣе всего относить Илью къ древнему городу Черниговской области Моровску. Если-бы Илья происходилъ изъ Мурома Рязанскаго, оставалось-бы совершенно необъясненнымъ, почему онъ по дорогѣ въ Кіевъ заѣхалъ къ Чернигову и освободилъ его отъ татаръ. Положеніе Кіева со своими

¹⁾ Р. М. 91. 8 с. 192.

святынями въ глазахъ русскаго населенія было таково; что народъ и въ древнія времена со всѣхъ концовъ Россіи посѣщалъ его и потому не могъ не знать въ общихъ чертахъ дороги сюда съ сѣверо-Руси. Прикрѣпленіе Ильи къ селу Карачаеву можетъ быть объяснено существованіемъ въ XII в. между Черниговскимъ и Новгородъ-сѣверскимъ княжествомъ города Карачева, возлѣ котораго протекала рѣка Смородинная, находилось древнее село Девятидубье, и Соловьевъ перевозъ; тамъ-же существуетъ преданіе о Соловьѣ-разбойникѣ. Вообще, «вся былинная исторія Муромца доказываетъ, что Илья сталъ Муромцемъ сравнительно поздно, уже въ татарскій періодъ, когда въ эпосѣ стали значительно гложуть воспоминанія о мѣстностяхъ южной Руси, когда она стала для сказителей «страной незнакомой». Если-бы Илья дѣйствительно съ самого начала былъ связанъ съ Муромское областю, эпосъ донесъ-бы до насъ сказанія о какихъ-ниб. подвигахъ его, совершенныхъ имъ въ родной области и для нея. Но ничего подобнаго не знаютъ былины»¹⁾. Имя русскаго богатыря-крестьянина могло перейти въ наши былины хотя-бы изъ хозарскаго эпоса, гдѣ имъ могъ называться Рустемъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что Илья никогда не былъ историческимъ лицомъ, въ чемъ, впрочемъ, согласно большинство изслѣдователей русскаго эпоса.

Одна изъ главъ (II-ая) «экскурсовъ» не стоитъ въ связи съ общей идеей, проводимой въ нихъ, и является выраженіемъ другого взгляда автора на былины, какъ на произведеніе чисто русской дѣйствительности. Это глава о Добрынѣ-змѣборцѣ. Въ былинахъ о Добрынѣ-змѣборцѣ, по мнѣнію В. Миллера, нужно видѣть эпическій отголосокъ народныхъ преданій объ историческомъ Добрынѣ, дядѣ просвѣтителя Русской земли, оставившемъ глубокой слѣдъ въ народной памяти дѣятельностью по распространенію христіанства, сопровождавшейся сверженіемъ идоловъ и массовымъ крещеніемъ язычниковъ. Такое заключеніе уполномочиваетъ дѣлать множество хотя и

¹⁾ Р. М. 91. XI. с. 83.

мелкихъ, но знаменательныхъ данныхъ въ самыхъ былинахъ. На связь змѣя съ язычествомъ указываетъ, напр., то, что дѣвушка, посватанная имъ Добрынѣ, язычница, змѣй нападаетъ на богатыря во время купанья («наивное народное осмысленіе историческаго Добрыни, какъ «крестителя», «купалы»); названіе рѣки, гдѣ купался Добрыня (Пучай, Почай, Пучаева) сохранило въ себѣ воспоминаніе объ исторической рѣкѣ Почайнѣ; колпакъ земли греческой, которымъ богатырь отбиваетъ змѣю хоботы, обозначаетъ приходъ христіанской вѣры изъ Византіи и т. п. Подъ вліяніемъ былинь о боѣ Добрыни со змѣемъ въ рѣкѣ въ богатырскій эпосъ перешелъ чисто сказочный сюжетъ о сношеніяхъ змѣя съ женщинами, принявъ форму былины о Добрынѣ и Маринѣ ¹⁾).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ своихъ «экскурсахъ» В. Миллеръ поднималъ еще разъ старый, но до сихъ поръ не рѣшенный вопросъ объ отношеніи былинь къ восточному эпосу. Новаго сравнительно съ существующими уже трудами о былинахъ книга В. Миллера даетъ мало. Многія положенія,

¹⁾ Въ четвертой книгѣ «Этн. Об.» за 1893-й годъ В. Миллеръ дѣлаетъ добавленія къ этой главѣ, приводя Новгородское преданіе о Перюномъ скатѣ. Въ этомъ преданіи «змѣяка, находящійся, какъ эпическіе змѣи, въ связи съ женщинами, напоминаетъ того змѣя-Горыныча, который увелъ Запаву Путятичну, и съ которымъ бьется былевой Добрыня» (с. 180). Гутъ-же змѣй прямо отождествленъ съ Перуномъ, представителемъ язычества, и въ этомъ В. Миллеръ видитъ подтвержденіе своего предположенія о тождествѣ язычества и змѣя. Онъ идетъ далѣе и предполагаетъ, что мѣстные новгородскія преданія послужили, по крайней мѣрѣ, отчасти, матеріаломъ для былинь о боѣ Добрыни со змѣемъ Горынычемъ, такъ какъ эти преданія существуютъ именно тамъ, гдѣ лѣтописный Добрыня сокрушалъ идоловъ ихъ въ Волховѣ.

Въ «Матеріалахъ для исторіи былинныхъ сюжетовъ» въ «Этнографическомъ Обзор. 93 г. № 2 В. Миллеръ указываетъ лѣтописную параллель къ былинамъ о Добрынѣ-сватѣ и на основаніи ея утверждаетъ, что «еще въ 12-мъ вѣкѣ въ народѣ имя Добрыни было связано съ насильственнымъ добываніемъ жены для князя Владиміра, и послѣднимъ эпически нереработаннымъ отголоскомъ такого преданія можно считать былины о Добрынѣ» (с. 68).

Въ «Добрыня въ отъѣздѣ и выходъ его жены за мужъ за Алешу Поповича» («Этногр. Обзор.» 90 г. 2) нашъ авторъ сравниваетъ съ русскими былинами о Добрынѣ въ отъѣздѣ турецкую сказку «Алишкъ-Керибъ». Въ общемъ, сходство оказывается таково, какъ между копіей и оригиналомъ. В. Миллеръ заключаетъ поэтому, что и этотъ мотивъ нашего эпоса проникъ къ намъ съ востока, а не съ запада, какъ это думаютъ пр. Дашкевичъ, Кириичниковъ, Халанскій.

доказываемыя авторомъ, были болѣе или менѣе опредѣленно высказываемы предшествовавшими изслѣдователями, и В. Миллеръ приводитъ только иной разъ новыя сравнительныя данныя, или придаетъ иное освѣщеніе уже указаннымъ. Во всякомъ случаѣ, трудъ его заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ одна изъ самыхъ удачныхъ попытокъ сближенія русскихъ былинъ и иранскихъ сказаній.

Книга В. О. Миллера вызвала двѣ рецензіи: Пыпина въ «Вѣстникѣ Европы» и Соболевскаго въ «Живой Старинѣ». Рецензія Пыпина посвящена изложенію содержанія «экскурсовъ» и не даетъ какихъ-либо критическихъ замѣчаній; коротенькая рецензія пр. Соболевскаго вся посвящена возраженіямъ: критикъ не соглашается съ приуроченіемъ Ильи къ какому-ниб. другому сословію, кромѣ крестьянскаго. Свидѣтельство Тидрексаги не должно быть принимаемо въ расчетъ, такъ какъ ея «Ilias» никакъ не могъ зайти туда изъ русской рѣчи. Конечное ж не могло развиваться на нѣмецкой почвѣ. Можно предположить, что «Ilias» есть передѣлка греческаго «Πλιας». Названіе «козакъ», «старый козакъ», не обозначаетъ еще чего-ниб. противорѣчащаго понятію «крестьянинъ»; дѣло въ томъ, что въ XIV—XV ст. это слово употреблялось, главнымъ образомъ, въ смыслѣ работникъ, батракъ, преимущественно сельскій; «осударь нашъ», «слуги вѣрные» могло nascиться изъ пѣсенъ свадебныхъ и причитаній. Рецензентъ не хочетъ также согласиться съ утвержденіемъ автора о томъ, что Илья никогда не былъ историческимъ лицомъ. По его мнѣнію, Илья могъ быть однимъ изъ лицъ, стоявшихъ въ степи на заставѣ. Его дѣянія не попали въ лѣтопись, во-первыхъ, потому, что въ дотатарскую эпоху въ Муромской области, откуда, думаетъ Соболевскій, происходилъ Илья, едва-ли была лѣтопись, а во-вторыхъ, потому, что его подвиги были слишкомъ незначительны, чтобы войти туда. Тѣмъ не менѣе, память о немъ сохранилась въ народномъ преданіи и перешла въ былевыя пѣсни. «Экскурсы» В. Миллера вызвали также статью извѣстнаго историка Иловайскаго: «Богатырь — козакъ Илья Муромецъ,

какъ историческое лицо». Авторъ останавливается на вопросѣ о типѣ Ильи Муромца, о его происхожденіи, имени, прозвищѣ, о его, такъ сказать, историчности. На основаніи извѣстныхъ свидѣтельствъ германской поэмы объ ортнитѣ и норвежской Тидрекъ-саги Иловайскій заключаетъ, что въ древнюю эпоху «главная фигура нашихъ богатырскихъ былинъ, во-первыхъ, просто именовалась Илья безъ прибавленія Муромецъ, а, во-вторыхъ, ему приписывалось если не княжеское, то, по крайней мѣрѣ, боярское происхожденіе»¹⁾. Вѣроятно, уже въ XI, XII вв. Илья былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ героевъ дружинной поэзіи, несомнѣнно существовавшей въ дружинно-княжескую эпоху. Объясненіе прозванія «Муромецъ» изъ «Муровецъ», «Муровецъ» отъ города Черниговскаго княжества Моравійска не можетъ быть признано удовлетворительнымъ, потому что городъ Моравійскъ былъ слишкомъ мало извѣстенъ для того, чтобы первый русскій богатырь получилъ отъ него свое прозваніе. Скорѣе возможно допустить возникновеніе второй формы изъ первой, такъ какъ «названія сѣверо-восточной Руси въ юго-западныхъ говорахъ могли являться съ переходомъ ж въ в»²⁾. Илья былъ приуроченъ къ Мурому и получилъ свое извѣстное прозваніе не ранѣе конца XIII-го и первой половины XIV-го столѣтія, когда русская народная жизнь сосредоточилась въ сѣверо-восточныхъ областяхъ. Тогда-же, несомнѣнно, и Алеша сталъ Ростовцемъ, а Добрыня Рязанцемъ. Эпитетъ Ильи Муромца «старый казакъ» относится, по мнѣнію Иловайскаго къ Смутному времени, когда на Ильѣ нашихъ былинъ отложились нѣкоторыя черты самозванца Лжепетра, прозываемаго Илейкою Муромцемъ. «Съ тѣхъ поръ богатырь Илья представляется не только казакомъ, но и окончательно закрѣпляется за Муромомъ. По всей вѣроятности, дальнѣйшимъ фазисомъ этого закрѣпленія и вмѣстѣ демократизаціи богатыря было приуроченіе его къ подгородному селу Карачарову и къ крестьянскому роду»³⁾.

Прежде чѣмъ заняться восточными параллелями къ рус-

¹⁾ Рус. Арх. 98 г. 5 с. 35. ²⁾ Тамъ же. 39. ³⁾ 9. Арх. 93. 5 с. 47.

скому эпосу, В. Миллеръ обратилъ вниманіе на связь нашихъ былинъ съ нѣкоторыми финскими пѣснями, выясненію которой посвящена статья: «Отголоски финскаго эпоса въ русскомъ»¹⁾. Вліяніе финскаго эпоса наблюдается особенно въ Новгородскихъ былинахъ: образъ Садко—гусляра несомнѣнно заимствованъ у финновъ. Дѣло въ томъ, что въ нынѣшней Новгородской Губерніи пѣкогда были очень популярны пѣсни о Вейнеймейненѣ и морскомъ богѣ Athi или Atho. Многія детали русской быliny о Садкѣ—гуслярѣ и указанныхъ финскихъ пѣсень настолько близки, что невольно является мысль о вліяніи финскаго сказанія на русское. Садко—это музыкантъ и пѣвецъ Вейнеймейненъ, Водяникъ—Athi. «Объяснить, какимъ образомъ эти отголоски вкрались въ нашу былинку, не трудно. Поселившіеся у Ильмень озера славяне должны были невольно усвоить себѣ популярную у туземнаго населенія личность Вейнеймейнена и вѣрованія въ морскаго бога, живущаго въ озерѣ. И вотъ, въ силу какой-ниб. случайной аналогіи, личность Вейнеймейнена амальгировалась съ новгородскимъ богатымъ купцомъ Садкомъ...., а вмѣстѣ съ нимъ проникъ туда-же и любитель его таланта морской богъ съ женою, съ толпою дѣвъ и со всѣмъ царствомъ²⁾. Быть можетъ, также камень, черезъ который скачетъ Висилій Буслаевъ, есть отголосокъ воспоминанія о священныхъ финскихъ камняхъ. Не понятное «колыванъ», «Колывановичъ» объясняется легко на финской почвѣ отъ имени финскаго богатыря Kalevan'a.

Въ статьѣ «По поводу Траяна и Баяна «Слова о полку Игоревѣ» В. Миллеръ подвергъ анализу быliny о Микулѣ Селяниновичѣ. Нѣкоторые изслѣдователи стараются доказать, что въ былинахъ о Микулѣ русскій народъ противопоставилъ этого богатыря княжеской силѣ (встрѣча съ Вольгой). Однако въ сказаніяхъ о немъ, по мнѣнію В. Миллера, ничего подобнаго найти нельзя: Микула соглашается ѣхать съ княземъ за получкою дани «съ городовъ со крестьянами», его дочь вы-

¹⁾ Ж. М. Н. П. 79 г. 12. ²⁾ *ib.* с. 139.

ходить за-мужъ за Добрыню, представителя боярскаго сословія. Скорѣе можно думать, «что этотъ пахарь — лицо очень близкое къ князю, и что въ немъ мы находимъ въ русской одеждѣ царя и князя Гордіаса и Премысла¹⁾». Естрѣча Микулы съ Вольгою будетъ понятна, если вспомнить классическое преданіе объ Александрѣ Македонскомъ и Гордіасѣ (Гордіевъ узелъ). Вольга есть не болѣе, какъ передѣлка Александра. Походъ Вельги противъ возмущившаго города очень напоминаетъ усмиреніе Александромъ, по порученію отца, города Мегнона, о чемъ передается рассказъ въ книжной Александріи. Безсвязность русской былины о Микулѣ можетъ быть, до нѣкоторой степени, объяснена тѣмъ, что тутъ соединены два эпизода изъ Александріи—усмиреніе мятежнаго города и сказаніе о Гордіевомъ узлѣ. Имя нашего богатыря — пахаря или стоитъ въ связи съ культомъ Николая Чудотворца, покровителя коней (чудесная кобылка Микулы), или зашло изъ Александріи, гдѣ также идетъ рѣчь о Николаѣ, сынѣ Арея, съ которымъ Александръ состязался въ бѣгѣ на колесницѣ и побѣдилъ его на Олимпійскихъ играхъ. Въ былинахъ есть тоже мотивъ состязанія въ бѣгѣ между Микулой и Вольгой, только съ другимъ исходомъ, чѣмъ въ Александріи, но въ народномъ эпосѣ попадаетъ такой диаметрально противоположный исходъ спора: напр., Садко въ спорѣ съ Новгородомъ по однимъ былинамъ побѣждаетъ, по другимъ побѣжденъ. Пока нѣтъ возможности указать вполне точно посредствующія звенья между фригійскимъ преданіемъ и русской былиной, хотя за нихъ можно принимать сказаніе о золотомъ плугѣ Константинопольскаго короля Гутона въ англо-норманской поэмѣ и средневѣковый литературный памятникъ: «Путешествіе Карла Великаго въ Іерусалимъ».

Пр. Миллеръ, такимъ образомъ, пытается объяснить образъ Микулы, надъ которымъ такъ много трудилась мифологія, не болѣе, какъ заимствованіемъ изъ литературнаго источника, распространеннаго въ средніе вѣка чуть не по всей западной Европѣ и безызвѣстнаго у насъ.

¹⁾ Ж. М. Н. П. 78 г. 12 а. 263.

Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ тотъ-же авторъ трактуетъ о сходствѣ между русскими и кавказскими сказаніями. Тутъ оказываются параллели къ образамъ Святогора, Идолица, бабы-Латыгорки, Добрыни, Илеви. В. Миллеръ довольствуется скромнымъ выводомъ, что «между кавказскими и русскими сказаніями можетъ быть намѣчено специальное родство, какъ-бы оно не объяснялось и что послѣднее отчасти намѣчаетъ изъ распространенія на руси нѣкоторыхъ сказочныхъ мотивовъ» ²⁾.

Въ «Матеріалахъ для исторіи былинныхъ сюжетовъ», напечатанныхъ въ третьей книгѣ «Этнографическаго Обзорѣнія» за 1893-й годъ, В. Миллеръ изслѣдуетъ былины о Ставрѣ Годиновичѣ. Раздѣливъ ихъ на двѣ группы-Олонецкую и Сибирскую, и подвергнувъ критикѣ попытки объяснить ихъ заимствованіемъ, онъ рѣшаетъ, что «мы не можемъ среди сказокъ и пѣсенъ востока, запада и юга указать ни на одну, послужившую источникомъ старѣйшей извѣстной намъ (сибирской) редакціи былины, не можемъ даже указать болѣе или менѣе точно, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать этого источника—въ южномъ, западномъ, или восточномъ» ³⁾. Былина о Ставрѣ, по мнѣнію пр. В. Миллера, могла сложиться въ своей основной формѣ не раньше XV в. въ Новгородской области и легко прикрѣпилась къ Владимірову циклу, такъ какъ въ ней было имя князя Владиміра (Мономаха), «совпадающее съ именемъ безсмысленнаго эпического Киевскаго князя Владиміра Сеславича» ⁴⁾.

И такъ, въ трудахъ пр. В. Миллера, посвященныхъ былинамъ, замѣчаются два направленія въ стремленіи объяснить богатырскіе образы. Порою онъ рѣшаетъ вопросъ если не прямымъ заимствованіемъ, то сильнымъ иноземнымъ воздействиемъ, но во многихъ случаяхъ становится на историческую точку зрѣнія и старается объяснить былины изъ событій прошлаго, имѣвшихъ мѣсто въ той или другой части Русской земли.

¹⁾ «Кавк. параллели» въ приложеніи къ отд. изд. «экскурсовъ».

²⁾ ib. с. 15. ³⁾ Этн. Обз. 93 г. 3 с. 67. ⁴⁾ ib. с. 69.

З а к л ю ч е н і е.

Мы обозрѣли, въ общихъ чертахъ, всю исторію изученія нашего богатырскаго эпоса съ самаго начала ея до 1894-го года. Мы видѣли, какъ постепенно одно направленіе уступало мѣсто другому, чтобы, въ свою очередь, подготовить почву для слѣдующаго, берущаго все наиболѣе цѣнное своихъ предшественниковъ и вносящаго кое-что отъ себя для рѣшенія труднаго вопроса о былинахъ. Мы видѣли, какъ были покинуты имѣющіе малую научную цѣнность выводы славянофиловъ, и выдвинулись на сцену подѣ часть еще болѣе невѣроятныя обобщенія миеологовъ, какъ рядомъ съ ними возникло историческое направленіе въ изученіи былинъ, примкнувшее отчасти къ славянофильскимъ выводамъ и ученіе о заимствованіи богатырскаго эпоса съ востока. Въ шестидесятыхъ годахъ существовали всѣ три послѣднія направленія въ объясненіи богатырскихъ пѣсенъ. Наконецъ, двумъ послѣднимъ десятилѣтіямъ мы обязаны еще однимъ новымъ способомъ экзегезы народнаго былеваго эпоса, пытающимся освѣтить происхожденіе былинъ сопоставленіемъ ихъ съ книжной обращавшейся въ народѣ литературой и съ такъ называемыми бродячими сюжетами. Уже одно обиліе направленій въ изученіи эпоса указываетъ, насколько трудно прійти въ изслѣдованіи его къ какимъ-ниб. положительнымъ даннымъ. Даже въ наши дни не рѣдкость встрѣтить діаметрально противоположныя утвержденія ученыхъ о разныхъ лицахъ и частяхъ богатырскаго эпоса ¹⁾). Коренная ошибка громаднаго большинства изслѣдователей состояла въ томъ, что они изучали былинный матеріалъ съ одной какой-ниб. точки зрѣнія, пытаясь при помощи ея ея объяснить все, казавшееся для нихъ непонятнымъ. Между тѣмъ, одно изъ первыхъ условій для успѣшнаго изученія былинъ есть именно отсутствіе у изслѣдующаго односторонняго направленія. Еще О. Миллеръ въ своей книгѣ объ Ильѣ Муромцѣ и Кіевскихъ богатыряхъ указалъ съ достаточной ясностью на слоевой составъ нашихъ

¹⁾ Срав., напр. приведенное выше мнѣніе объ Ильѣ Муромцѣ пр—овъ В. Миллера, Соболевскаго, Иловайскаго.

былинъ, и мысль объ этомъ слоевомъ составѣ должна служить исходной точкой для всякаго, приступающаго къ изученію богатырскихъ пѣсенъ. Если въ былевомъ эпосѣ отложилась въ большей или меньшей степени чуть не каждая эпоха жизни народа, начиная съ самой древней, а также остались слѣды различныхъ культурныхъ воздѣйствій, національных и иноземныхъ, то изслѣдователь обязанъ все это принимать въ соображеніе и не сводить всѣхъ былинныхъ чертъ къ одной мифологіи и исторіи, или объяснять ихъ однимъ заимствованіемъ. Но такъ какъ въ основѣ очень многихъ богатырскихъ пѣсенъ лежитъ все-же историческое зерно, то изучающій ихъ прежде всего долженъ имѣть въ виду исторію, не упуская однако изъ виду мифологіи, книжнаго заимствования, вліянія такъ называемыхъ бродячихъ сюжетовъ и т. п. Такимъ образомъ, тотъ, кто приступаетъ къ изученію всего нашего былевого эпоса долженъ обладать солидными свѣдѣніями не только въ вопросахъ народной словесности индо-европейскихъ народовъ, но и въ области отечественной исторіи, культуры, международныхъ отношеній и т. д. Не много есть ученыхъ, совмѣщающихъ въ себѣ эти многочисленныя знанія, и потому большинство работъ по богатырскому эпосу въ послѣднее время носитъ монографическій характеръ и разрабатываетъ отдѣльныя его части, соотвѣтствующія научному кругозору изучающаго. Что касается до метода, наиболѣе удобоприложимаго къ анализу былевой поэзіи, то такимъ является методъ историко-сравнительный, быть можетъ, одинъ изъ самыхъ трудныхъ, какіе только существуютъ въ наукѣ исторіи литературы. Вслѣдствіе этого, нѣкоторые изъ позднѣйшихъ трудовъ по объясненію былинъ, не смотря на правильность основной точки зрѣнія, оказываются несостоятельными, какъ, напр. изслѣдованія Ягича и Созоновича.

Во всякомъ случаѣ, изученіе былинъ, какъ кажется, стало теперь, послѣ долгихъ блужданій, на настоящую почву, и можно надѣяться, что дружными усиліями ученыхъ разрѣшатся, наконецъ, всѣ вопросы, поставленные изслѣдователями богатырскаго эпоса.

К О Н Е Ц Ъ.



Критико-библіографическій обзоръ трудовъ по русскому богатырскому эпосу*).

Указатель литературы.

Г. Александровскій, Кіевъ.

До 1850 г.

Татищевъ. Исторія Россійская съ древнѣйшихъ временъ. 1768 г. т. I. с. 50 и 44.

Карамзинъ. (Илья Муромецъ, богатырская сказка въ стихахъ) Аглая Литературный Сбор. 1794 г.

Разсужденіе о древней русской словесности. (Авторъ неизвѣстенъ). 1809.

Древнія Россійскія стих., собран. Кир. Даниловымъ. Пер. изд. 1804 г., вт. — 1818 г., трет. — 1878 г., 4-е — 1892 г.

Рецензія на сборникъ Кириши Данилова. Сынъ Отечества. 1819 ЛП.

Fürst Vladimir und dessen Tafelrunde altrussische Heldenlieder. Leipzig 1819 г. (безъ автора).

Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго. 1819 г. кн. I. с. 141—2.

Сахаровъ. Сказанія русскаго народа. Пер. изд. 1837 г. втор.—1838 г., трет.—1841 г.

*) Въ прилагаемомъ «Указателѣ» перечислены тѣ сочиненія, какими я пользовался при составленіи моего «Критико-библіографическаго обзора трудовъ по русскому богатырскому эпосу», а также и приведено заглавіе тѣхъ, которыя вообще имѣютъ отношеніе къ вопросу о былинахъ. Отнюдь не претендуя на полноту этого «Указателя», я все-же думаю, что въ немъ названо все важнѣйшее изъ трудовъ, относящихся къ русскому былевому эпосу.

Г. Александровскій.

Бѣлинскій. Статя по поводу сбор. Кирши Данилова, Сказаній рус. народа Сахарова и др. написана въ 1841 г., первонач. напечатана въ «Отечеств. Зап.» 1841 г., впослѣд. въ V т. собр. сочиненій.

Милуковъ. Очеркъ исторіи русской поэзіи. Пер. изд. 47 г., втор.—58 г., трет.—64 г.

Протопоповъ. Илья Муромецъ. Приб. къ Влад. губ. вѣдом. 43 г. № 18.

Рецензія на лекціи Шевырева. Библ. для чт. 46 г. № 10.

Рябовъ. Былина и временность нижнетагильскихъ заводовъ. Уч. зап. Казан. университет. 48 г. II с. 187.

Востоковъ. Опытъ о русскомъ стихосложеніи. СПб. 1817 г.

Бодянскій. О народной поэзіи славянскихъ племенъ.

М. Макаровъ. Догадки объ исторіи русскихъ сказокъ. Моск. Тел. за 1830 г. № 21.

Отеч. зап. за 1839 г. №№ 6—7 (Разборъ «пѣсенъ русскаго народа» Сахарова).

Сахаровъ. Пѣсни русскаго народа.

Костомаровъ. Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи. Хар. 1843 г.

С. Шевыревъ. Исторія русской словесности, ч. I-ая 1846 г.

1850—1860 г.

Буслаевъ. Эпическая поэзія. Отеч. Зап. 1851 г. № 7.

Хомяковъ. Русскія народныя пѣсни. Москов. сбор. 1852 г.

О сборникѣ Кирши Данилова, Москвитянинъ. 1854 г. № 12.

Bolfz. Ueber das altrussische Heldenlied. 1854 г.

Крастелевъ. О русскомъ народномъ эпосѣ. Калуж. губ. вѣд. 1855 г. № 3.

Котляревскій. Сказанія о рус. богатыряхъ. Соб. соч. т. I.; или М. Вѣд. 57 г. №№ 56, 64 и 66. (О статьѣ Акс.) Замѣч. на статью К. Аксакова о богатыряхъ. Ж. М. Н. П. 57. 6, ст. 189.

А. Котляревскій. Два вопроса рус. историч. науки. (По поводу изд. пѣсенъ Кирѣвскаго). Молва 1857 г. 4. Подписано: 22 апрѣля. Городской читатель Молвы... въ собр. соч. т. I.

Кулишъ. Записи о Южной Руси. Т. II с. 48. 1857 г.

Шенинъ. Русскія народныя былины и пѣсни. М. 1859 г. (Изд. «Чтеніе Моск. об. исторіи и древностей»).

Тюринъ. Рецензія на собр. рус. нар. пѣсенъ Стаховича. (О музыкальномъ напѣвѣ былинъ). Изв. II отд. Ак. Н. т. IV. с. 23 и сл. СПБ. 55—58 г.

К. Аксаковъ. Богатыр. врем. въ кн. Владиміра по рус. пѣснямъ. Рус. Бес. 1856 г. 4. Впослѣд. въ собран. сочин. 61 г. т. I. с. 331—398.

Аксаковъ. О различіи между сказками и пѣснями. Моск. Вѣд. № 153 за 1852 г.

Шенингъ. Нѣсколько замѣтокъ о народныхъ русскихъ былинахъ. Москвитининъ № 9 за 1853 г.

А. Котляревскій. Разборъ «Очерка исторіи русской поэзіи» Милюкова. Отч. Зап. за 1858 г. № 4.

1860—1870 г.

Герцъ. Пѣсни, собранныя Кирѣвскимъ. О. Зап. 60 г. II.

Д. Щепкинъ. Объ источникахъ и формахъ русскаго баснословія. М. 61 г.

К. Аксаковъ. Замѣтка о значеніи Ильи Муромца. М. 61 г. Соч. т. I. ст. 409 — 12 или въ пер. вып. пѣсенъ Кирѣвскаго.

Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ. Ч. I. (Рецензія). Изв. 2 отд. И. Ак. Н. Т. X. СПБ. 61—63 г.

Пѣсни, собранныя Кирѣвскимъ. (Реценція). Изв. 2-го отд. И. Ак. Н. т. 9. с. 173—4. 1861 г.

Пѣсни, собранныя Кирѣвскимъ. I. т (4 вып.). (Рецензія). Изв. 2-го отд. И. Ак. Н. т. X. 61—63 г.

Буслаевъ. Историческій очеркъ рус. народной словесности и искусства. СПБ. 61 г. 2 тома.

Снегиревъ. Лубочныя картинки. М. 61 г. ст. 100.

А. Котляревскій. Русская народная литература. 1861 г. Соб. соч. т. I. (Между проч. о сбор. Кирѣвскаго I — вып.).

Взглядъ на книги и журнальныя статьи, касающ. исторіи русскаго народнаго быта. (Между прочимъ о Сб. Кирѣвскаго). Время. 61 г. 4.

Худяковъ. По поводу двухъ выпусковъ пѣсенъ Кирѣвскаго. М. Вѣд. 61 г. № 44.

Филоновъ. Русская народная поэзія. (Между прочимъ, о сб. Рыбникова и Кирѣвскаго). Ж. М. Н. П. 61 г. № 7.

Буслаевъ. Слѣды рус. богатырскаго эпоса въ мионическ. преданіяхъ индо-европейск. народовъ. Фил. Зап. за 62 г. в. 2—3.

Де-Шулъ. О рус. народномъ эпосѣ. Фил. Зап. 62 г. в. 4—5.

Русская народность въ ея повѣрїяхъ, обрядахъ и сказкахъ. (Между прочимъ, нѣсколько замѣтокъ о народныхъ русскихъ былинахъ, изданныхъ въ Изв. 2-го отд. А. Н. Москва. 1862 г.

Котляревскій. Старина и народность за 1861 г. Соб. соч. т. I. 1862 г.

Шепингъ. Русская народность въ ея повѣрїяхъ, обрядахъ и сказкахъ. М. 62 г.

«Основа». (Сравнивается дума о бурѣ на Черномъ морѣ съ былиною объ Алешѣ Поповичѣ). 1862 г. августъ ст. 21.

Срезневскій. Русскіе калики древнихъ временъ. Зап. Ак. Наукъ. Т. I. 1862 г.

Буслаевъ. Русскій богатырскій эпосъ. Р. В. 62 г. 3, 9 и 10.

Якушинъ. Кое-что объ изданіи Безсоновымъ народныхъ стиховъ и пѣсенъ. Биб. для чтенія. 63 г. 10.

Л. Майковъ. О былинахъ Владимірова цикла. 1863 г.

Критическая статья о книгѣ Л. Майкова. Библ. для чтенія. 1863 г. 10 ст. 26—32.

О. Миллеръ. (О боѣ Ильи съ сыномъ сравнительно съ германскимъ преданіемъ о томъ-же). Arch. für das Studium der neueren Sprachen und Litteratur за 1863 г.

Срезневскій. Круга каличья. Изв. Арх. Общ. Т. IV СПб. 1863—66 г.

Костомаровъ. Сѣверно—рус. народноправства. Т. П. ст. 246. О Садкѣ. СПб. 1863 г.

Буслаевъ. Испанскій эпосъ о Сидѣ. Прилож. къ V т. Зап. Ак. Н. 1864 г.

Котляревскій. Основной элементъ русской богатырской быliny. Филол. зап. 1864 г. вып. 1—2. Ст. 69—82.

О. Миллеръ. Русскій народный эпосъ передъ судомъ Соловьева. Б. д. ч. 64 г. 3.

А. Котляревскій. Скандинавскій корабль на Руси. Древности и труды М. Арх. Общ. за 1865 г.

О. Миллеръ. Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности. Изд. 2-е. СПб. 1865 г.

Срезневскій. Отчетъ о 33-мъ присуж. Демидовск. наградъ, Реценція на сбор. Рыбникова. СПб. 1865 г.

А. Бѣляевъ. Чуденъ крестъ Леванидовскій. (Опытъ изложенія историческаго значенія былинъ). День 1865 г. № 29.

Marthe. Die russische Heldensage. 1865 г.

Афанасьевъ. Поэтическія возрѣнія славянъ на природу. М. 66 г.

А. Котляревскій. Разборъ «Поэт. возрѣній». Т. I. Очетъ о X прис. Уваровскихъ наградъ.

Тихонравовъ. Слово о полку Игоревѣ. М. 1866 г.

О. Миллеръ. Сборники по народной словесности за 1866 г. Ж. М. Н. П. 1867 г. кн. 1—3.

Bistrom. Das russische volksepos. Zeitschrift für Psychologie und Schprahenwissenschaft. 1867—68 г.

Стасовъ. Происхожденіе русскихъ былинъ. В. Е. 1868 г.

О. Миллеръ. О значеніи судьбы въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ. (Засѣд. геогр. общ. по отд. этнограф. 22 апр.). СПб. Вѣдомости № 126. 1866 г.

Стасовъ. Блестящій триумвиратъ. СПб. Вѣдом. 1868 г. № 318 и 319.

О. Миллеръ. Отвѣтъ Стасову на статью «Блестящій триумвиратъ». Голосъ. 63 г. № 333.

В. В-въ. Русскіе богатыри. Отеч. Зап. 68 г. 9. с. 301—324.

Протоколъ собранія, на кот. О. Миллеръ возражалъ Стасову. Изв. геогр. общ. 1868 г.

Пыпинъ. Русскіе богатыри. От. Зап. 1868 г. № 9.

Гильфердингъ. Происхожденіе русскихъ былинъ. Газ. «Москва» 1868 г. № 135, 136.

А. Веселовскій. О сравнительномъ изученіи средне-вѣковаго эпоса (Методологическія замѣчанія на теорію Стасова). Ж. М. Н. П. 1868 г. 11.

Л. Майковъ. (О сборникѣ Рыбникова 4-ой части). Ж. М. Н. П. 1868 г. 5.

Лавровскій. Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ. Ж. М. Н. П. ч. С. XXXVІІ. 1868 г. 3.

Бѣляевъ. Сказанія о началѣ Москвы. Р. В. 68 г. 3. ст. 16—20.

Некрасовъ. О современ. задачахъ изученія древней русской литературы. (Говорится о теор. заимствованія). Годичный актъ Новороссійскаго университета 1869 г.

О. Миллеръ. Ссора Ильи съ Владиміромъ. Заря 1869 г. № 2. (Вошла въ диссертацию).

О. Миллеръ. Илья Муромецъ и богатырство кіевское. 1869 г.

Статья Ягича о Стасовѣ. Труды юго-славянской Академіи. 1869 г. кн. VІІІ.

Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. ІІІ. гл. І с. 110—113. (О Буслаевѣ) и т. ХІІІ. 1863 г.

Стасовъ. Объ образѣ Ильи Муромца. Изв. Арх. Общ. т. ІІІ. вып. ІІ годъ (?).

Пыпинъ. О былинѣ «сказ. о трехъ богат.» и объ «Ист. объ Ильѣ Мур.» Учен. Зап. ІІ-го отд. Ак. Н. кн. ІV годъ?

Carl Antes. Das deutsche Hildebrandslied und die Jranisch Sohrabssage. (Перв. указ. на одну нашу был. о боѣ Ил. съ сыномъ въ связи со сказ. о Гильдебрантѣ). Weimarisches Jahrbuch, heraus. von R. Köller; IV B. I heft.

Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, съ замѣч. Безсо-

нова; первые 5 вып. М. 1860 — 70 гг. (изд. Общ. Люб. Рос. Слов.).

Пѣсни, собр. П. Н. Рыбниковымъ, съ зам. Безсонова; перв. три тома. 1861—67 гг.

1870—1880.

Безсоновъ. О вліяніи народнаго творчества на драматическія произв. Им. Екатерины. Заря 70 г. 4.

Пѣсни, собран. Кирѣевскимъ (рецен.) Р. В. 70 г. 10.

Буслаевъ и Шифнеръ. О Стасовѣ. Отчетъ о 12-мъ присужден. Уваров. наградъ. 1870 г.

А. Котляревскій. Основной элементъ русской богатырской былины. 1870 г. Соб. соч. т. II.

Стасовъ. Критика моихъ критиковъ. В. Е. 70 г. 2, 3.

О. Миллеръ. Прощальное слово Стасову. Заря. 1870 г. 3.

О. Миллеръ. Рѣчь передъ защитой диссертациі. Заря. 1870 г. 1 ст. 178—184. 2 — ст. 96—106.

К. Б—р. Илья Муромецъ и богатырство Кіевское О. Миллера. Заря. 70 г. 1.

Погодинъ. Замѣчаніе о нашихъ былинахъ. Ж. М. Н. П. 70 г. 12.

Гильтебрантъ. Богатыри по великорусскимъ пѣснямъ. Вил. Вѣс. 70 г. № 111, 112.

Розовъ. О происхожденіи русскихъ былинъ. Тр. К. Д. Ак. 71 г. 3, 4, 6 7.

Гильфердингъ. Ив. Як. Гусевъ, пѣвецъ былинъ. Р. Ст. 71 г. томъ IV.

Гильфердингъ. Рябининъ, пѣвецъ былинъ. Р. Ст. 72 г. V.

Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія. Т. I с. 362. (О Новгород. былин.) 1872 г.

Костомаровъ. Исторія Новгорода, Пскова и Рязани. (Истор. Мон. т. VIII) гл. IX с. 125—198 (о Бусл.).

Квашнинъ-Самаринъ. Русскія былины въ историческомъ и географическомъ отношеніи. Бесѣда. 1871 г. IV, V.

Буслаевъ. О книгѣ О. Миллера «Илья Муромецъ и богат. Киев.» Ж. М. Н. П. 71 г. 4.

В. Миллеръ. О сравнительномъ методѣ автора «происхожденія русскихъ былинъ». Бес. в. об. люб. рос. слов. 71 г. вып. 3.

Лавровскій. Замѣтка о текстѣ русскихъ былинъ. Изд. Филолог. Истит. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ за 1871 г. ст. 237.

А. Гильфердингъ. Олонецкая губ. и ея рапсоды. В. Е. 72 г. 3. (Впослѣдств. перепечатана въ «Онежск. былинахъ»).

Веселовскій. Калики переходящіе и богомильскіе странники (Апокрифич. элементъ въ былинахъ). В. Е. 72 г. 4.

Срезневскій. (О былинахъ). Фил. зап. 73 г. в. 1.

Буслаевъ. Разборъ книги О. Миллера. Отч. о 14-мъ прис. нагр. гр. Ув. 1872 г.

Кирпичниковъ. Опытъ сравнительнаго изученія западнаго и русскаго эпосовъ. Поэмы. Ломбардскаго цикла. М. 1873 г.

Гильфердингъ. Онежскія быliny. СПб. 1873 г.

Ralson. The Songs of the Russian people, — Russian Folk-stales. 1873 г.

Майковъ. Рецензія на сборникъ Гильфердинга. Ж. М. Н. П. 73 г. 8.

Костомаровъ. О пред. начальной лѣтописи. В. Е. 73 г. 3.

Гуляевъ. Письмо къ Майкову о пѣвцѣ былинъ Тупицынѣ. Изд. Им. рус. геогр. об. 74 г. 6.

(Впослѣд. переп. въ «Рус. был. стар. и нов. записи.»).

Н. Петровъ. О сборникѣ «Истор. пѣсенъ малор. нар.» Антоновича и Драгоманова. Т. К. Д. А. 74 г. 11.

Житецкій и Драгомановъ. Возраженіе на реф. О. Миллера на III-мъ Археол. Съѣздѣ. Киевл. 74 г. № 104.

Квашнинъ-Самаринъ. Новые источники для изученія русскаго народнаго эпоса. Р. В. 74 г. 10. (О сб. Гильфер.).

Каррьеръ. Искусство въ связи съ культурнымъ раз-

вѣщеніемъ и идеаломъ человѣчества. Ч. 2-ая (глава о слав. нар. поэзій). М. 1874 г.

Колосовъ. Новые дан. былеваго твор. сѣверн. края. (О сбор. Гильфер.) Ф. Зап. 74 г. в. II; 75 г. в. II.

О. Миллеръ. Къ вопросу о былин. и думахъ. СПБ. Вѣд. 74 г. № 265.

Л. Майковъ. Пѣвецъ былинъ въ окрестн. Барнаула. Извѣст. Географ. Общества. 1874 г. № 6.

Н. А. Новый сводъ русскихъ былинъ Авенариуса (рецен.) В. Е. 75 г. 12.

Драгомановъ. Письмо къ О. Миллеру. Др. и нов. Рос. 75 г. 9.

А. Веселовскій. Отрывки византийскаго эпоса въ русскомъ. В. Е. 75 г. 4.

Ягичъ. Die christlich—mythologische Schicht in der russischen volkseros. Ar. für. sl. Ph. т. I. 75 г.

Французскій ученый о русскомъ эпосѣ. Р. В. 76 г. 3. Vaimbaud. La Russie epique. 1876 г.

Максимовичъ. Собр. соч. т. I. (Въ какомъ вѣкѣ жилъ Илья Мур.). К. 1876 г.

О. Миллеръ. Объ одномъ эпизодѣ въ былинѣ о Святоторѣ. Фил. Зап. 76 г. в. 6.

Л. Майковъ. Новые данные рус. эпоса въ Заонежьи. Др. и нов. Рос. 1876 № 6.

О. Миллеръ. О сбор. пѣсенъ Кирѣвскаго. Отч. о XVIII прис. Увар. наградъ. 1876 г.

Французскій ученый Рамбо о русскомъ эпосѣ. В. Е. 1876 г. 4.

А. Веселовскій. (Объ Ильѣ и женѣ Святотора). Фил. Зап. 76 г. вып. VI с. 1—12.

А. Веселовскій. Красавица въ теремѣ и русская былина о подсолнечномъ царствѣ. Ж. М. Н. П. 77 г. 4.

Н. Петровъ. Слѣды сѣверно-русскаго былеваго эпоса въ южно-русской народной литературѣ. Тр. Киев. Д. Ак. 1878 г. 5.

Пыпинъ. (Рецензія на ст. Ягича). В. Е. 77 г. I. с. 45.

Пыпинъ. Статья объ изслѣд. о рус. эпосѣ Ягича. В. Е. 77 г. 4.

В. Миллеръ. Отголоски Александр. въ болгаро-русскихъ былинахъ. Ж. М. Н. П. 78 г. 12.

В. Миллеръ. По поводу Тяраяна и Баяна Слова. (О Микулѣ ст. 261—7). Ж. М. Н. П. 78 г. 12.

О. Миллеръ. О великорус. былинахъ и малорус. думахъ. Тр. III-го Ар. съѣзда. Кіев. 78 г.

Ягичъ. О славянской народной поэзіи. Слав. ежегод. 1878 г.

Л. Майковъ. Рецензія на сб. Кирши Данилова. Ж. М. Н. П. 78 г. 8.

В. Миллеръ. Отголоски финскаго эпоса въ русскомъ. Ж. М. Н. П. 1879 г. 12.

Wollner. Untersuchungen über die Folksepik der grossrussen. 1879 г.

О. Миллеръ. Новые домыслы ученія о заимствованіи. Рус. Филол. Вѣст. 79 г. ч. 3.

Морозовъ. Рецензія на книгу Вольнера о русскихъ былинахъ. Ж. М. Н. П. 1879 г. 12.

А. Веселовскій. Beitrage zur Erklärung des russischen Heldenepos. Ar. für sl. Ph. III c. 549—591. 1879 г.

Иловайскій. Истор. Россіи. Т. I. 1876 г. (О был. Влад. ц.) т. II 1880 г. с. 343 (о Буслаевѣ).

Отч. о 13-мъ присуд. Уваров. нагр. (объ Аванасьевѣ).

J. Ewreinoff. Das russische Heldenepos. Archiv für Studium neuen Sprachen und Litt. von Hering. B. 45.

Квашнинъ-Самаринъ. (О былинахъ, собр. Ефименко). Труды этногр. отд. Моск. об. люб. естест. и т. д. т. V в. II годъ?

Драгомановъ. Малорусскія преданія и рассказы. (Предисловіе) 1876 г.

A. Leskien. Ueber den Dialekt der russischen Volkslied des gouvernements Olonec. Beitrage zur Vergleichenden Sprachforschung 1870 г. B. VI.

А. Веселовскій. Разысканія въ области русскихъ народныхъ стиховъ. Сб. О. Р. Яз. и Слов. т. XX. 1879 г.

1880-- 1890 г.

Ждановъ. Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи. К. Ун. Из. 79 г. 12; 80 г. 1, 2, 3; 81 г. 1, 3, 4, 5, 7, 8.

Л. Майковъ. О старинныхъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ и былинъ. Ж. М. Н. П. 80 г. II.

О. Миллеръ. О былинахъ и ихъ сказителяхъ. Сборникъ Археологическаго Института 1880 г. ч. 3.

Ровинскій. Русскія народныя картинки. Т. 1, и 4. Сб. О. Р. яз. и Сл. т. XXVI и XXIII. Сп. 81 г.

А. Веселовскій. Южно-русскія былины. I, II. Зап. Ак. Н. 81 г. т. 39 или: Сб. О. Р. Я. и Сл. т. 22.

Барсовъ. Богатырское слово въ спискѣ 17 в. Зап. Ак. И. 82 г. т. 40.

А. Веселовскій. Разборъ книги Вольнера о рус. былинахъ. Russische Revue. 82 г.

Пыпинъ. Изслѣдованія о русской народности. В. Е. 83 г. 11.

Дашкевичъ. Къ вопросу о происхожденіи рус. былинъ. Былины объ Алешѣ Попов. и о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси. К. У. Из. 83 г. 3, 5.

А. Веселовскій. Исполинъ Илья Муромецъ у Льюиса-де-Кастильо. Ж. М. Н. П. 83 г. 5.

Халанскій. Великорусскія былины Кіевского цикла. Р. Ф. В. 84 г. 3, 4; 85 г. 1, 2, 3.

А. Веселовскій. О книгѣ Жданова «къ литературной исторіи русской былевой поэзіи». Ж. М. Н. П. 84 г. 2.

А. Веселовскій. Южно-русскія былины. 1884 г. Сб. От. Р. Я. и Сл. т. 36.

Сумцовъ. Опытъ объясненія малорус. пѣсни о Журилѣ. К. Ст. 85 г. июль.

Пыпинъ. Новыя разысканія въ народно-поэтической старинѣ. В. Е. 86 г. 12. (О Южно-рус. был. Веселовскаго).

А. Веселовскій. О Садкѣ. Archiv für sl. Ph. 86 г. ст. 282—291.

Созоновичъ. Пѣсни о дѣвушкѣ—воинѣ и былины о Ставрѣ. Варшава 1886 г. (Реценз. см. ст. Веселовскаго. Ж. М. Н. П. 90 г. № 3. С. 26—40).

А. Веселовскій. Былины о Садкѣ. Ж. М. Н. П. 86 г. 12.

Damberg. Versuch einer Geschichte der russisch. Helden-sage. Helsingfors. 1887 г.

Батюшковъ. Разборъ книги Созоновича «Пѣсни о дѣвушкѣ—воинѣ и былина о Ставрѣ». Ж. М. Н. П. 87. 3.

А. Веселовскій. Мелкія замѣтки къ былинамъ. Ж. М. Н. П. 88 г. 5.

О. Миллеръ. Еще къ вопросу о былинахъ (по нов. диссертациі Халанскаго). Ж. М. Н. П. 88 г. 7.

И. Манжура. О богатыряхъ. «Кіев. Ст.» 88 г. 8.

А. Соболевскій. Къ исторіи русскихъ былинъ. Ж. М. Н. П. 89 г. 7.

А. Веселовскій. Русский эпосъ и новые его изслѣдователи. (О Халанскомъ и Дамбергѣ). В. Е. 88. г. 7.

А. Веселовскій. Мелкія замѣтки къ былинамъ. Ж. М. Н. П. 89 г. 5.

Котляревскій. «О погребальныхъ обрядахъ славянъ». (Разборъ былины о потоцѣ). Собр. соч. т. III. 1889 г. (Есть отд. изд. 1868-го года).

В. Миллеръ. Замѣт. о женитьбѣ Святогора. Ж. М. Н. П. 89 г. ч. CCLIX.

А. Веселовскій. Разысканія въ области рус. дух. стиховъ. Сб. От. Р. Яз. и Слов. т. 28 (81 г.), 32 (83 г.), 46 (89 г.).

Халанскій. Замѣтки по славянской народной поэзіи (о Микулѣ Сел.) Р. Ф. В. 81 г. 4.

А. Галаховъ. Исторія русской словесности, древней и новой 1880 г. (статья О. Миллера о богатыряхъ).

Каллашъ. Мелкія этнологическія замѣтки. Этн. Об. 89. III.

1890—1894 г.

Халанскій. Былины о Жидовинѣ. Р. Ф. В. 90 г. 1.

В. Миллеръ. Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ. I. Добр. въ отъѣздѣ и выходѣ его жены замужъ за Алешу Поповича. II. Эстонскій вариантъ сказанія о боѣ отца съ сыномъ. III. Киргизскій вариантъ того-же сказанія. Этн. Обзор. 90 г. 2.

Каллашъ. Мелкія этнологич. замѣтки. И pro domo sua. Этногр. Обзор. 90 г. 2.

А. Веселовскій. Мелкія замѣтки къ былинамъ. Ж. М. Н. П. 90 г. № 3.

В. Мидлеръ. Варианты восточныхъ сказаній, близкихъ къ русскимъ былинамъ. Этн. Обзор. 90 г. V.

Соболевскій. Замѣтки о собственныхъ именахъ въ былинахъ. Жив. Ст. 90 г. в. П.

А. Веселовскій. Мелкія замѣтки къ былинамъ. Ж. М. Н. П. 90 г. 5.

Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. 4 тома. Особ. т. II. 1890—92 г.

Потанинъ. «Монгольское сказаніе о Гесерѣ-Ханѣ». В. Е. 90 г. 9.

Н. Тихонравовъ. Пять былинъ по рукописямъ XVIII в. Этн. Обзор. 91 г. 8. А также въ «Рус. былин. старой и новой записи».

Каллашъ. Къ малорусскимъ легендамъ объ Ильѣ Муромцѣ. Эт. Обзор. 91 г. 3 с. 241.

Потанинъ. Пилигримъ въ былинахъ и сказкахъ. Эт. Обзор. 91 г. 2.

Потанинъ. Ставръ Годиновичъ и Гесеръ. Этн. Обзор. 91 г. 3.

Кашанинъ. Къ повѣрьямъ о богатыряхъ. Киев. Ст. 91 г. августъ.

В. Миллеръ. Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ. X—XII. Этногр. Обзор. 92 г. 4.

Халанскій. Южно-русскія сказанія о кралевицѣ Маркѣ

въ связи съ произведеніями русскаго народнаго эпоса. Р. Ф. В. 92 г.

Пыпинъ. Иранскіе источники русской былины. (О книгѣ В. Миллера: «Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса»). В. Е. 92 г. 6.

Потанинъ. Марья Лебедь бѣлая въ былинахъ и сказкахъ. Этногр. Обзор. 92 г. № 2—3.

В. Миллеръ. Матеріалы для истор. былинныхъ сюжетовъ. VI. Къ былинѣ о Добрынѣ и Маринѣ. VII. Къ был. о невѣрной женѣ Святогора. VIII. Змѣя Горынская у Сокольника. IX. Къ был. о Мик. Селяниновичѣ. Этнограф. Обзор. 92 г. № 2—3.

Сумцовъ. Былины о Добрынѣ и Маринѣ и родственныя имъ сказанія о женѣ-волшебницѣ. Этно. обзор. 92 г. № 2—3.

В. Миллеръ. Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. М. 1892 г. и въ «Рус. Мыс.» за 1891 г.¹⁾

В. Миллеръ. Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ XIII в. Этногр. обзор. 93 г. 2.

Соболевскій. Рецензія на книгу В. Миллера. Жив. Стар. 1892 г.

В. Миллеръ. Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ. Этно. обзор. 93 г. 3.

Ив. Манжура и Н. Я. Къ вопросу объотголоскахъ богатырскаго эпоса въ южно-русскихъ сказаніяхъ. Этно. обзор. 92 г. 3.

Иловайскій. Объ Ильѣ Муромцѣ. (По поводу книги В. Миллера). Р. Ар. 93. 5.

Ждановъ. Василий Буслаевъ. Ж. М. Н. П. 93 г. 10, 11, 12. 94 г. 2, 3.

Русскія былины старой и новой записи, подъ редакціей В. Миллера и акад. Тихонравова. М. 1894 г.

В. Миллеръ. Наблюденія надъ географическимъ распространеніемъ былинъ. Ж. М. Н. П. 94 г. 5.

В. Миллеръ. Былинное преданіе въ Олонецкой губ. (Публичная лекція). Р. М. 94 г. 3.

¹⁾ Въ прилож. къ отд. изд. «Экскурсовъ» — «Кавказскія параллели». В. Миллера.

2. -

9215 - x -

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

MAY -5 '51

JUN 14 '51 H

